

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Междисциплинарная научно-образовательная школа
«Сохранение мирового культурно-исторического наследия»
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Малые языки в большой лингвистике

Выпуск 3

Minor languages in general linguistics

Issue 3

Москва
Буки Веди
2021

УДК 811
ББК 81.411.2-02
М20

Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 3 / Ред. Кс. П. Семёнова. — М.: «Буки Веди», 2021. — 180 с. — ISBN 978-5-4465-3478-4.

Minor languages in general linguistics. Issue 3 / Xenia Semionova (ed.). — Moscow: “Buki Vedi”, 2021. — 180 p. — ISBN 978-5-4465-3478-4.

В основу сборника вошли статьи, написанные участниками третьей конференции «Малые языки в большой лингвистике», проведённой кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 23–24 апреля 2021 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

Оглавление

От редактора.....	7
<i>М. Н. Архипова</i> Гендерный аспект в восприятии «советского» в постсоветской севернорусской деревне	9
<i>А. Е. Бакланов</i> Является ли дестинатив падежом в эвенском языке?.....	18
<i>Е. В. Буденная</i> Субъект первого лица в ингерманландском финском языке в сопоставлении с русским.....	27
<i>А. О. Бузанов</i> Иерархия позиций рефлексивов и ассоциативная множественность в быстринском диалекте эвенского языка.....	40
<i>А. А. Данилова</i> Деепричастия с показателем на -п в горномарийском языке.....	53
<i>А. Н. Закирова, Т. А. Майсак</i> Лексикализация рефлексива в нахско-дагестанских языках: от местоимения к союзу/частице	67
<i>Е. В. Кашкин</i> 'Громко', 'тихо' и их соседи: данные уральских языков Волго-Камского ареала	80
<i>Е. А. Лютикова</i> Атрибутив как лицензор предикативной структуры в хваршинской именной группе	92
<i>С. К. Михайлов</i> 2-в-1: две посессивные конструкции в одной парадигме севернохантыйских суффиксов	106
<i>Н. А. Муравьев, Д. О. Жорник</i> Залог в обско-угорских языках: в поисках инструментов описания	118

<i>А. Д. Ногина, А. Е. Постникова</i>	
Дикая собака динго, или показатель <i>-d'iŋA</i>	
в быстринском диалекте эвенского языка.....	129
<i>Д. А. Рыжова</i>	
Кодирование аргументов двухместных предикатов	
в казымском диалекте хантыйского языка.....	143
<i>Н. М. Стойнова</i>	
Изменения аргументной структуры в вымирающем языке:	
полевые данные ульчского языка.....	155
<i>И. А. Хомченкова</i>	
Русские числительные в осетинской речи:	
структурные и семантические особенности.....	167

Contents

Editorial.....	7
<i>Maryana Arkhipova</i>	
Gender aspect in the perception of the “Soviet”	
in a post-Soviet North Russian village	9
<i>Alexey Baklanov</i>	
Is destinative a case in Even?	18
<i>Evgeniya Budennaya</i>	
First-person subject in Russian and Ingrian Finnish.....	27
<i>Anton Buzanov</i>	
Hierarchy of positions of reflexives and associative plural	
in the Bystraja dialect of Even.....	40
<i>Anna Daniłova</i>	
Converbs in <i>-n</i> in Hill Mari.....	53
<i>Aigul Zakirova, Timur Maisak</i>	
Lexicalized reflexives in Nakh-Daghestanian:	
From pronouns to conjunctions/particles.....	67
<i>Egor Kashkin</i>	
‘Loud’, ‘quiet’ and their neighbours:	
Evidence form the Uralic languages of the Volga-Kama area	80

Ekaterina Lyutikova

- Attributivizer as a licenser of predication
in Khwarshi noun phrase 92

Stepan Mikhailov

- 2-in-1: Two possessive constructions
in one Northern Khanty paradigm of suffixes 106

Nikita Muravyev, Daria Zhornik

- Voice in Ob-Ugric: In search of a descriptive framework 118

Alexandra Nogina, Anna Postnikova

- Wild dog dingo or marker *-d'iqA* in the Bystraja dialect
of Even language.....129

Daria Ryzhova

- Bivalent predicates' argument encoding in Kazym Khanty.....143

Natalia Stoynova

- Change in argument encoding in an endangered language:
Field-data of Ulcha.....155

Irina Khomchenkova

- Russian numerals in Ossetic speech:
Structural and semantic features 167

От редактора

Основу этого сборника составляют статьи участников третьей конференции «Малые языки в большой лингвистике» (МЯБЛ-2021), прошедшей на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 23–24 апреля 2021 года; конференция была впервые проведена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (направление «Модели анализа языков и культур коренных народов России»).

Языки, ставшие объектом исследования, представляют почти все крупные языковые семьи Евразии: северокавказскую (андийские, цезские и лезгинские), уральскую (прибалтийско-финские, марийские, пермские и обско-угорские), алтайскую (тюркские и тунгусо-манчжурские) и индоевропейскую (осетинский язык иранской группы).

С этого года принято решение включать в сборник не только статьи участников одноимённой конференции, но и работы других специалистов, занимающихся малыми языками (именно поэтому вместо привычного «сборник трудов конференции» внимательный читатель в библиографическом описании найдёт элемент «выпуск 3»). Первые плоды это уже принесло. Стоит отдельно отметить, что сборник открывается работой по социальной антропологии — пожалуй, первой в таком роде в серии публикаций МЯБЛ (статья М. Н. Архиповой, кафедра этнологии исторического факультета МГУ). Хочется верить, что это начинание будет поддержано коллегами и в следующем году, и описание малых языков приобретёт дополнительные грани.

Не могу не сказать, что редактору серии, конечно, крайне приятно видеть не только новые фамилии авторов, публикующихся здесь впервые, но и «старожиллов», для которых статьи в этом выпуске становятся вторыми, а то и третьими в серии «Малые языки в большой лингвистике»: таковы работы А. А. Даниловой, Е. В. Кашкина, Е. А. Лютиковой, Т. А. Майсака, Н. М. Стойновой, И. А. Хомченковой.

Кс. П. Семёнова

Гендерный аспект в восприятии «советского» в постсоветской севернорусской деревне

Марьяна Николаевна Архипова
МГУ имени М. В. Ломоносова
marta_ko@mail.ru

Статья посвящена изучению различных точек зрения относительно «советского» в современной севернорусской деревне. Работа основана на полевых исследованиях автора в Архангельской области, были проанализированы интервью бывших или нынешних управленцев (мужчин и женщин). В статье делается вывод о наличии корреляции гендерной принадлежности с принятием или отрицанием «советских» практик и моделей поведения среди сельских жителей Русского Севера.

Ключевые слова: Русский Север, гендерные исследования, «советское», теория транзита, соционорматика.

Gender aspect in the perception of the “Soviet” in a post-Soviet North Russian village

Maryana N. Arkhipova
Lomonosov Moscow State University
marta_ko@mail.ru

The article is devoted to the study of various points of view regarding the “Soviet” in villages of the north of European Russia now days. The work is based on the author's field studies in the Arkhangelsk region, interviews of former or current managers (men and women) were analyzed. The article concludes that there is a correlation between gender identity and acceptance or rejection of “Soviet” practices and behavior patterns among rural residents of the north of European Russia.

Key words: the north of European Russia, gender studies, “Soviet”, transit theory, social norms of behavior.

Советский период — длительный, сложный и противоречивый этап в истории нашей страны. Распад СССР на множество независимых стран и их дальнейшее обособленное развитие воспринимается по-разному не только обывателями, но и исследователями.

Так в последние годы в западной антропологической литературе идёт дискуссия о путях развития стран бывшего социалистического лагеря, и стран бывшего СССР в частности. Была сформулирована теория транзита, а также пост-транзита, пост-пост-транзита как дальнейшие варианты данной теории. Эту идею развивали К. Вэрдери, М. Великоня [Verdery 1991; Velikonja 2009]. Однако все эти теории встретили и противников, в частности в ставшей знаменитой статье «Теории пост-пост-транзита: по многочисленным путям» М. Буяндельгерин [Buyandelgeriyn 2008] саркастически отмечается бессмысленность самого понятия пост-транзитной культуры. Автор подчёркивает не скачкообразность, а постепенность перехода от «прошлого» социалистического общества к «новому», к слову сказать, далеко не обязательно к капиталистическому, обществу. Похожую формулировку можно встретить в статье В. В. Пименова «О некоторых закономерностях в развитии народной культуры», написанной еще в 1960-е гг., в которой автор выдвинул теорию «мелких культурных скачков», подчеркивая, что исторические границы важны, но изменения в культуре происходят не столь резко [Пименов 1967].

Мои полевые исследования показали, что и среди жителей сельских районов России существуют различные точки зрения на тактику существования в постсоветских социально-экономических условиях. Почти все информанты в возрасте от 40 лет так или иначе воспринимают существующие реалии через призму «советского», для них это стало своеобразной точкой отсчёта, «временем сновидений», как сказали бы австралийские аборигены. При этом на восприятие советского прошлого и перестройки особенно сильно могут влиять возраст, политические взгляды, экономическое положение в прошлом и сейчас.

В данной статье показано, как меняется восприятие «советского» в зависимости от гендерной принадлежности на примере жителей сельской местности одного сельского района.

О постсоциалистических трансформациях и об их влиянии на жизни и судьбы людей в современной антропологической науке написано много работ. В частности, в статье М. Буяндельгерин «Теории пост-пост-транзита», подчеркивался «факт, что мужчины

и женщины пережили постсоциалистическую трансформацию по-разному, до недавнего времени гендерные анализы были незначительными в основных работах по экономике, идентичности и политике» [Буяндельгерин 2008: 242]. Подобные исследования — это удел как раз социальных наук. При этом не стоит отрицать, что гендерными антропологическими исследованиями занимаются, как правило, женщины. И вообще гендерные исследования в антропологии — это во многом изучение женщины как объекта. В своей статье я постаралась уйти от такого подхода и уделить внимание и мужчинам, а точнее — их восприятию «советского».

Источником для исследования послужили полевые материалы, собранные в Архангельской области за последние пятнадцать лет в ходе работы Северорусской этнологической экспедиции кафедры этнологии МГУ, в которой я принимала непосредственное участие. Все имена и названия деревень были скрыты по этическим соображениям.

Для данного исследования были выделены интервью с людьми, которые были в недавнем прошлом или являются сейчас главами сельских советов, администраций деревни, работали или работают в этой системе, начиная с 1990-х годов, то есть в постсоветский период. Среди информантов были как мужчины, так и женщины. Это люди в возрасте в среднем от 40 до 50 лет, то есть они довольно значительную часть времени прожили при советской власти, их личностное становление пришлось на советское время, поэтому можно было предположить, что и их отношение к «советскому» будет особым. И в данной статье было рассмотрено, как управленцы постсоветской деревни продолжали следовать или, напротив, отрицали те принципы в работе, которые были характерны для советского времени.

В целом, почти во всех интервью с людьми среднего и пожилого возраста, когда речь заходила о советском прошлом, чувствовалась своеобразная ностальгия по советскому. И мужчины, и женщины с нежностью вспоминали советские времена. Сельские жители говорили об особом духе коллективизма, о том, что люди были добрыми и отзывчивыми, жили дружно, уважали друг друга, о том, что всегда приходили друг другу на помощь. Человеческие ценности были совершенно иными, по сравнению с настоящим временем.

Таковыми принципами, по мнению наших информантов, были, прежде всего, принципы коллективизма и взаимопомощи как основы успешного существования деревни.

Обратимся сначала к женской половине информантов. Советская власть при всех своих прочих спорных социальных программах, на мой взгляд, действовала успешно в области так называемого «женского вопроса». Говорить об ущемлении советской женщины в вопросах возможности получения образования, руководящих постов не приходится. Как уже было отмечено, все мои собеседницы занимали ранее или занимают сейчас руководящие должности в деревнях. Это женщины, чьи матери и даже бабушки воспитывались, хотя бы де-юре, в атмосфере равноправия. Многие из информанток — это женщины с образованием не ниже среднего специального.

В одной из деревень Архангельской области мы брали интервью у женщин, которые сейчас составляют костяк совета деревни. На вопрос, кто туда входит и чем в целом занимается совет деревни, они ответили:

(1) Там женщины у нас в основном: вот [называет фамилию — М. А.], она председатель у нас там, как староста идёт. В совете деревни у нас кто ещё? У нас одни и те же так везде так. Ну вот... [называет имена и фамилии — М. А.] — и они и в женсовете, и там... Все — женщины в основном. Ну решают, как у нас праздники, например, готовимся, и вот они приходят сюда, решают, чего как провести, что будем проводить.

Совет деревни — это выборный орган местной власти, своеобразный парламент, работа в котором не оплачивается. В нем состоят далеко не только женщины, но костяк — активистки, которые еще состоят и в женсовете. Интересно отметить, что до перестройки никто из наших информанток не занимал руководящих постов в совхозах и в прочих организациях. Они работали в школе, библиотеке, клубе.

Наши собеседницы рассказали о том, что именно они организуют общественные работы по благоустройству деревни:

(2) И перед праздниками сейчас тоже субботники делали, тоже решали, что надо делать, список составляли: сегодня это убираем, завтра то убираем, ну территорию. Кладбище каждый год убираем ходим. Мост вот тоже строили... Безработных привлекаем через центр занятости.

При этом такие общественные работы организуются по модели помочей, которые были широко распространены в дореволюционной деревне, ср. [Тихоницкая 1934: 76].

Женщины рассказали, что, помимо хороших работников, на эти помочи они специально зовут тех, кто стоит на учёте «по безработице» и у кого скоро подойдет срок окончания выплат от государства. По закону «О занятости населения в Российской Федерации», «каждый период выплаты пособия по безработице не может превышать 12 месяцев в суммарном исчислении в течение 26 календарных месяцев, за исключением случаев, предусмотренных законодательством» [Закон РФ... 2014: 30]. Срок пребывания в качестве безработного с выплатой пособия ограничен тремя месяцами, чтобы возобновить его, необходимо отработать хотя бы на временной работе, и только после этого вновь встать на учёт в центр занятости. То есть безработным надо отработать хотя бы несколько дней, но с официальной записью в трудовую книжку. У членов совета деревни есть все данные по безработным, и они помогают тем, кто в этом в данный момент наиболее остро нуждается.

О подобной помощи безработным нам рассказала секретарь администрации в деревне Архангельской области. Она выступает в роли переписчика во время похозяйственной переписи в своем районе. За эту работу полагается денежное вознаграждение. Женщина рассказала о своей личной схеме помощи. В качестве переписчиков оформляются безработные матери-одиночки. Перепись наша информантка им не доверяет, по ее словам, «они и не справятся». Она сама ходит по домам и заполняет необходимые документы, и вознаграждение за работу тоже забирает себе. Но во всех документах в качестве переписчиков она оформляет тех самых матерей-одиночек, которым идет запись в трудовую книжку, добавляется трудовой стаж и дается возможность дольше получать пособие по безработице. Интересно отметить, что наша собеседница помогает исключительно женщинам, которые попали в сложную жизненную ситуацию — остались одни, без достаточных средств к существованию.

Но, пожалуй, самый яркий пример женщины у власти, который нам удалось зафиксировать в ходе полевых исследований, — это бывшая глава сельской администрации одной из деревень, в которой нам приходилось работать в поле. Учительница начальных классов, в юности — чемпионка района по лыжам, активистка. Она возглавила администрацию в начале 2000-х гг., пробыв у руля два срока. Когда она рассказывала о своих буднях в роли главы администрации, она много внимания уделяла организатор-

ской работе. Наша героиня, например, организовывала турслеты, соревнования по лыжам для работников администрации:

(3) У нас там совет общественности неплохо работал при администрации. Семьи все: и благополучные, и такие. И походы у нас были с родителями и детьми, и зимние катания у нас там были...

Вообще, к этой женщине в деревне противоречивое отношение. Кто-то ругает ее за странные и необдуманные действия. А кто-то вспоминает, что в тяжелые для деревни годы она помогала именно тем, кто особенно в этом нуждался (и вновь здесь упоминается принцип взаимопомощи). На свои деньги наша информантка закупала кроликов, которых раздавала семьям, чтобы они их выращивали на мясо. Но, по ее же словам, почти все кролики погибли и эта своеобразная социально-экономическая программа не увенчалась успехом. Еще до ее вступления на пост главы администрации, в 1990-е годы, наша героиня работала учителем. Она заметила, что у некоторых учеников очень неблагополучные семьи, родители пьют. И тогда женщина организовала кампанию: попыталась закодировать деревенских пьяниц. Она обратилась в администрацию за помощью, ей согласились выдать только автомобиль, но не деньги. Большею частью за свой счет женщина отвезла 12 человек самых отъявленных пьяниц деревни в архангельскую больницу для кодирования. Да, большинство из них снова начали пить по прошествии времени, но сама героиня считает это важным мероприятием в своей жизни. Когда она рассказывает о своей работе в качестве главы, рассуждает именно о духе коллективизма и взаимопомощи, которые и должны, по ее мнению, помочь деревне и ее жителям:

(4) Ладно бы дороги. Дороги — тут можно всем миром разобраться... Если работать, то работать хорошо. У меня везде такой принцип. Я вот если чужим что-то пообещала, я вот своё не сделаю, а обещание другому выполняю.

Как видно из рассмотренных примеров женщин, которые занимают или занимали в недавнем прошлом руководящие посты в постсоветской деревне, главными принципами в их работе стали принципы коллективизма и взаимопомощи. И именно их они называли в качестве ключевых положительных «советских» принципов.

Теперь обратимся к мужчинам-руководителям. Они точно так же, как и женщины, часто с ностальгией вспоминали советские времена, с негодованием рассуждали о современных трудностях, с которыми столкнулась деревня.

Один из наших информантов стал главой сельской администрации в 1991 году. На время его руководства пришлось самые сложные для деревни годы перестройки и перехода на новую модель управления. Это был переходный период, когда еще почти все сельские организации — школа, больница, детский сад — подчинялись главе сельсовета. В его обязанности входило снабжать их дровами, решать бытовые проблемы. Наш информант вспоминал, как в один из таких годов зимой закончилась солярка на местной электростанции. Тогда он не смог решить эту проблему с районным начальством:

(5) Мы собрали весь актив [деревни — М. А.] и создали телеграмму. Сразу на губернатора области. Пришел на почту, телеграмму отбили, деньги заплатил. Через полчаса руководитель звонит с района...

Рассуждая о работе главы сельской администрации после развала Советского Союза, наш собеседник сетовал на то, что сейчас быть главой сложнее, чем в советские времена:

(6) Я, как ни погляжу, как ни послушаю, одни сплошные проверки, прокуратуры. Всю инициативу режут на корню.

Другой наш собеседник был главой администрации в 2016 г., как раз в тот год, когда у него взяли интервью. Он много рассказывал о сложности его работы и том, как ему тяжело даётся организация работы деревни. Говорил он много о бытовых вопросах: о дороге, мостах, работах по ремонту. Мужчина отдельно подчеркнул, что в деревне его часто путают с председателем колхоза старого образца, который, по сути, был ответственен за всё, что происходило в деревне, даже если это выходило за рамки его прямых обязанностей. Например, в разговоре он упомянул, что к нему ходят жаловаться учителя на холод в школе:

(7) Спрашивают, почему у нас в школе холодно. А мы что можем сделать? Ведь школа и администрация — это разные ведомства. Что мы сделать можем? Денег ведь у нас нету... Бюджет формируется в... [в районе — М. А.]. Нам сколько дадут денег, столько мы и расходует.

К ТОСам — организациям территориально общественного самоуправления — руководитель относится тоже скептически, поскольку «деньги малые. Мы вот в этом году даже не стали писать заявку... Ну, двадцать тридцать тысяч. Ну и что ты на эти двадцать-тридцать тысяч сделаешь?»

Наш собеседник с иронией вспоминал, как при уже упоминавшейся ранее женщине — главе администрации был выигран государственный грант на строительство моста между двумя соседними деревнями:

(8) *Они тоже по ТОСам строили при... [называет фамилию — М. А.]. Проверяйте вы мосты-то, прежде чем принимать! Его унесло на следующий год-то. Ну ладно, еще сто тысяч дали. Они еще построили, но построили неправильно. И опять его... Надо было контролировать. Специалистов-то нету таких. Раньше старики на топор рубили, сейчас техники — не можем построить.*

При этом нашего героя нельзя обвинить в халатности или недостаточной заинтересованности в работе. Он — очень рациональный руководитель. Своей главной задачей он видел прокладывание дороги между своей, соседними деревнями и районным центром. Для этого он не раз ездил в район и лично договаривался с руководителем дорожной службы, чтобы они «заехали в их края». Но ко многим общественным инициативам мужчина относился скептически, не верил в их успех. Он каждый год организовывал субботники, на которые приходило, по его словам, мало людей, а из молодежи один-два человека. В итоге руководитель договаривался с дирекцией школы, чтобы на субботник приводили школьников.

Как видно из этих отрывков, мужчины-председатели, в отличие от женщин, редко апеллируют к духу коллективизма. Они использовали в своей работе административные ресурсы, личные контакты с вышестоящим начальством, договоренности, а иногда просто обходили систему, в которой оказались в силу своей должности. Женщины же используют другую модель руководства и существования в системе власти. Они активно привлекают общественность, стараются одновременно с выполнением своих обязанностей помочь тем, кто, с их точки зрения, наиболее остро в этом нуждается. Если говорить о культурно-массовых мероприятиях, мужчины ни разу в своих интервью не упоминали о таком виде деятельности, это им кажется неважным.

Последовательные усилия Советов по освобождению женщин заставили их принимать активное участие в строительстве государства. Женщины были предметом трансформации больше, чем мужчины (ср., [Bloch 2000: 44]). Женщины, например, оказались более восприимчивы к советской экономической модели. Возможно, сам подход коллективности, активного общественного привлечения больше подошёл им. Мужчины же, хоть и не скрывают свою ностальгию по «советскому» как синониму стабильности, ясности будущего, не применяют на практике те модели управления, которые, казалось бы, им были симпатичны в советские времена. Таким образом, можно сделать вывод о корреляции между гендерной принадлежностью и восприятием, воспроизводством или отрицанием на практике «советского» в постсоветской севернорусской деревне.

Литература

- Закон РФ 2014 — Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации». М., 2014.
- Пименов 1967 — Пименов В.В. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры // Советская этнография. 1967. № 2. С. 3–14.
- Тихоницкая 1934 — Тихоницкая Н.Н. Сельскохозяйственная толока у русских // Советская этнография. 1934. № 4. С. 73–90.
- Bloch 2000 — Bloch A. Authenticating tradition: Material culture, youth, and belonging in central Siberia / *Museum Anthropology*. 2000. 23(3). Pp. 42–57.
- Buyandelgeriyn 2008 — Buyandelgeriyn M. Post-post-transition theories: Walking on multiple paths / *Annual review of anthropology*. 2008. Vol. 27. Pp. 235–250.
- Velikonja 2009 — Velikonja M. Lost in transition nostalgia for socialism in post-socialist countries / *East European: Politics and societies*. 2009. Vol. 23. No. 4. Pp. 535–551.
- Verdery 1991 — Verdery K. Theorizing socialism: a Prologue to the “Tranzition” / *American Ethnologist*. 1991. Vol. 18. No. 3. Pp. 419–439.

Является ли дестинатив падежом в эвенском языке?*

Алексей Евгеньевич Бакланов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
aebaklanov@hse.ru

Эта работа посвящена описанию структурных свойств дестинатива в эвенском языке, которые позволяют поставить под сомнение традиционную классификацию дестинатива как падежа. В работе предлагается альтернативный взгляд на дестинатив как на модификатор посессивных отношений.

Ключевые слова: лингвистика, дестинатив, эвенский язык, посессивность, падеж.

Is destinative a case in Even?

Alexey Baklanov

National Research University Higher School of Economics
aebaklanov@hse.ru

This paper is dedicated to description of structural features of destinative in Even, that call into question the common way to identify destinative as a case. In this paper you can find an alternative view on destinative as a modifier of possession.

Keywords: linguistics, destinative, Even, possession, case.

1. Введение

Дестинатив (десигнатив, назначительный падеж, неопределённый аккузатив и др.) — грамматическая категория, характерная

---

* Исследование выполнено в Лаборатории социогуманитарных исследований Севера и Арктики в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

для некоторых тунгусо-маньчжурских языков. Этот термин используется для обозначения типологически разных понятий. В этой работе речь будет идти об особом показателе в эвенском языке¹. Существительное с показателем дестинатива означает 'кто-то/что-то, предназначенное для кого-то/чего-то'. Этот показатель занимает позицию падежа в словоформе и находится в отношении дополнительной дистрибуции с остальными падежами (см. пример (1)). За ним следует показатель лица и числа possessора, который может быть дополнен отдельным словом — possessором, который выражает участника со значением **потенциального обладателя**.

- (1) *bi var'a or-ŋa-n*   *bu-ri-wi.*
 я Варя олень-DST-POSS.3SG   дать-PST-1SG
 'Я отдал Варю оленя.'

В традиции изучения тунгусо-маньчжурских языков дестинатив принято описывать в рамках падежной системы из-за его позиции в словоформе (эвенский — [Benzing 1955; Malchukov 1995; Лебедев 1978], нанайский — [Аврорин 1959], орокский — [Озолина 2013], ороцкий — [Аврорин, Болдырев 2001], ульчский — [Суник 1985], удэгейский — [Nikolaeva, Tolskaya 2001]). Однако дестинатив, как будет показано в работе, обладает рядом необычных свойств, не характерных для падежей. Ранее предположения о том, что дестинатив не похож на другие падежи, высказывались Андреем Львовичем Мальчуковым [Malchukov 2008]. По мнению Андрея Львовича, дестинатив отличается от остальных падежей тем, что выражает функции сразу двух участников ситуации: для одного участника показывает его синтаксическую роль, а для его possessора модифицирует значение актуального обладания в значение потенциального обладания. Таким образом, дестинатив в примере (1) сообщает о том, что синтаксическая роль слова *orŋan* 'олень' — прямой объект, а *var'a* 'Варя' не обладает оленем в настоящий момент, но должна начать им обладать после того, как акт передачи будет завершён.

---

¹ Эвенский язык — язык эвенов, относится к северной подгруппе тунгусо-маньчжурской языковой семьи. Примеры (1), (3), (5)–(10) собраны в ходе экспедиции по изучению быстринского диалекта эвенского языка в сёла Эссо и Анавгай Быстринского района Камчатского края в июле 2021 года.

В работе описываются нехарактерные для падежей особенности дестинатива. В разделах 2 и 3 обсуждаются различия между парадигмами посессивных показателей для падежей и дестинатива и обязательность посессивного показателя. В разделе 4 описывается разнообразие синтаксических ролей, которые может занимать существительное с показателем дестинатива. Особенности согласования прилагательных и причастий с существительными в дестинативе описаны в разделе 5. Наконец, в разделе 6 предложен альтернативный вариант интерпретации дестинатива.

2. Парадигма посессивных показателей

В эвенском языке посессивность выражается при помощи вершинного маркирования. Показатель посессивности расположен в словоформе после показателя падежа. Парадигма посессивных показателей едина для разных падежных форм существительных ([Цинциус 1947: 138–140]), однако после показателя дестинатива (3) для некоторых лиц появляются специальные посессивные показатели (2), при этом различие этих форм нельзя описать с помощью морфонологических правил эвенского языка. С другой стороны, парадигма посессивных показателей частично схожа с парадигмой личных окончаний целевого конверба (4).

(2) *min gerbe-wu tamara bataxaeva.*
 мой имя-POSS.1SG Тамара Батахаева
 ‘Моё имя — Тамара Батахаева.’ [Pakendorf, Aralova 2009–2013: 126]

(3) *olla-ŋ-ga-ku kim-ni-n etiken.*
 рыба-AL-DST-POSS.1SG готовить-PST-POSS.3SG старик
 ‘Старик приготовил рыбу для меня.’

(4) *ŋeluki gun-ni-n ewi-d-u.ken-de-ku un-u.*
 волк сказать-PST-3SG играть-PROG-CAUS-PURP-1SG вы-ACC
 ‘Волк попросил меня поиграть с вами.’ [Pakendorf, Aralova 2009–2013: 158]

В таблице 1 приводится сравнение показателей. Показатели, совпадающие с теми, что характерны для дестинатива, выделены жирным.

Особые посессивные показатели выделяют дестинатив из ряда падежей, указывая на то, что он, возможно, имеет другое происхождение, нежели остальные падежи. Кроме того, эта черта сбли-

жает дестинатив с глагольными формами, что может наводить на мысли о его глагольном происхождении.

Таблица 1. Посессивные показатели падежей, дестинатива и конверба цели

	падежи	DST	PURP
1SG	<i>-wu</i>	<i>-ku</i>	<i>-ku</i>
2SG	<i>-š</i>	<i>-š</i>	<i>-kaš</i>
3SG	<i>-n</i>	<i>-n</i>	<i>-n</i>
1PL.INC	<i>-wun</i>	<i>-kun</i>	<i>-kun</i>
1PL.EXC	<i>-t</i>	<i>-t</i>	<i>-kun</i>
2PL	<i>-šan</i>	<i>-šan</i>	<i>-kašan</i>
3PL	<i>-tan</i>	<i>-tan</i>	<i>-tan</i>
REFL.SG	<i>-ji</i>	<i>-ji</i>	<i>-ji</i>
REFL.PL	<i>-wur</i>	<i>-wur</i>	<i>-wur</i>

3. Обязательность посессивного или посессивно-рефлексивного показателя после показателя дестинатива

В эвенском языке посессивный маркер после показателя падежа опционален и зависит от того, нужно ли нам выразить значение принадлежности или нет. Однако при употреблении дестинатива без маркера посессивности обойтись нельзя [Цинциус 1947: 140]. Если описывать употребление дестинатива с точки зрения системы склонений (простое, лично-притяжательное и возвратно-притяжательное, как в [Malchukov 1995: 9]), то можно сказать, что дестинатив употребляется только в лично-притяжательном и возвратно-притяжательном склонении, в то время как в простом склонении он отсутствует. С одной стороны, эту особенность можно объяснить тем, что дестинатив, как было сказано выше, предположительно влияет на семантику сразу двух участников ситуации, которые оба должны быть выражены в предложении. В таком случае употребление дестинатива без показателя посессивности невозможно из-за его семантики, а не структурных ограничений. С другой стороны, если дестинатив является не падежом, а значением иной грамматической категории, применяемой непосредственно к посессивности, то логично будет предположить, что он не сможет существовать без посессивности. Проблема этого подхода заключается в том, что выражение посессивности на существительном скорее всего является согласованием с посессором, а не маркированием участника как посессора (подробнее о похожих случаях в [Preminger 2014]). В таком случае,

рассуждение можно построить так: если у нас появляется посесор, то он отображается на существительном с помощью согласования. В свою очередь, дестинатив может появиться на существительном, если на нём в результате согласования появляется показатель посессивности.

4. Разнообразие выражаемых синтаксических ролей

В тех тунгусо-маньчжурских языках, где есть дестинатив (нанайский, ороцкий и др.), он обычно используется для маркирования двух синтаксических позиций: прямого объекта (5) и адьюнкта со значением «в качестве» (6). Эвенский дестинатив, помимо прямого объекта и адьюнкта, может в некоторых случаях маркировать ещё и субъект (7).²

- (5) a. *bi aŋa-ni-wu anton urbak-ka-n.*
я шить-PST-1SG Антон рубашка-DST-3SG
'Я сшил рубашку Антону.'
- b. *bi aŋa-ni-wu urbak-u anton-du.*
я шить-PST-1SG рубашка-ACC Антон-DAT
'Я сшил рубашку Антону.'
- (6) *bi bak-ri-wu anton men ge-ga-ji.*
я найти-PST-1SG Антон REFL друг-DST-POSS.REFL.SG
'Я нашёл Антона себе в качестве друга.'
- (7) a. *olla-ŋ-ga-ku xalad'il'nik-dula bi-si-n.*
рыба-AL-DST-POSS.1SG холодильник-LOC быть-PST-3SG
'Рыба для меня была в холодильнике.'
- b. *min olla-wu xalad'il'nik-dula bi-si-n.*
мой рыба-POSS.1SG холодильник-LOC быть-PST-3SG
'Рыба для меня была в холодильнике.'

Возможность одинакового маркирования субъекта и прямого объекта необычна для языка с аккузативной стратегией кодирования актантов. Использование номинатива и аккузатива отличается только отсутствием значения предназначенности, которое восполняется носителями при помощи посессивности для субъекта (7b) или датива для прямого объекта (5b).

² Не все носители эвенского языка используют и разрешают субъектное употребление дестинатива.

5. Согласование прилагательных и причастий с существительным в дестинативе

Некоторые прилагательные и причастия в эвенском языке, находясь в позиции модификатора вершины, могут согласовываться по падежу с существительным, от которого они зависимы. Однако причастие или прилагательное не может принять маркер дестинатива при согласовании. Вместо него для позиции прямого объекта на согласуемом слове появляется аккузатив (9), для субъекта согласуемое слово остаётся немаркированным, что соответствует форме номинатива (9).

(8) *əkən bu-ri-n asatkan-du uj-če-w uken'i-ŋ-ga-n.*
 мать дать-PST-3SG девушка-DAT кипеть-PCT.PST-ACC молоко-AL-DST-POSS.3SG
 'Мать дала девушке кипящее молоко для неё.'

(9) *n'obati olla-ŋ-ga-ku xalad'il'nik-dula bi-de-n.*
 белый рыба-AL-DST-POSS.1SG холодильник-LOC быть-NFUT-3SG
 'Белая рыба лежит в холодильнике.'

Появление другого падежа на согласуемом слове показывает, что в этом случае можно постулировать согласование по падежу. Это свидетельствует о том, что настоящим падежом в словоформе с дестинативом является не дестинатив, а тот падеж, который появляется при согласовании. Падеж на согласуемом слове соответствует тому, который характерен для этой синтаксической позиции.

6. Что такое дестинатив?

Прежде чем подтвердить то, что дестинатив не является настоящим падежом, необходимо понять, почему настоящий падеж не выражается на словоформе. Отсутствие морфологически выраженного падежа может объясняться контекстной вытеснимостью ([Сумбатова 2002] вслед за [Даниэль, Плунгян 1996]). Контекстная вытеснимость появляется в тех случаях, когда одно и то же значение выражается больше одного раза. По-видимому, в эвенском языке невозможно маркировать дестинативом больше одного участника в разных синтаксических ролях в одном предложении³,

³ Некоторые носители признавали допустимость эвенских стимулов с дестинативами на субъекте и прямом объекте, однако не повторяли вслух примеры за экспедиционером. Некоторые носители поправляли стимул, разбивая одну клаузу на две так, чтобы в одной клаузе в дестинативе был субъект, а в другой — прямой объект.

поэтому, зная ожидаемую аргументную структуру предиката и маркирование остальных участников, можно вычислить синтаксическую роль участника в дестинативе (10). Падежное маркирование в этом случае является излишним. Таким образом, дестинатив, по-видимому, является не падежом, а значением некоторой другой грамматической категории.

- (10) *asatkan-ŋa-ku   *ma-ri-n*   *uličan-ŋa-ku*.
 девушка-DST-POSS.1SG   убить-PST-3SG   лиса-DST-POSS.1SG
 Ожид.: ‘Девушка, предназначенная для меня, убила лису для меня.’

Если рассмотреть идею А. Л. Мальчукова [Malchukov 2008] про две функции дестинатива, то можно заметить, что функция, определяющая синтаксическую роль участника с показателем дестинатива, обеспечивается невыраженным падежом. Тогда единственной функцией дестинатива остаётся модификация значения посессивности. Это объясняет, почему дестинатив не может употребляться без посессивности — в таком случае дестинативу будет нечего модифицировать. Значение модификации примерно можно описать как ‘потенциальная посессивность’, то есть то, чем посессор предположительно будет обладать. Ранее идея с ‘будущей посессивностью’ выдвигалась Ириной Николаевой относительно предестинатива в тундровом ненецком языке⁴, где морфосинтаксически схожий показатель обладает схожими особенностями, но при этом не находится в отношении дополнительной дистрибуции с остальными падежами и занимает отдельный слот в словоформе [Nikolaeva 2015]. Схожесть посессивных показателей с личными показателями целевого конверба пока не получается объяснить синхронно, однако в [Malchukov 2008] предполагается, что дестинатив мог грамматикализироваться из глагола *gadaŋ* ‘брать’, так что для решения этой проблемы скорее всего предстоит обратиться к диахронии.

7. Выводы

В этой работе были приведены доказательства того, что при описании эвенского языка не следует безоговорочно относить дестинатив к падежной парадигме, поскольку он обладает рядом

---

⁴ Тундровый ненецкий относится к самодийской группе уральской языковой семьи.

свойств, нехарактерных для остальных падежей. В качестве альтернативы можно предложить классифицировать дестинатив как посессивный модификатор со значением потенциального обладания. В дальнейших исследованиях можно выяснить, приобрели ли в других тунгусо-маньчжурских языках дестинатив свойства, сближающие его с другими падежами, или же наоборот сохранил отличительные особенности, описанные в этой статье. В первом приближении дестинатив в нанайском, ороцком, орокском, ульчском и удэгейском языках, как и в эвенском, не может употребляться без показателя посессивности. Однако в отличие от эвенского языка в этих языках субъект не может маркироваться дестинативом. Впрочем, это уже совсем другая история.

Список условных сокращений

1, 2, 3, — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AL — отторжимая посессивность; CAUS — каузатив; DAT — датив; DST — дестинатив; EXC — исключяющее собеседника; INC — включающее собеседника; LOC — локатив; NFUT — небудущее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROG — прогрессив; PST — прошедшее время; PTC — причастие; PURP — целевой конверб; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Аврорин 1959 — Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Том I. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1959.
- Аврорин, Болдырев 2001 — Аврорин В.А. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.
- Даниэль, Плунгян 1996 — Даниэль М.А., Плунгян В.А. Обязательность и контекстная вытеснимость (к описанию грамматической периферии) // Известия РАН. СЛЯ, 55.1, М.: Наука. 1996. С. 61—66.
- Лебедев 1978 — Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Ленинград, Наука, 1978.
- Озолия 2013 — Озолия Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013.
- Сумбатова 2002 — Сумбатова Н.Р. Еще раз про обязательность // Лингвистический беспредел. К 70-летию А. И. Кузнецовой / Кибрик А.Е. (ред.). М.: МГУ. 2002. С. 289—304.
- Суник 1985 — Суник О.П. Ульчский язык: Исследования и материалы. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985.
- Цинциус 1947 — Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ленинград: Ленингр. отд-ние Учпедгиза, 1947.
- Benzing 1955 — Benzing J. Lamutische Grammatik mit bibliographie, sprachproben und glossar. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1955.

- Malchukov 1995 — Malchukov A.L. Even. Languages of the world: Materials; 12. München, LINCOM EUROPA, 1995.
- Malchukov 2008 — Malchukov A.L. Function-form mismatches: The designative case in Tungussic. Malchukov A.L., Spencer A. (eds.). The Oxford Handbook of Case. New York: Oxford University Press. 2008. Pp. 644–646.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva I., Tolskaya M. A Grammar of Udihe. Berlin: Mouton De Gruyter, 2001.
- Nikolaeva 2015 — Nikolaeva I. On the expression of TAM on nouns: Evidence from Tundra Nenets. *Lingua*, №166. 2015. Pp. 99–126.
- Pakendorf, Aralova 2009–2013 — Pakendorf B., Aralova N. DOBES archive. Even. Bystraja district. Conversations. URL: https://archive.mpi.nl/isdora/object/tla%3A1839_00_0000_0000_000F_2E5D_3. 2009–2013.
- Preminger 2014 — Preminger O. Agreement and its failures. MIT press, 2014.

Субъект первого лица в ингерманландском финском языке в сопоставлении с русским*

Евгения Владимировна Буденная

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /

Институт языкознания РАН

jane.sdrv@gmail.com

В статье рассматриваются особенности употребления личных местоимений 1-го лица в ингерманландском финском и русском языках, имеющих давнюю историю контактов. Несмотря на внешнюю схожесть (в обоих языках доминирует модель с эксплицитно выраженным местоимением, хотя его опущение также возможно), ингерманландский язык демонстрирует ряд отличительных черт. В нем, в отличие от русского языка, не допускается опущение вспомогательного глагола при именном предикате, практически никогда не употребляется порядок VSX, а в претеритных клаузах в письменных текстах преобладает модель с опущением местоимения. Однако в устных нарративах и русский, и ингерманландский финский язык прибегают преимущественно к модели с эксплицитно выраженным местоимением, что может объясняться схожей прагматикой ситуации.

Ключевые слова: личное местоимение, первое лицо, ингерманландский финский язык, языковые контакты.

First-person subject in Russian and Ingrian Finnish

Evgeniya Budennaya

National Research University Higher School of Economics /

Institute of Linguistics RAS

jane.sdrv@gmail.com

---

* Исследование поддержано грантом 17-29-09097 «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России».

The article examines the expression of the 1st person subject in Ingrian Finnish and Russian, which had a regular and close contact for centuries. Despite some general common traits (the overt-pronoun pattern dominates in both languages, although pronoun omission is also possible), Ingrian Finnish demonstrates a number of distinctive features. Unlike in Russian, Ingrian Finnish nominal clauses do not allow the omission of an auxiliary verb. The order VSX is practically never used, and in written past clauses subject omission prevails. However, in oral narratives, both Russian and Ingrian Finnish tend to use overt pronouns, which can be explained by similar pragmatics of the situation.

Keywords: personal pronoun, first person, Ingrian Finnish, language contact.

1. Введение

В финских говорах Центральной Ингерманландии (фин. *Keski-Inkeri*, территория современной Ленинградской области к югу от реки Нева и к западу от реки Тосны до города Волосово [Муслимов 2009: 181]) субъект первого лица по умолчанию маркируется соответствующим личным местоимением в сочетании с глагольными аффиксами. Однако опущение местоимения также возможно, хоть и менее частотно: 10 из 10 опрошенных информантов¹ оценили примеры (1a) и (2a) как немаркированные, а (1b) и (2b) — как допустимые, но менее употребительные.

(1) a. *Miä ole-n tohtori.*

1SG быть.PRS-1SG врач

‘Я врач.’

b. *Ole-n tohtori.*

быть.PRS-1SG врач

‘Я врач.’

(2) a. *Miä syöt-i-n lehmi-i.*

1SG доить-PST-1SG корова-PART

‘Я подоила корову.’

---

¹ Материал был записан в 2019–2020 гг. в ходе анкетирования информантов, родившихся в довоенных приходах Скворицы (дер. Тихвинка), Коприно (дер. Валасники, Орлино), Губаницы (дер. Кикерино, Рутелицы, Череповицы), Шпаньково (дер. Шпаньково). Автор выражает глубокую благодарность М. З. Муслимову за помощь в подготовке материала.

- b. *Syöt-i-n lehm-i.*
 доить-PST-1SG корова-PART
 ‘Я подоила корову.’

Схожим образом, на первый взгляд, обстоит дело в современном русском языке, где модель с субъектным местоимением также является немаркированной, но при этом опущение прономинального подлежащего возможно приблизительно в трети-четверти случаев, в зависимости от синтаксических, дискурсивных и жанровых особенностей [Grenoble 2001; Zdorenko 2009; Kibrik 2013]. Однако в литературном финском ситуация иная — в отличие от местоимений 3-го лица, местоимения 1-го, а также 2-го лица по умолчанию опускаются [Sulkala, Karjalainen 1992; Vainikka, Levy 1999; Holmberg 2016]. Данную особенность можно видеть на примерах (3)–(4) из финско-русского параллельного корпуса на портале Национального корпуса русского языка:

- (3) *En oikein käsitä, mitä tarkoita-t.*
 NEG.1SG совсем понимать что подразумевать.PRS-2SG
 ‘Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.’ [Martti Larni. *Neljäs nikama eli Veijari vastoin tahtoaan* (1957) | Мартти Ларни. «Четвертый позвонок, или мошенник поневоле». Перевод В. Н. Богачева (1959)]
- (4) *Tässä kirja-ssa en käsittele oikeusjuttu-a-ni.*
 этот.IN книга-IN NEG.1SG касаться судебный.процесс-PART-1POSS
 ‘В этой книге я не касаюсь своего судебного процесса.’ [Hella Wuolijoki. *Enkä ollut vanki. Tuokiokuvia vankilasta* (1944) | Хелла Вуолийоки. «Нет, я не была узницей». Перевод Террты Викстрем (1979)]

По этим данным можно полагать, что в силу интенсивных контактов с русским языком ингерманландские говоры перешли на схожую с русской модель с доминированием субъектного местоимения, и одновременно отошли от изначальной прибалтийско-финской системы, с опущением прономинальных подлежащих 1–2 лица. В данной статье будут более детально рассмотрены отличительные особенности ингерманландской прономинальной модели, на примере употребления субъекта первого лица, в сопоставлении с русскими данными. Выбор этого типа субъекта обусловлен тем, что именно первое лицо является наиболее распространенным в рассказах информантов и позволяет установить наиболее четкую референциальную картину.

2. Материал исследования

2.1. Анализируемые параметры

Во всех анализируемых ингерманландских и русских конструкциях учитывались следующие параметры:

- 1) Наличие/отсутствие субъектного местоимения (+ *proponin* / *-proponin*, соответственно);
- 2) Время глагола (презенз/претерит, PRS/PST, соответственно);
- 3) Тип предиката (именной²/глагольный).

Данные модели отбирались из массива текстов, указанных ниже в разделах 2.2–2.3. При отборе предварительно отфильтровывались эмфатические и контрастивные местоимения.

2.2. Ингерманландский финский язык

В исследование вошли следующие ингерманландские материалы:

- 1) Авторские полевые данные 2019–2020 гг. (анализ употребимости конкретных конструкций);
- 2) Художественная проза: 6 рассказов ингерманландского писателя В. Вальякки из сборника “*Lehdenlähto*” («Листопад»; [Valjakka 2004]), отражающие говор прихода Лииссиля (восточногатчинский диалект, образующий одну из двух основных диалектных говоров центральной Ингерманландии [Муслимов 2009, 2019]);
- 3) Рассказы К. Кирппу и Р. Вирккунена из прихода Лииссиля, а также К. Тухконен из прихода Венъеки, записанные коллективом ученых Петрозаводского университета под руководством М. Муллонен ([Mullonen 2004]). Говоры этих информантов относятся к той же восточногатчинской зоне, что и рассказы В. Вальякки.

При анализе отбирались тексты, содержащие наибольшее количество релевантных моделей с субъектом 1-го лица. Для установления частотности конкретных конструкций в первую очередь использовался корпусный метод, с ручной разметкой текстов. Для качественного анализа также использовалась элицитация.

Общий объем текстовых данных с субъектом 1-го лица, включенных в исследуемый корпус, составил 183 клаузы.

---

² Для именных клауз исследовались только презентные клаузы, в силу крайне малого количества претеритных данных.

2.3. Русский язык

В качестве русских данных использовались материалы корпуса «Веселые истории из жизни»³, содержащие 40 пар устных и письменных рассказов носителей от 18 до 60 лет о каком-либо забавном происшествии. Общий объем релевантных клауз данного корпуса составил 514 единиц.

3. Результаты

3.1. Общая картина

Сопоставительный анализ русского и ингерманландского корпуса текстов показал, что доминирующей моделью в обоих языках является модель с эксплицитно выраженным субъектным местоимением (χ -квадрат, p -value < 0,001), см. таблицы 1–2, при этом частотность ингерманландских клауз без местоимения в целом схожа с русской. Однако в ингерманландской финской художественной прозе, по сравнению с письменным подкорпусом русского языка, в претеритных клаузах субъектные местоимения опускались намного чаще, чем в русском языке (χ -квадрат, p -value < 0,001), см. таблицы 1–2. При этом в именных предикатах, в отличие от русского языка, в ингерманландском финском языке, никогда не опускался глагол, и в целом информанты при устном анкетировании оценивали конструкции с опущением глагола (5) как неграмматичные (ср. также ответную реплику в примере 8).

(5) *Miä ole-n/*Ø vanha.*

1SG быть.PRS-1SG старый

‘Я стар.’

Обнаруженная разница в русском и ингерманландском претерите может объясняться тем, что в ингерманландском языке сохранилась дифференцированная личная глагольная флексия, позволяющая однозначную идентификацию субъекта без дополнительного употребления местоимения, тогда как в русском языке соответствующая флексия была утрачена еще в XVII в. Однако в ингерманландском презенсе, несмотря на наличие соответствующей флексии, а также в устном подкорпусе, столь сильного доминирования безместоименной модели не обнаруживается,

³ <http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>.

что указывает на наличие дополнительных факторов, лицензирующих употребление соответствующей модели. Более детальный анализ показывает, что в ингерманландском претерите безместоименная модель в первую очередь (9 случаев из 24) характерна для коротких клауз, с предикатами речи (*sanoo* ‘сказать’, *kysyä* ‘спрашивать’, *vastata* ‘отвечать’) и мышления (*luulla* ‘думать, полагать’), см. (6)–(9).

Таблица 1. Русский язык, соотношение различных прономинальных моделей в корпусе «Веселые истории из жизни»

	Устный подкорпус	%	Письменный подкорпус	%
1PRS + pronoun	115	77%	24	44%
1PRS –pronoun	32	23%	30	56%
1PST + pronoun	150	91%	129	89%
1PST –pronoun	14	9%	15	11%
1NOM + pronoun	4	100%	1	100%
1NOM –pronoun	0	0%	0	0%

Таблица 2. Ингерманландский финский язык, соотношение различных прономинальных моделей в устных нарративах и художественной прозе

	Устные нарративы [Mullonen 2004]	%	Худ. проза [Valjakka 2004]	%
1PRS + pronoun	10	71%	15	51%
1PRS –pronoun	4	29%	14	49%
1PST + pronoun	27	60%	24	27%
1PST –pronoun	18	40%	65	73%
1NOM + pronoun	2	100%	2	50%
1NOM –pronoun	0	0%	2	50%

(6) *Miten se Pekon Anttu ellää?*

как DEM Пекко.GEN Анту жить.PRS.3SG

kysy-i-n toisi-lt naapur-loi-lt.

спросить-PST-1SG другой.PL-ABL сосед-PL-ABL

‘«Как живет этот Антту, сын Пекко?» — спросил я у других соседей.’ [В. Вальякка. *Ko virka män pihä* «Когда кончается работа»]

(7) *Te-il-hä ol hyvä sori?*

2PL-AD-PART быть.3SG.PST хороший мир

kysy-i-n.

спросить-PST-1SG

‘«У вас ведь было все в порядке? (букв. ‘У вас ведь был хороший мир?») — **спросил я.**’ [В. Вальякка. *A hiä vaa motkottaa* «А он только жалуется»]

(8) *Sie-ks se ole-t se Kontsa-n varma Simo?*

2SG-Q.2SG DEM быть.PRS-2SG DEM Конечки-GEN верный Симо

Mie ole-n! vasta-si-n.

1SG быть.PRS-1SG отвечать-PST-1SG

‘«Ты ли этот верный Симо, из деревни Конечки?» — «Я!» — **отвечал я.**’ [В. Вальякка. *Miten Simo hampaat hävitti* «Как Симо сломал зубы»]

(9) *luul-i-n jot hyö tulli-i-t minnuu*

думать-PST-1SG что 3PL приходить-PST-3PL 1SG.PRT

löylyttä-mmä-ä.

колотить-3INF-ILL

‘**Я подумал**, что они идут меня колотить.’ [ibid.]

Можно полагать, что основными факторами, лицензирующими опущение подлежащего в ингерманландском языке в подобных клаузах, является, во-первых, короткая длина клаузы, а также облегченная семантика предиката, связанная с каким-либо базовым действием (по данным корпуса — преимущественно с речью и мышлением). Для русского же языка соответствующий разброс глаголов более широкий, и однозначную связь с конкретными глаголами для субъекта 1-го лица выявить не удастся.

3.2. Порядок слов

Сопоставляя ингерманландские данные с русскими, можно видеть, что модели с опущением субъекта наподобие (6-8), при авторских словах, вводимых после прямой речи, для русского языка совершенно нехарактерны (*... *спросил...* ∅ vs. ^{ok}... *спросил я...*) — что можно видеть в соответствующих переводах ингерманландских фраз. При этом в русском языке в авторских словах после прямой речи (контексты типа (6)–(8)), помимо неопущения

подлежащего, реализуется исключительно порядок VS/VSX⁴, хотя базовым порядком слов для русского традиционно считается SVO, с поправками на определенную гибкость и зависимость от синтаксических и дискурсивных условий. С этой точки зрения интерес представляет сопоставление ингерманландских и русских данных на предмет порядка слов.

Конструкции вида VSX в русских утвердительных предложениях связываются со сменой дискурсивной структуры в достаточно широком смысле — говорящий прибегает к VSX, желая перейти от диалога к более продолжительному монологическому нарративу, а также обозначает такими конструкциями собственно начало истории и ее резюме [Turner 2009], см. примеры (10)–(11). В этом плане конструкции вида *спросил я X* можно считать одним из частных случаев подобного дискурсивного перехода, а именно — от прямой речи к авторским словам. Т. Е. Янко, с учетом просодических данных отмечает в ряде конструкций вида VSX с рематическим глаголом семантику «умозрительного наблюдения» [Янко 2001: 197 и след.], коммуникативная цель которого — «привлечь внимание слушателя к ситуации в целом» [там же], см. пример (12).

(10) FS_03-f⁵:

Решил я как-то пообедать в столовой... (начало рассказа — прим. авт.)

(11) FS_08-f

Уверенности совсем не добавляли комментарии одноклассника, что я теперь как пацан. <...> Он симпатичный, смазливчик такой, мечта всех девятиклассниц, но такие длинные ему не шли. <...> И вот однажды сидим мы с ним в метро, ждём поезда.

---

⁴ В работе [Jacennik, Dryer 1992] подчеркивается разница между порядками слов VS и VSX, где X — составляющая, отличная от подлежащего и глагола. В частности, утверждается, что финальные субъектные местоимения в конструкциях вида VS обычно акцентируются, тогда как в варианте VSX — нет, и в целом конструкции вида VSX представляют собой вариант SV, реализующийся при определенных дискурсивных условиях. Поскольку в данной работе внимание уделяется немаркированным местоимениям, клаузы вида VS остаются за рамками работы.

⁵ Этот и последующие коды в названиях примеров соответствуют номеру текста в корпусе «Веселые истории из жизни».

(12) FS_11-f

*Помню только, что раздели меня догола, поставили раком на операционном столе, меня окружили человек десять практикантов, а потом мне сделали наркоз, и я уже ничего не помню. **Просыпаюсь я от того, что на меня смотрит вся палата.***

Всего в русском корпусе встретилось 13% примеров с порядком VSX, см. таблицу 3.

Таблица 3. Порядок слов SV и VSX в предложениях с субъектом 1-го лица в русском корпусе «Веселые истории из жизни»

	Устный подкорпус	%	Письменный подкорпус	%
SV	239	90%	115	86%
VSX	26	10%	18	14%
Всего	265	100%	133	100%

В ингерманландском финском корпусе примеров на VSX, за исключением вопросительных предложений, где подобная инверсия синтаксически обязательна, не встретилось. При первой референции к субъекту первого лица, а также смене темы в каждом из проанализированных рассказов в большинстве случаев (за явным исключением контекстов вида (6)–(8) использовалась модель с эксплицитно выраженным личным местоимением — что сближает ингерманландский финский язык с русским [McShane 2009] — однако порядок слов неизменно оставался SV, тогда как в русском корпусе в этих контекстах допускался и VSX:

(13) *Mie niin harvaa kiruta-n jot*
 1SG так редко писать.PRS-1SG что

itse-lle-in-ki tekköö pahha-a.
 сам-ALL-POSS.1SG-PART делать.PRS.3SG плохой-PRT

‘Я так редко пишу / пишу я так редко, что даже мне самому от этого плохо.’ [В. Вальякка. *Hampaankolotus* «Зубная боль», начало истории]

(14) *Mie niin suutu-i-n jot taho-i-n*
 1SG так сердиться-PST-1SG что хотеть-PST-1SG

antaa häntä turpi-i.

дать 3SG.PRT морда-ILL

‘Я так **рассердился**, что хотел дать ему в морду.’ [В. Валь-
якка. *Nampraankolotus* «Зубная боль»]

При рематическом выносе глагола в начало предложения в ингерманландском языке употребляется модель с опущением подлежащего (15).

(15) *Katso-i-n häntä piä-st kantapäihe ast.*

смотреть-PST-1SG 3SG.PRT голова-EL каблук.PL.ILL до

‘Я **посмотрел** / **посмотрел я** на него с головы до ног.’

Эта же модель представлена и при не-первом упоминании субъекта, при наличии антецедента в предыдущей клаузе, в контексте сквозной темы — даже если маркируется дискурсивный переход к новому нарративу (конструкции вида VSX в русском языке):

(16) *Mie vähän kä-i-m muuvval kylis-kii...*

1SG мало ходить-PST-1SG в, другое.место деревня.PL.IN-PART

Yhten suntai-n siel kä-i-mmö tantsuloil.

один.GEN воскресенье-ESS туда ходить-PST-1PL танец.PL.ALL

‘Я мало ходила в другие деревни... Однажды в воскресенье **мы** туда **пошли** на танцы.’ [Mullonen 2004: 161]

Хотя имеющихся данных недостаточно для окончательного вывода относительно порядка слов в ингерманландском финском языке, с учетом разницы в конструкциях с авторскими словами при прямой речи и отсутствием каких-либо контекстов с порядком VSX в имеющемся корпусе можно полагать, что инверсия подлежащего и сказуемого для ингерманландского финского языка в утвердительных предложениях нехарактерна, вне зависимости от коммуникативной стратегии говорящего.

3.3. Устный vs. письменный модус

До сих пор основное внимание уделялось преимущественно письменной части ингерманландского и русского корпусов. Однако сопоставление соответствующих данных с устным модусом обнаруживает, что в последнем местоименная модель употребляется гораздо чаще, чем в письменном. В русском языке данная особенность ярче всего выявляется в презентных клаузах, с на-

стоящим историческим (ср. фрагмент одного и того же рассказа в (17a) и (17b), соответственно), а в ингерманландском финском — в претеритных клаузах, см. таблицы 1–2. Можно видеть, что доминирование модели с опущением местоимения в ингерманландском языке в каких-либо клаузах в устном модусе отсутствует, что сближает его с русскими данными

(17) а. FS_11-т, устный вариант:

- … ээ мм … *Прихожу я /домой,*
- … ээ по дороге купил каких-то /книжек,
- чтоб в –больнице почитать,
- … и тут со мной стало твориться что-то \нереальное.

б. FS_11-т, письменный вариант:

Прихожу домой, и тут со мной неожиданно стало твориться что-то ну совсем нереальное.

В работе [Буденная 2020] разница в прономинальной модели вида (17a) и (17b) между различными модусами русского языка изучалась более подробно. Было обнаружено, что несмотря на ряд данных, указывающих на большую частотность модели с опущением местоимения для устного регистра (см., в частности, [Zdorenko 2009]), подобное неверно для монологических нарративов, где местоимения служат элементом вежливости и сближения с собеседником. Кроме того, обилие моделей с эксплицитно выраженным местоимением может также указывать на большую вовлеченность рассказчика в излагаемую им историю. Можно предположить, что аналогичные прагматические факторы справедливы и для ингерманландского финского языка. Так, рассказы информантов были записаны в непосредственном контакте с исследователем, что могло послужить дополнительным фактором, способствующим употреблению местоимений. Однако нельзя исключать того, что в каких-то случаях информанты могли и калькировать обращенную к ним речь исследователя, интерферируя русскую местоименную модель.

4. Заключение

В работе рассматривались основные особенности употребления субъекта первого лица в ингерманландских устных и письменных (художественных) нарративах, в сопоставлении с русскими корпусными данными. Было установлено, что в ингерман-

ландском финском языке, в отличие от литературного финского, доминирует модель с эксплицитно выраженным субъектом, что можно объяснить контактным заимствованием из русского языка. Несмотря на это, ингерманландский финский язык отличается от русского — в нем реже употребляются местоимения в претеритных клаузах и не используется порядок *V SX*. При этом в устном модуле ингерманландский финский и русский ориентируются на схожие прагматические факторы, лицензирующие дополнительное употребление субъектных местоимений при непосредственном контакте со слушателем.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; 3INF — третья форма инфинитива; ABL — аблатив; AD — адессив; ALL — аллатив; DEM — указательное местоимение; ESS — эссив; ILL — иллатив; IN — инэссив; NEG — отрицательная форма; NOM — именной предикат; PART — частица; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PRT — партитив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; Q — вопросительный маркер.

Литература

- Буденная 2020 — Буденная Е.В. Субъект настоящего времени в устных и письменных нарративах. // ВАПрсы языкознания: Мегасборник наностатей. / Кибрик А.А. и др. (ред.) М.: Буки-Веди, 2020. С. 648–653.
- Муслимов 2009 — Муслимов М.З. К классификации финских диалектов Ингерманландии. // Вопросы уралистики. / Мызников С.А., Бродский И.В. (отв. ред.). Спб.: Наука, 2009. С.179–204.
- Муслимов 2019 — Муслимов М.З. Об ингерманландском финском диалекте прихода Лииссиля. К классификации финских диалектов Ингерманландии. // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 13. № 4. С. 568–575.
- Янко 2001 — Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Jacennik, Dryer 1992 — Jacennik B., Dryer M. Verb-Subject Order in Polish. Pragmatics of Word Order Flexibility. Payne D. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1992. Pp. 209–241.
- Holmberg 2005 — Holmberg A. Is there a little pro? Evidence from Finnish. Linguistic Inquiry. 2005. Vol. 36. No. 4. Pp. 533–564
- Holmberg 2016 — Holmberg A. Null subjects and the theory of pro-drop. (to appear in) Uralic syntax. Tamm A., Vainikka A. (eds.). Oxford: Oxford University Press, <https://andersholmberg92428242.files.wordpress.com/2020/04/holmberg-to-appear.-null-subjects-in-finnish-and-the-typology-of-pro-drop.pdf>.

- Kibrik 2013 — Kibrik A.A. Peculiarities and origins of the Russian referential system. *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2013. Pp. 227–263.
- Grenoble 2001 — Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. *Glossos*. 2001. Vol. 1. URL: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>.
- McShane 2009 — McShane M. Subject ellipsis in Russian and Polish. *Studia Linguistica*. 2009. Vol. 63. No. 1. Pp. 98–132.
- Mullonen 2004 — Mullonen M. (toim.) Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerin-suomalaisista murteista. Petroskoi: Periodika, 2004.
- Turner 2009 — Turner S. Post-verbal subject pronouns in Russian: Control of the floor and narrative point of view. *Scando-Slavica*. 2009. Vol. 55. No. 1. Pp. 127–146.
- Vainikka, Levy 1999 — Vainikka A., Levy Y. Empty subjects in Finnish and Hebrew. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. Vol. 17. P. 613–671.
- Valjakka 2004 — Valjakka V. Lehdentehtö. Petroskoi: Periodika, 2004. Pp. 101–117.
- Zdorenko 2009 — Zdorenko T. Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus. *Corpus Linguistics Applications: current studies, new directions*. Gries S., Wulff S., Davies M. (eds.). Amsterdam: Rodopi, 2009. Pp. 119–133.

Иерархия позиций рефлексивов и ассоциативная множественность в быстринском диалекте эвенского языка*

Антон Олегович Бузанов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
anton.buzanov.00@gmail.com

В статье описывается система рефлексивных местоимений и рефлексивно-посессивных аффиксов эвенского языка с точки зрения возможности их употребления в разных локальных доменах (областях связывания). В эвенском языке рефлексивные местоимения и рефлексивно-посессивные аффиксы могут комбинироваться с интенсификатором. Ожидается, что такие комбинации будут не менее локальны, чем их аналоги без интенсификатора. В статье показывается, что эвенские рефлексивы не нарушают это обобщение. Кроме того, несмотря на свою синтаксическую природу, эвенские рефлексивы склонны к феномену нестандартной местоимённой множественности. При несовпадении числа antecedenta и числа рефлексива возникает «семейная» интерпретация последнего.

Ключевые слова: рефлексивы, местоимения, ассоциативная множественность, синтаксис, эвенский язык.

Hierarchy of positions of reflexives and associative plural in the Bystraja dialect of Even

Anton Buzanov

National Research University Higher School of Economics
anton.buzanov.00@gmail.com

---

* В научной работе использованы результаты проекта «Интерфейсные феномены в грамматической архитектуре языков России: формальное описание», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

Автор выражает благодарность коллективу эвенской экспедиции и особенно П. А. Касьяновой, которая открыла ему мир рефлексивов.

This paper aims to describe reflexivity in Even in terms of local domains (i. e. in which positions an anaphor can be bound). In Even, reflexive pronouns and reflexive possessive affixes can combine with an intensifier. Such combinations are expected to be no more local than their counterparts without an intensifier. In the paper, I demonstrate that reflexives in Even do not violate this generalization. Although Even reflexives are syntactic in nature, they show a phenomenon of associative plural. When grammatical number of the antecedent and the reflexive are different, the latter is interpreted as a family.

Keywords: reflexives, pronouns, associative plural, syntax, Even.

1. Введение

Эвенский язык распространён на территории Сибири и Дальнего Востока России. Он относится к северной группе тунгусо-маньчжурской семьи языков. В рамках статьи мы рассмотрим, в первую очередь, данные быстринского говора, носители которого проживают в Быстринском районе Камчатского края. Данные для статьи были собраны в ходе экспедиций НИУ ВШЭ в сёла Эссо и Анавгай Камчатского края.

В статье освещаются особенности морфосинтаксического поведения, а также некоторые семантические особенности рефлексивных выражений в эвенском языке. Нами обсуждаются различные позиции, в которых рефлексивное выражение может быть связано. Также в работе описан ранее не представленный феномен ассоциативной множественности в эвенском, которая возникает при несовпадении числа antecedента и рефлексива. Несмотря на то, что похожие случаи были описаны для других языков, они не являются идентичными и не противоречат теории местоимённой множественности, высказанной в [Даниэль 2000] в отличие от наших данных.

В разделе 2 кратко описываются стратегии выражения рефлексивного значения в эвенском языке. В разделе 3 обсуждаются разные подходы к локальным доменам и проводится анализ эвенской системы в терминах иерархии из [Тестелец, Толдова 1998]. В разделе 4 демонстрируется феномен ассоциативной множественности и обсуждаются ограничения на употребление этой конструкции. Раздел 5 содержит выводы и обобщения, сделанные в ходе работы.

2. Способы выражения рефлексивного значения

Рефлексивные выражения — это выражения, которые обычно используются, чтобы показать, что не-субъект переходного предиката кореферентен субъекту или связан им (в качестве примера можно привести английское выражение *x-self*) [König, Siemund 2000]. В прототипическом случае рефлексивы связываются субъектом, однако это не всегда так — они могут быть связаны и другими участниками: косвенным дополнением (см. пример (1), где доступны две интерпретации: *себя* можно интерпретировать как книгу и как Максима — хотя и с приоритетом для связывания субъектом) или топиком, какой бы синтаксической ролью он ни являлся [Koster, Reuland 1991: 181, 203].

(1) *Книга_i открыла Максиму_j себя_{i/j} с другой стороны.*

В эвенском языке есть пять различных способов выражения рефлексивного значения, которые могут быть разделены на две группы [Бузанов 2021]:

1. Аргументные рефлексивы
  - a. Ноль
  - b. Рефлексивное местоимение
  - c. Интенсификатор + рефлексивное местоимение
2. Посессивные рефлексивы
  - a. Рефлексивно-посессивные суффиксы
  - b. Интенсификатор + рефлексивно-посессивные суффиксы

Выражение рефлексивного значения нулём является особым типом лабильности, ограниченной лексически глаголами ухода за телом и некоторыми глаголами разрушения (см. примеры (2) и (3)).

(2) *anton awa-d-də-n.*

Антон мыть-PROG-NFUT-3SG

‘Антон моет [пол].’ / ‘Антон моется.’

(3) *anton minə-ri-n.*

Антон резать-PST-3SG

‘Антон порезал [хлеб].’ / ‘Антон порезался.’

Из дальнейшего обсуждения ноль будет исключён, так как не является собственно синтаксическим средством рефлексивизации. Следующие стратегии продемонстрированы в примере (4).

- (4) a. *anton men-i eške-Ø-n.*
 Антон REFL-POSS.REFL.SG хвалить-NFUT-3SG
 ‘Антон себя хвалит.’
- b. *bi it-tə-wu bej-u men-ken*
 я видеть-NFUT-1SG человек-ACC REFL-DIM
men-d-i ollə-w uni-če-n.
 REFL-DAT-POSS.REFL.SG рыба-ACC купить-PTC.PST-POSS.3SG
 ‘Я увидел человека, который купил рыбу для самого себя.’
- c. *ɲal-i mine-ri-wu.*
 рука-POSS.REFL.SG резать-PST-1SG
 ‘Я порезал свою руку.’
- d. *anton konfet-u men karman-dulə-ji ne-di-n.*
 Антон конфета-ACC REFL карман-LOC-POSS.REFL.SG класть-PST-3SG
 ‘Антон конфету в свой собственный карман положил.’

Рефлексивные местоимения употребляются в том случае, когда необходимо показать кореферентность несубъектного участника глагола субъекту (случаи связывания не субъектом обнаружены не были). Они могут быть употреблены и при рефлексивно-лабильных глаголах, но в таком случае выступают в качестве фокусного элемента. Рефлексивные посессивные аффиксы появляются при совпадении посессора и субъекта. Сочетание обеих стратегий с интенсификатором позволяет сделать фокус (обычно контрастный) на «возвратности» ситуации (интонационно выделенным в таком случае становится интенсификатор¹ (основа которого является основой рефлексивного местоимения)).

3. Иерархия позиций рефлексива

Разные исследователи отмечали, что разные элементы, называемые рефлексивами, доступны для связывания в разных позициях [Лютикова 1997; Тестелец, Толдова 1998; Despić 2015; Wexler, Manzini 1987]. Принципы, которыми это предлагается объяснять, варьируются от исследователя к исследователю, однако суть остаётся одинаковой — существуют различные домены связывания, определяемые наличием некоторых единиц: подлежащего, категории времени, фазовой вершины и др.

¹ В эвенском языке есть две единицы, выполняющие функции интенсификатора: *ten* и *tenken*. Морфологическое устройство второго пока до конца не ясно.

В этой работе мы будем опираться на иерархию, сформулированную в [Тестелец, Толдова 1998: 52], так как нам кажется, что она хорошо подходит для типологического описания данных малых языков. Сама иерархия приведена в (5), а некоторые её свойства сформулированы в (6).

- (5)а. 1. Прямое дополнение при двуместном предикате
 2. Прямое дополнение при трёхместном предикате
 3. Ко-аргументная позиция
 4. Адьюнктная позиция
 5. Группа в зависимой нефинитной клаузе
 6. Группа в зависимой финитной клаузе
- b. $DO_2 > DO_3 > Co\text{-}arg > Adjunct > Non\text{-}finite > Finite$

- (6)а. Каждая позиция иерархии должна быть заполнена.
- b. Если единица доступна в позициях А и В, то она также доступна во всех позициях между.
- c. Если локальный рефлексив доступен в позиции X, то он доступен во всех позициях левее X.
- d. Если рефлексив X морфологически сложнее, чем рефлексив Y, то доступные позиции для X не могут быть правее, чем доступные позиции для Y.

Последнее свойство исходит из понятия сложности, впервые сформулированного в работе [Kemmer 1993], аналогичное наблюдение делает М. Хаспельмат в [Haspelmath 2008].

Следующие примеры призваны продемонстрировать употребление различных рефлексивных стратегий (в первую очередь рефлексивных местоимений, так как данных по рефлексивным посессивным аффиксам недостаточно) в доменах вплоть до адьюнктной позиции.

(7) Прямое дополнение при двуместном предикате

- a. *ašī*   *men-i*   *eške-∅-n*
 женщина REFL-POSS.REFL.SG хвалить-NFUT-3SG
 ‘Женщина себя хвалит.’

- b. *etiken*   *men-ken*   *men-i*   *awa-d-də-n*
 старик REFL-DIM REFL-POSS.REFL.SG мыть-PROG-NFUT-3SG
 ‘Старик сам себя моет.’

c. *anton awa-d-də-n ittə-ji.*
 Антон мывать-PROG-NFUT-3SG лицо-POSS.REFL.SG
 ‘Антон моет своё лицо.’

d. *bi men unti-ji ga-wət-tə-m.*
 я REFL унты-POSS.REFL.SG брать-FREQ-NFUT-1SG
 ‘Я часто беру свои собственные унты.’

(8) Прямое дополнение при трёхместном предикате

anton men-i ičuke-ri-n.
 Антон REFL-POSS.REFL.SG показать-PST-3SG
 ‘Антон представил (букв.: показал) себя.’

(9) Ко-аргументная позиция

a. *atikan men-d-i uni-ri-n ollə-w.*
 старуха REFL-DAT-POSS.REFL.SG купить-PST-3SG рыба-ACC
 ‘Старуха купила рыбу для себя.’

b. *bej men-ken men-d-i ollə-w*
 мужчина REFL-DIM REFL-DAT-POSS.REFL.SG рыба-ACC
uni-če-w.
 купить-PTC.PST-ACC
 ‘Мужчина, который купил для себя.’

c. *anton ne-di-n konfeta-w karman-dulə-ji.*
 Антон класть-PST-3SG конфета-ACC карман-LOC-POSS.REFL.SG
 ‘Антон положил конфету в свой карман.’

d. *anton ne-di-n konfeta-w*
 Антон класть-PST-3SG конфета-ACC
men karman-dulə-ji.
 REFL карман-LOC-POSS.REFL.SG
 ‘Антон положил конфету в свой карман.’

(10) Адъюнктивная позиция

a. *ičimka-w ga-di-n (men) men-təki-ji.*
 очки-ACC брать-PST-3SG REFL REFL-DIR-POSS.REFL.SG
 ‘Я подтянул очки к себе.’

b. *bej it-tə-n knižka (men) ančın-dula-ji.*
 человек видеть-NFUT-3SG книжка REFL рядом-LOC-POSS.REFL.SG
 ‘Мужчина увидел книжку около себя.’

Все стратегии рефлексивизации могут быть употреблены в пределах нефинитной клаузы. Такой результат наиболее типологически ожидаем. Следующим шагом мы хотим показать, как ведут себя рефлексивы в пределах нефинитной зависимой клаузы. Нефинитные клаузы могут быть доменом, недоступным для связывания рефлексива, так как в них есть собственный субъект, который, однако, часто реализуется как PRO. Разные типы нефинитных клауз могут вести себя по-разному. Для первичного анализа были отобраны пять контекстов: два с причастиями ((11), (14)) и три с целевым конвербом ((12), (13), (15)).

- (11) *bi it-tə-m bej-u eške-če-n*
я видеть-NFUT-1SG человек-ACC хвалить-PTC.PST-3SG
(men-ken) men-i.
REFL-DIM REFL-POSS.REFL.SG
'Я вижу человека, который хвалит меня/себя.'
- (12) *bi gasči-ri-wu teme-w*
я просить-PST-1SG мама-ACC
uni-də-n ollə-w (men-ken) men-d-i.
купить-PURP-3SG рыба-ACC REFL-DIM REFL-DAT-POSS.REFL.SG
'Я попросил маму купить рыбу для меня/самой себя.'
- (13) *bi gasči-ri-wu teme-w*
я просить-PST-1SG мама-ACC
eške-de-n (men-ken) men-i.
хвалить-PURP-3SG REFL-DIM REFL-POSS.REFL.SG
'Я попросил маму похвалить меня/саму себя.'
- (14) *var'a it-tə-n bej-u d'ormi-če-w*
Варя видеть-NFUT-3SG человек-ACC украсть-PTC.PST-ACC
(men) ora-l-bi.
REFL олень-PL-POSS.REFL.SG
'Варя увидела человека, который украл её/своих оленей.'
- (15) *bi gasči-ri-wu teme-tki*
я просить-PST-1SG мама-DIR
ga-da-n (men) unti-ji.
брат-PURP-3SG REFL унты-POSS.REFL.SG
'Я попросил маму принести мои/её собственные унты.'

Носители последовательно запрещают связывание через границу причастной клаузы, однако связывание через границу целевого конверба является допустимым, хоть и маргинальным, для части носителей. Поддерживая обобщение сделанное в [Nasrelmath 2008] и (6), ни один из носителей не разрешает использование тяжёлого (в сочетании с интенсификатором) рефлексива в таких контекстах.

Таким образом, можно сделать вывод, что связывание через границу нефинитной клаузы в эвенском языке доступно, хоть и не является общеупотребительным.

Отметим, что в примерах выше приведены нефинитные клаузы, субъекты которых не совпадают с субъектами матричных клауз. Однако, при совпадении субъектов как на причастиях, так и на конвербах цели появляется рефлексивная посессивность (см. примеры (16) и (17)). Механизм её появления не является темой этой работы, однако отметим, что он непосредственно связан со связыванием анафоров.

(16) *bei-l*   *əpkə-ni-tən*   *olla-w*   *d'ab-da-wər.*
 человек-PL   поймать-PST-3PL   рыба-ACC   есть-PURP-POSS.REFL.PL
 ‘Мужики наловили рыбы, чтобы поесть.’

(17) *daša* *it-tə-n*   *olla-w*   *etu-če-ji.*
 Даша видеть-PST-3SG   рыба-ACC   принести-PTC.PST-POSS.REFL.SG
 ‘Даша увидела рыбу, которую сама принесла.’

Таким образом, можно заключить, что нефинитные клаузы могут и должны быть разделены на две группы: те, субъект которых совпадает с субъектом матричной клаузы, и те, субъект которых не совпадает с субъектом матричной клаузы. В первую очередь разница в связывании может быть объяснена дефектной структурой вложенной клаузы (например, отсутствием уровня/фазы CP). Однако это является предметом будущих исследований, как и возможность связывания аргументных рефлексивов в конструкциях с кореферентными субъектами.

Для финитных клауз при глаголах ментально-речевой группы (‘думать’, ‘говорить’, ‘считать’) также доступно рефлексивное согласование на глаголе (см. (18)). В этом случае оно, видимо, появляется при особой структуре передачи речи или мысли, при которой клауза с цитатой становится не просто соположенной, но и в какой-то степени подчинённой. Статус рефлексивов в таких

конструкциях также не исследован, однако известно, что при разных субъектах связывание точно невозможно (см. (19)).

(18) *l'oša gu-ni-n men-i merge-č*

Лёша сказать-PST-3SG REFL-POSS.REFL.SG ум-INST

bi-še-ji.

быть-NFUT-POSS.REFL.SG

‘Лёша сказал, что он умный.’

(19) *anton_i gu-ni-n rita_j uni-ri-n olla-w*

Антон сказать-PST-3SG Рита купить-PST-3SG рыба-ACC

men-d-i_{i/j}.

REFL-DAT-POSS.REFL.SG

‘Антон_i сказал, что Рита_j купила рыбу для себя_{i/j}.’

Таким образом, можно предположить, что в эвенском языке существуют (ограниченно) дистантные рефлексивы (как минимум,okkaзионально при конвербе цели). Кроме того, возможно, существует связывание через границу клаузы, о чём не упоминали предыдущие исследователи эвенского языка ([Мальчуков 2008; Цинциус 1947] и др.).

4. Ассоциативная множественность

Несмотря на то, что эвенские рефлексивы подчиняются синтаксическим правилам и являются анафорами в полном смысле этого слова (например, предпочитают *slorpu*-прочтение и могут быть связаны кванторами, как в примерах (20) и (21)), они также демонстрируют некоторое необычное поведение.

(20) *bi it-tə-wu men-i zerkale-le al'ek = da.*

я видеть-PST-1SG REFL-POSS.REFL.SG зеркало-LOC Олег = ADD

‘Я увидел себя в зеркале, и Олег тоже [увидел себя в зеркале].’

(21) *ŋi = de e-š-ni men-i nei-r.*

кто = ADD NEG.PRED-NFUT-3SG REFL-POSS.REFL.SG ругать-NEG.CVB

‘Никто себя не ругает.’

Некоторые языки используют рефлексивные местоимения в случаях частичной кореференции. Такие случаи включают в себя несовпадение числа антецедента и числа рефлексива. Подобные примеры кратко упоминаются в [Haspelmath 2008] со ссылкой на [Newman 2000] для языка хауса (см. (22)). Похожие контексты

обнаруживаются и в эвенском языке (они впервые упомянуты в [Цинциус 1947: 132]). В (23) видим, что при единственном числе antecedenta и множественном числе рефлексива возникает «семейная» интерпретация.

- (22) Hausa [Newman 2000: 524]
Laadi₁ taa soɔki káàn-tà_{1+x}.
 Ladi 3SG criticize self-3PL
 '(lit.) Ladi₁ criticized themselves_{1+x}.'
 'Лади₁ критикиовал себя_{1+x}.'
- (23) *etiken me-r-d-ur ollə-w ga-di-n.*
 старик REFL-PL-DAT-POSS.REFL.PL рыба-ACC взять-PST-3SG
 'Старик взял рыбу себе и своей семье.'

Заметим, что такая интерпретация — это первая реакция абсолютно всех носителей. Получается, что в эвенском — в отличие от других — «семейная» интерпретация является наиболее базовой. В работе [Lan 2016] обсуждаются несколько случаев перекрывающейся референции, но нигде не возникает именно «семейной» интерпретации. В нормальной ситуации семантика местоимённой множественности складывается из фокусного референта и контекстно специфицированных ассоциатов [Даниэль 2000], и «семейная» интерпретация не возникает.

На первый взгляд «семейная» интерпретация вообще единственно допустимая, однако существуют контексты, в которых группа, обозначаемая рефлексивом во множественном числе, не является семьёй. Так, пример (24) допускает как минимум два прочтения: ребёнок нарисовал себя в окружении семьи или себя в окружении друзей (с превалированием, однако, первого). Кроме того, группа может быть ещё менее связана с antecedentом, как в примере (25), в котором множественность можно проинтерпретировать как коллег/подчинённых.

- (24) *kuja on'a-ri-n me-r-ur.*
 ребёнок рисовать-PST-3SG REFL-PL-POSS.REFL.PL
 'Ребёнок нарисовал себя и свою семью/своих друзей.'
- (25) *aman bəʔən it-ti-n me-r-ur.*
 отец начальник видеть-PST-3SG REFL-PL-POSS.REFL.PL
 'Папин начальник увидел себя и подчинённых [на фотографии].'

Следующим важным для нас фактом является то, что в зависимости от носителя могут появляться разные ограничения на antecedent в подобной конструкции. Так, для некоторых носителей допустимы примеры типа (26) и (27). В то же время другие носители не позволяют неличных antecedентов, запрещая оба примера с животными. Ещё часть носителей разрешает пример с кошкой (26), но пример с муравьём (27) вызывает у них сомнения.

(26) *kerke*   *əpkə-ni-n*   *čiməkča-m*   *me-r-d-ur*.
 кошка   поймать-PST-3SG   мышь-ACC   REFL-PL-DAT-POSS.REFL.PL
 ‘Кошка поймала мышку для себя и котят.’

(27) *ətərɣen*   *to-w*   *me-r-d-ur*   *ga-di-n*.
 муравей   дерево-ACC   REFL-PL-DAT-POSS.REFL.PL   братъ-PST-3SG
 ‘Муравей принёс дерево себе и муравейнику.’

Нам кажется, что такие ограничения абсолютно не свойственны обычному местоимённому числу, так как в значение добавляется компонент тесных связей между группой — и чем слабее связь, тем сложнее получить интерпретацию.

Также ассоциативная множественность появляется в контекстах контроля, где на конвербе цели присутствует рефлексивное согласование, как в примере (28).

(28) *etiken*   *ollə-w*   *əpkə-ni-n*   *d'eb-də-wər*.
 старик   рыба-ACC   поймать-PST-3SG   есть-PURP-POSS.REFL.PL
 ‘Старик наловил рыбы, чтобы поесть с семьёй.’

Есть косвенное свидетельство, что это связано именно с ассоциативностью, а не (только) с частичным контролем. При работе с одним носителем выяснилось, что для неё ограничение на употребление этой конструкции следующее: говорящий должен быть включён в группу, описываемую множественным рефлексивом. Она запретила примеры (29) и (30) с одинаковой мотивацией — здесь не может иметься в виду говорящий.

(29) *#koška*   *čiməkča-m*   *me-r-d-ur*   *əpkə-ni-n*.
 кошка   мышь-ACC   REFL-PL-DAT-POSS.REFL.PL   поймать-PST-3SG
 Ожид.: ‘Кошка поймала мышку для себя и котят.’

(30) *#koška*   *čiməkča-m*   *əpkə-ni-n*   *d'əb-də-wer*.
 кошка   мышь-ACC   поймать-PST-3SG   есть-PURP-POSS.REFL.PL
 Ожид.: ‘Кошка поймала мышку, чтобы поесть с котятками.’

Вероятно, ассоциативная интерпретация возникла по импликатуре, которая вследствие грамматикализовалась, или, точнее будет сказать, всё ещё грамматикализуется, что можно наблюдать по вариативности данных от разных носителей.

Такое поведение эвенских рефлексивов, с одной стороны, нарушает идею о местоимённой множественности (которую можно спасти, взглянув на это как на диахронический процесс), с другой стороны — плохо укладывается в принципы стандартных теорий связывания, в которых не предполагается грамматических ситуаций несовпадения числа антецедента и рефлексива.

5. Выводы

В рамках работы нами было показано, что, несмотря на то, что эвенские рефлексивы не демонстрируют необычных нарушений иерархии позиций рефлексива из [Тестелец, Толдова 1998], они могут быть нелокальными. Такое поведение эвенских рефлексивных выражений не было описано ранее и подлежит последующему изучению. Однако уже на данном этапе можно сказать, что рефлексивные посессивные аффиксы могут появляться как на финитном, так и на нефинитном зависимом предикате в случае совпадения субъектов матричной и зависимой клауз. Из-за обнаруженной разницы в одно- и разносубъектных предикациях предлагается в дальнейшем уточнить понятие нефинитной клаузы в рамках исследуемой иерархии.

Ассоциативная множественность, возникающая при несовпадении чисел антецедента и рефлексива, нарушает принятую в [Даниэль 2000] концепцию местоимённого числа. При взгляде на это явление как на постепенную грамматикализацию, теория М. А. Даниэля помогает понять её путь. Однако такое поведение рефлексивов всё равно не укладывается в рамки стандартных (синтаксических) подходов к связыванию, и, как минимум, эта конструкция требует выхода анализа за пределы синтаксиса. Подобные попытки были приняты, например, в [Bruening 2019; Sauerland 2013], однако вопрос всё ещё остаётся открытым.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CVB — конверб; DAT — датив; DIM — диминутив; DIR — директив; FREQ — фреквентатив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; NFUT — будущее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRED — пре-

дикативный; PROG — прогрессив; PST — прошедшее время; PTC — причастие; PURP — конверб цели; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Бузанов 2021 — Бузанов А.О. Рефлексивные местоимения и рефлексивные посессивные аффиксы в быстринском диалекте эвенского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2021. Т. 16. № 2. С. 1–23.
- Даниэль 2000 — Даниэль М.А. Типология ассоциативной множественности. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Лютикова 1997 — Лютикова Е.А. Рефлексивы и эмфаза // *Вопросы языкознания*. 1997. № 6. С. 49–74.
- Мальчуков 2008 — Мальчуков А.Л. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. Наука, 2008.
- Тестелец, Толдова 1998 — Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // *Вопросы языкознания*. 1998. № 3. С. 35–57.
- Цинциус 1947 — Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Гос. учебно-педагогические изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947.
- Bruening 2019 — Bruening B. Generalizing the presuppositional approach to the binding conditions. 2019.
- Despić 2015 — Despić M. Phases, reflexives, and definiteness // *Syntax*. 2015. V. 18. No. 3. Pp. 201–234.
- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. A frequentist explanation of some universals of reflexive marking // *Linguistic Discovery*. 2008. V. 6. No. 1. Pp. 40–63.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The middle voice*. John Benjamins Publishing, 1993.
- König, Siemund 2000 — König E., Siemund P. Intensifiers and reflexives: A typological perspective // *Reflexives: Forms and functions*. 2000. V. 40. Pp. 41–74.
- Koster, Reuland 1991 — Koster J., Reuland E. *Long distance anaphora*. Cambridge University Press, 1991.
- Lan 2016 — Lan T. *Overlapping Reference and Its Implications for the Binding Theory*. 2016.
- Newman 2000 — Newman P. *The Hausa language: An encyclopedic reference grammar*. Yale University Press New Haven, 2000.
- Sauerland 2013 — Sauerland U. Presuppositions and the alternative tier // *Semantics and Linguistic Theory*. 2013. Pp. 156–173.
- Wexler, Manzini 1987 — Wexler K., Manzini M.R. Parameters and learnability in binding theory // *Parameter setting*. Springer, 1987. Pp. 41–76.

Деепричастия с показателем на -л в горномарийском языке*

Анна Алексеевна Данилова
МГУ имени М. В. Ломоносова
anndanilova1870@gmail.com

В работе рассматриваются горномарийские деепричастия с показателем *-л* и возглавляемые ими обстоятельственные клаузы. В статье эта форма охарактеризована по ряду важных типологических параметров. Описаны такие морфосинтаксические свойства, как характер связи с финитной клаузой (сочинение/подчинение), линейная позиция относительно главной клаузы, свойства субъекта зависимой клаузы. Среди семантических свойств изучена таксисная интерпретация *-л* деепричастий, описание которой представляет наиболее подробный раздел данной статьи, семантика быстрого следования и тип модификации зависимой клаузы.

Ключевые слова: деепричастие на *-л*, деепричастие, конверб, зависимый таксис, нефинитная клауза, горномарийский язык.

Converbs in *-l* in Hill Mari

Anna Danilova
Lomonosov Moscow State University
anndanilova1870@gmail.com

This paper considers Hill Mari *-l* converbs and adverbial clauses headed by them. In this work, I describe this form in relation to a number of important typological parameters. Are described such morphosyntactic properties as the type of the connection with the finite clause (coordination/subordination), the linear position relative to the main clause, and the properties of the subject of the

---

* Исследование поддержано грантом РФФИ No 19-012-00627a.

dependent clause. Among the semantic properties, I studied the taxis interpretation of *-n* converbs, the description of which is the most detailed section of this article, the semantics of rapid succession and the type of modification of the dependent clause.

Keywords: *-n* converb, converb, gerund, adverbial participle, dependent taxis, non-finite clause, Hill Mari.

1. Введение

Согласно [Саваткова 2002: 233-247], деепричастие на *-n* является одной из семи нефинитных глагольных форм горномарийского языка, соответствующих понятию деепричастия.

Помимо конструкций, выражающих таксисную семантику одновременности или предшествования, деепричастие на *-n* может входить в состав модальных конструкций и сложных глагольных комплексов.

Материал собран в с. Кузнецово и окрестных деревнях Горномарийского района Республики Марий Эл в 2019 году методом анкетирования. Также использовался экспедиционный корпус текстов.

2. Морфосинтаксические свойства

2.1. Подчинение

Разграничение сочинительной и подчинительной связи между финитной клаузой и клаузой с деепричастием обычно проводится с применением ряда критериев, описанных в [Haspelmath 1995: 8], [Гращенко 2015: 40-55].

В тесте на линейное вложение проверяется способность одной предикации линейно разрывать другую. Конъюнкты сочиненной конструкции не должны пересекаться, в то же время зависимая клауза может вкладываться в главную (1).

(1) *mān'* [t'el'ev'izār-ām **anž-en**] *nosk'i-m* *pid-än-äm*.
 я телевизор-ACC смотреть-CVB носки-ACC вязать-PRET-1SG
 'Я, смотря телевизор, носки вязала.'

Второй тест основан на том, что возможно извлечение элемента из подчиненной, но не из сочиненной конструкции. Пример (2) показывает возможность релятивизации ИГ 'кошка', которая входит в зависимую предикацию и не входит в вершинную.

- (2) *äšt-et*   *kot'i-m*,   *kâdâ-m*   *mân'*, ***niält-en***,
 помнить-NPST.2SG   кошка-ACC   который-ACC   я   гладить-CVB
t'el'ev'izâr-âm   *anž-en-âm?*
 телевизор-ACC   смотреть-PRET-1SG
 'Ты помнишь кошку, глядя которую, я смотрел телевизор?'

2.2. Позиция в предложении

Клауза с -n деепричастием может располагаться перед главной клаузой (3) либо вкладываться в нее (4).

- (3) [*püšängä*   *vuj-âškâ*   ***kuz-en***],
 дерево   голова-ILL   подниматься-CVB
[mân' jârvâš   *anž-al-∅*   *koltâ-š-âm]*.
 я   вокруг   смотреть-ATT-CVB   посылать-AOR-1SG
 'Взобравшись на дерево, я посмотрел вокруг.'

- (4) *mân'* *cävâ-vlä-m*   ***lâkt-ân***   *jäle*   *pukš-en-âm*.
 я   курица-PL-ACC   выпускать-CVB   скоро   кормить-PRET-1SG
 'Я куриц выпустил и сразу накормил.'

Расположение зависимой предикации после главной недопустимо (5).

- (5) **mân'* *cävâ-vlä-m*   *pukš-en-âm*   ***lâkt-ân***.
 я   курица-PL-ACC   кормить-PRET-1SG   выпускать-CVB
 Ожид.: 'Я куриц накормил, выпустил.'

Деепричастие на -n может употребляться в глагольных цепочках, обозначающих серию последовательных действий (6)–(7).

- (6) *mân'* *ätâder-âm*   *stöl*   *väl-ec*   ***pog-en***   ***mâšk-ân***
 я   посуда-ACC   стол   верх-EL   собирать-CVB   мыть-CVB
äšt-äl-∅   *polka-š*   *šând-en-âm*.
 вытирать-ITER-CVB   полка-ILL   сажать-PRET-1SG
 'Я посуду со стола собрал, вымыл, протер и на полку поставил.'

- (7) ***val-en***   *käver gač*   ***vanž-en***   *kâräk-âš*
 спускаться-CVB   мост   через   переходить-CVB   гора-ILL
kuzâ-mâla   *vara*   *küš-äl*   *saran*   *sola*
 подниматься-DEB   потом   верх-ATTR   Сараново   деревня
pičä   *saga-n*   ***ašked-ân***,   *vara*   *kornâ*   *gač*
 ограда   около-FULL   шагать-CVB   потом   дорога   через

vanž-en, nār gač ke-mälä.

переходить-CVB поле через идти-DEV

‘Спустившись, перейдя через мост, нужно подниматься в гору. Затем, пройдя рядом с огородами деревни Верхнее Сараново, потом, перейдя через дорогу, нужно идти через поле.’ [Корпус: «Дорога до церкви и в Кожланангер», 16–17]

Возможны анафорические отношения между нулевым объектом финитного глагола и объектом одной из предыдущих клауз, не обязательно ближайшей левой (8).

(8) **män' amasa-m_i pač-ən cävä-vlä-m_j**

я дверь-ACC открывать-CVB курица-PL-ACC

läkt-ən Ø_{i/j} pitär-en-äm.

выпускать-CVB закрывать-PRET-1PL

‘Я дверь открыла, куриц выпустила, дверь закрыла.’

‘Я дверь открыла, куриц выпустила, куриц закрыла {загнала обратно}.’

2.3. Субъект

С точки зрения кореферентности субъекта деепричастия и субъекта главной клаузы деепричастия можно разделить на односубъектные (когда субъект деепричастия совпадает с субъектом главной клаузы), разносубъектные (когда они различаются) и вариативно-субъектные (когда субъект деепричастия может совпадать или не совпадать с субъектом главной клаузы) [Nedjalkov 1995: 110].

С этим делением связана другая классификация, основанная на наличии фонологически выраженного субъекта в клаузе с деепричастием. Выделяются деепричастия с выраженным субъектом (выражение субъекта обязательно), с невыраженным субъектом (выражение субъекта не допускается) и с субъектом, выражение которого возможно, но необязательно [Haspelmath 1995: 9–10].

Как правило, в ситуации кореферентности субъект в нефинитной клаузе не выражается, при некорреферентности субъект выражен [Haspelmath 1995: 10–11].

2.3.1. Базовая закономерность

Стимул с односубъектной интерпретацией и нулевым субъектом в зависимой клаузе приемлем (9).

- (9) *šarək-əm* *təred-ən* *miž-əm* *vəžal-en-əm*.
 овца-ACC стричь-CVB шерсть-ACC продавать-PRET-1SG
 ‘После того как я постригла овцу (букв.: постригши овцу), я
 продала шерсть.’

Неграмматичен стимул с односубъектным контекстом и выра-
 женным субъектом нефинитной клаузы (10).

- (10) **t'et'ä-vlä* *šarək-əm* *näl-ən*, *nänä*
 ребенок-PL овца-ACC братъ-CVB они
to-kä-štä *ke-vä*.
 дом-ILL2-POSS.3PL идти-AOR.3PL
 Ожид.: ‘Купив овцу, дети пошли домой.’

Пример с разносубъектной интерпретацией и нулевым субъек-
 том в нефинитной клаузе неприемлем (11).

- (11) *pospej-en, *mä* *olma-vlä-m* *postarə-š-na*.
 поспевать-CVB мы яблоко-PL-ACC собирать-AOR-1PL
 Ожид.: ‘Когда яблоки спели, мы их собрали.’

Стимул с разносубъектным прочтением и выраженным субъек-
 том нефинитной клаузы недопустим (12).

- (12) *olma-vlä *pospej-en*, *mä* *nänä-m* *postarə-š-na*.
 яблоко-PL поспевать-CVB мы они-ACC собирать-AOR-1PL
 Ожид.: ‘Когда яблоки спели, мы их собрали.’

2.3.2. Пограничные случаи

Как отмечено в [Храковский 2009: 66], односубъектные дее-
 причастия могут использоваться в разносубъектных контекстах
 при условии тесной семантической связи между двумя участни-
 ками. См. демонстрацию этого явления на материале мишарского
 диалекта татарского языка в [Пазельская, Шлуинский 2007: 48].

Вопрос концептуального расстояния между двумя сущностями
 затрагивается, например, в известной классификации отношений
 посессивности на три типа: (1) «часть тела — тело», (2) отношения
 родства, (3) (законное) обладание [Кортјевскаја-Тамм 2003: 621].

Кореферентность имплицитного субъекта зависимой клаузы и
 эксплицитного субъекта главной клаузы при отношении «тело —
 часть тела» допустима для большинства опрошенных носителей,
 см. (13). В примере (14) субъект зависимой клаузы выражен, что
 приводит к снижению грамматичности.

- (13) [?]*karem-äš* **val-en,** *jal-em*
 овраг-ILL спускаться-CVB нога-POSS.1SG
karšt-aš *tängäl'-ä.*
 болеть-INF начинать-AOR.3SG
 ‘Когда я спустился в овраг, у меня заболела нога.’

- (14) ^{??}*män'* *karem-äš* **val-en,** *jal-em*
 я овраг-ILL спускаться-CVB нога-POSS.1SG
karšt-aš *tängäl'-ä.*
 болеть-INF начинать-AOR.3SG
 ‘Когда я спустился в овраг, у меня заболела нога.’

Стимулы, в которых два субъекта находятся в отношении родства, приемлемы для несколько меньшего числа опрошенных носителей (15).

- (15) *tämdä-šä* *dono* **soredäl-än,** *män'-äm*
 учить-PTCP.ACT с ссориться-CVB я-ACC
ät'ä-m *don* *ävä-m* *vârs-en-ät.*
 отец-POSS.1SG с мать-POSS.1SG ругать-PRET-3PL
 ‘Ссорясь с учителем, родители меня ругали.’
 ?‘Я поссорился с учителем, и меня родители отругали.’

Конструкция, где субъекты находятся в отношении отчуждаемого обладания, невозможна (16).

- (16) ^{*}*karem-äš* **val-en,** *sumka-em*
 овраг-ILL спускаться-CVB сумка-POSS.1SG
kâšked-ält-Ø *ke-š.*
 рвать-MED-CVB идти-AOR
 Ожид.: ‘Когда я спустился в овраг, моя сумка порвалась.’

Предложения с нулевым субъектом деепричастия, включающим двух анафорически связанных участников, неграмматичны (17).

- (17) ^{*}**vâšli-n,** *vas'a* *pet'a-lan* *jër-ält-en.*
 встречаться-CVB Вася Петя-DAT улыбаться-PUN-PRET
 Ожид.: ‘При встрече (букв.: встретившись) Вася улыбнулся Пете.’

3. Семантические свойства

3.1. Таксисная интерпретация

Деепричастия на -п могут обозначать действия, как предшествующие главному глаголу, так и одновременные ему. Однако, условия выбора интерпретации ранее не были систематизированы, ср. отсутствие этой информации в [Саваткова 2002: 234–235] и беглые упоминания в [Krasnova et al. 2017: 163; Riese et al. 2019: 267].

В то же время, в ряде языков засвидетельствована зависимость таксисной интерпретации деепричастия от акциональных свойств глагола, см., например, татарский материал в [Пазельская, Шлунинский 2017: 500–503], обобщение в [Nedjalkov 1998: 446–447].

Были исследованы шесть акциональных классов (выделены по [Татевосов 2010]).

Сильный предельный класс <ES; P> исследован на примере лексем *kolaš* ‘умирать’, *näläš* ‘брать’, *puaş* ‘давать’. Для всех глаголов класса характерна интерпретация предшествования (18)–(19).

(18) *kol-en, män' rok läväl-nä ki-äš tängäl-äm.*
умирать-CVB я земля низ-IN2 лежать-INF начинать-NPST.1SG
‘Умерев, я буду лежать под землей.’

(19) **kol-en, män' svaščen'n'ik-äm šüd-en-äm.*
умирать-CVB я священник-ACC звать-PRET-1SG
Ожид.: ‘Умирая, я вызвал священника.’

В некоторых идиолектах у глаголов *näläš* ‘брать’ и *puaş* ‘давать’ возникает интерпретация одновременности (20).

(20) *šaräk-äm näl-än, män' oksa-m šot-l-en-äm.*
овца-ACC взять-CVB я деньги-ACC счет-DENOM-PRET-1SG
‘Покупая овцу, я считал деньги.’

Четыре из семи исследованных глаголов **слабого предельного класса <ES P; P>** допускают только последовательную интерпретацию: *kuzaş* ‘подниматься’, *kän'äläš* ‘вставать’, *čüčäš* ‘закрывать’ и *jadaš* ‘спрашивать’ (21)–(22).

(21) *amasa-m čüč-än, män' to-c-än-na ašked-än-äm.*
дверь-ACC закрывать-CVB я дом-EL-FULL-POSS.1PL шагать-PRET-1SG
‘Закрыв дверь, я ушёл из дома.’

- (22) **amasa-m čüč-ән, mән' pi-m pört gäc*
 дверь-ACC закрывать-CVB я собака-ACC дом EL
kudvičä-š kolt-en-äm.
 сад-ILL посылать-PRET-1SG

Ожид.: 'Закрывая дверь, я выпустил собаку из дома в сад.'

Дополнительно одновременная интерпретация зафиксирована у трех глаголов: *pogaš* 'собирать', с затруднениями — *kuškaš* 'расти' и *küktäš* 'печь' (23)–(24).

- (23) *mä olma-m pog-en to-kâ-na ke-n-nä.*
 мы яблоко-ACC собирать-CVB дом-ILL2-POSS.1PL идти-PRET-1PL
 'Мы, яблоки собрав, домой пошли.'

- (24) *olma-m pog-en, mä šajâšt-ән-na.*
 яблоко-ACC собирать-CVB мы говорить-PRET-1PL
 'Собирая яблоки, мы разговаривали.'

Пунктивный класс <ES; —> представлен глаголами *pädärgaš* 'ломаться, разбиваться', *kaxâraltaš* 'кашлянуть' и *šiškaltaš* 'свистнуть'. Однозначно возможна интерпретация предшествования (25).

- (25) *šišk-alt-en, mән' vas'a pašte kârgâž-Ø-äm.*
 свистеть-PUN-CVB я Вася после бежать-AOR-1SG
 'Свистнув в свисток, я побежал за Васей.'

Одновременная интерпретация допускается в некоторых случаях, но в целом маргинальна (26).

- (26) ??*kaxâr-alt-en, mән' äšma-em kid dono čüč-Ø-äm.*
 кашлять-PUN-CVB я рот-POSS.1SG рука с закрывать-AOR-1SG
 'В момент, когда я кашлянул (букв.: кашлянуп), я закрыл рот рукой.'

В выборку включены пять глаголов **класса неопределенных процессов <P; P>**: *jâlaš* 'гореть', *madaš* 'играть', *namalaš* 'нести', *ništäläš* 'купаться', *söredäläš* 'ссориться'. Одновременная интерпретация допустима для всех исследованных глаголов (27).

- (27) *mešäk rokolma-m namal-ән, mән' pâxn'-en-äm.*
 мешок картошка-ACC нести-CVB я запыхаться-PRET-1SG
 'Неся мешок картошки, я запыхался.'

Для четырех из них (кроме *namalaš* 'нести' (28)) деепричастия допускают значение предшествования хотя бы в части идиолектов (29).

- (28) **mešäk rokolma-m namal-ən, mən' kän-en-äm.*
 мешок картошка-ACC нести-CVB я отдыхать-PRET-1SG
 Ожид.: 'Принеся мешок картошки, я отдыхал.'
- (29) *ukš-vlä, jäl-en, lompəž-əš sär-n-ält-ən-ät.*
 ветка-PL гореть-CVB пепел-ILL вращать-DETR-MED-PRET-3PL
 'Горя, ветки превращались в пепел.' / 'Сгорев, ветки превратились в пепел.'

Слабый инцептивно-стативный класс <ES S; S> исследован на примере лексем *kolaš* 'слышать', *lüdäš* 'бояться', *jarataš* 'любить' и *əngəlaš* 'понимать'. Для большинства глаголов допустимы обе интерпретации (30)–(31).

- (30) *mən' əngəremšä gəc lüd-ən jäle kərgəž-ən-am.*
 я паук EL бояться-CVB скоро бежать-PRET-1SG
 'Испугавшись паука, я сразу убежала.'

- (31) *mən'ə cəlan-əštə əngəremšə-vlä gəc*
 я кухня-IN паук-PL EL

lüd-ən šənz-en-äm.

бояться-CVB сидеть-PRET-1SG

'Я сидел в страхе (букв.: боясь) в чулане с пауками.'

Глагол *jarataš* 'любить' допускает только одновременную интерпретацию (32)–(33).

- (32) *maša-m jarat-en, mən' ves ədər-vlä-m*
 Маша-ACC любить-CVB я другой девушка-PL-ACC

anžə-del-am = at.

смотреть-NEG.PRET-1SG = ADD

'Любя Машу, я на других девушек даже не смотрел.'

- (33) **tengečə maša-m jarat-en, mən' srazu*
 вчера Маша-ACC любить-CVB я сразу

mar-lan ke-äš jad-∅-əm.

муж-DAT идти-INF спрашивать-AOR-1SG

Ожид.: 'Вчера влюбившись в Машу, я сразу ее замуж позвал.'

Для всех глаголов **стативного класса <S; S>** (*amalaš* 'спать', *vəčaš* 'ждать', *jasəlanaš* 'болеть', *ələš* 'жить') доступна только одновременная интерпретация (34)–(35).

- (34) *moskva-štâ äĭ-en, mǎn' šukâ jažo-m už-ǎn-am.*
 Москва-IN жить-CVB я много хороший-ACC видеть-PRET-1SG
 'Живя в Москве, я много хорошего увидел.'
- (35) **moskva-štâ äĭ-en, mǎn' joškar-ola-š*
 Москва-IN жить-CVB я Йошкар-Ола-ILL
ǎĭ-ǎš vanž-en-ǎm.
 жить-INF переезжать-PRET-1SG
 Ожид.: 'Пожив в Москве, я переехал в Йошкар-Олу.'

Имеется некоторая зависимость таксисной интерпретации от акционального класса глагола, см. таблицу 1. При этом акциональный класс глагольной основы не детерминирует таксисную интерпретацию: имеется вариативность внутри одного класса и между классами.

Таблица 1. Таксисная интерпретация деепричастий на -n в зависимости от акционального класса глагольной основы

Акциональный класс \ Таксис	Одновременность	Предшествование
Стативный <S; S>	ОК	*
Слабый инцептивно-стативный <ES S; S>	ОК	?
Непредельный <P; P>	ОК	?
Слабый предельный <ES P; P>	?	ОК
Сильный предельный <ES; P>	?	ОК
Пунктивный <ES; —>	??	ОК

Зависимость таксисной интерпретации деепричастия от акциональных свойств главного глагола, от интонационных и прагматических факторов представляет собой дальнейшее возможное направление исследования.

3.2. Быстрое следование

При употреблении деепричастий, которые могут обозначать предшествование действию, описываемому главным глаголом, интерпретацией по умолчанию является быстрая последовательность действий (36).

- (36) *mǎn' rokolma-m šǎnd-en vǎd-ǎm kǎšk-en-ǎm.*
 я картошка-ACC сажать-CVB вода-ACC бросать-PRET-1SG
 'Я, картошку посадив, полил (ее).'

Недопустимыми оказываются конструкции, в которых прагматически ожидается значительный разброс по времени между двумя событиями (37).

- (37) **rokolma-m šänd-en (tädə-m) pog-en-äm.*
 картошка-ACC сажать-CVB он-ACC собирать-PRET-1SG
 Ожид.: ‘Картошку посадив, собрал.’

Если временная дистанция между двумя событиями эксплицитно выражена, как в (38), то в части идиолектов употребление деепричастия на -п становится приемлемым.

- (38) ?*rokolma-m šošəm šänd-en*
 картошка-ACC весна сажать-CVB
šəžə-m pog-en-äm.
 осень-ACC собирать-PRET-1SG
 ‘Картошку весной посадила, осенью собрала.’

По-видимому, для одной части носителей быстрое следование является имплицатурой, допускающей отмену контекстом, а для другой — компонентом значения, который не допускает такую отмену.

3.3. Тип модификации главной клаузы

Как отмечается в [König 1995: 85–91; Dooley 2010: 10–11], зависимая клауза с внутриклаузальным типом модификации является частью ассерции главной клаузы, то есть она способна попадать в сферу действия ее семантических операторов; для зависимой клаузы с внешнеклаузальным типом модификации это недоступно. См. подобный анализ для староторъяльского говора лугового марийского языка в [Шлуинский 2002: 98].

Деепричастие факультативно попадает в сферу действия императива и деизидератива, находящихся в главной клаузе (39)–(40).

- (39) *šalg-en lād-Ø.*
 стоять-CVB читать-IMP
 ‘Читай стоя’ {Собеседник уже стоит}. / ‘Встань и читай.’
- (40) *mən' šalg-en lād-ne-m.*
 я стоять-CVB читать-DES-1SG
 ‘Я хочу читать стоя’ {Говорящий может как стоять, так и не стоять}.

Деепричастие не входит в сферу действия отрицания, находящегося в главной клаузе (41)–(42).

- (41) *mən' oksa-m mo-n näl-del-am.*
 я деньги-ACC находить-CVB брат-NEG.PRET-1SG
 ‘Я деньги нашел и не взял (букв.: найдя не взял).’
 *‘Я деньги не нашел и не взял.’

- (42) *mən' n'i-gənam = at krovat'-əštə ki-en mārə-del-am.*
 я NEG-когда = ADD кровать-IN лежать-CVB петь-NEG.PRET-1SG
 ‘Я никогда лежа в кровати не пел’ {лежал, но не пел}.

Однако в (42) представлено т.н. сопровождающее обстоятельство. Если же два связаны отношением способа действия [König 1995: 65–66], то сфера действия отрицания распространяется только на деепричастный оборот (43).

- (43) *mən' n'i-gənam = at copk-en kač-del-am.*
 я NEG-когда = ADD чавкать-CVB есть-NEG.PRET-1SG
 ‘Я никогда не ел чавкая’ {ел, но не чавкал}.

4. Итоги

Деепричастие на *-n* маркирует зависимую нефинитную обстоятельственную клаузу, выражая таксисные значения предшествования и одновременности. Таксисная интерпретация деепричастия частично зависит от акционального класса глагольной основы. В контекстах предшествования деепричастие на *-n* по умолчанию указывает на быструю смену событий.

Рассматриваемая форма относится к односубъектным деепричастиям с невыраженным субъектом. Однако, если два субъекта находятся в тесной семантической связи (родственные отношения, части тела), возможно его употребление в разносубъектных контекстах.

Зависимая клауза может находиться либо перед главной, либо внутри нее перед финитным глаголом или другими его зависимыми. Возможно употребление деепричастий в серии глагольных форм, обозначающих цепочку последовательных действий.

Деепричастная клауза факультативно попадает в сферу действия императива и дезидератива главной клаузы; не может попадать в сферу действия отрицания главной клаузы, но если ситуация зависимой клаузы возможна только при осуществлении ситуации главной клаузы, то отрицается событие зависимой клаузы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; ATTR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DETR — детранзитив; EMPH — эмфатическая частица; FULL — полная форма; GEN — генитив; IN — инессив; IN2 — второй (непродуктивный) инессив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; ITER — итератив; LAT — латив; MAN — показатель со значением образа действия; MED — медиопассив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PTCP.ACT — активное причастие; PRET — претерит; REFL — рефлексив; SEM — семья фактив; SG — единственное число.

Литература

- Пазельская, Шлуинский 2007 — Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Обстоятельственные предложения // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / ред. Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. Казань: Магариф, 2007. С. 38–82.
- Пазельская, Шлуинский 2017 — Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Обстоятельственные предложения // Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / ред. Татевосов С.Г., Пазельская А.Г., Сулейманов Д.Ш. М.: Буки Веди, 2017. С. 471–525.
- Татевосов 2010 — Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... д. ф. н. М.: МГУ, 2010.
- Саваткова 2002 — Саваткова А.А. Горное наречие марийского языка. Szombahately: Savariae, 2002.
- Храковский 2009 — Храковский В.С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / отв. ред. Храковский В.С. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
- Шлуинский 2002 — Шлуинский А.Б. «Наследование» грамматических значений в семантически сочинительной конструкции: к типологии глагольных форм. Дипломная работа. М.: МГУ, 2002.
- Dooley 2010 — Dooley R.A. Exploring clause chaining. Summer Institute of Linguistics Electronic Working Papers, 2010. Pp. 1–20.
- Haspelmath 1995 — Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category. Converbs in cross-linguistic perspective. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1995. Pp. 1–55.
- Koptjevskaja-Tamm 2003 — Koptjevskaja-Tamm M. Possessive noun phrases in the languages of Europe. Noun phrase structure in the languages of Europe. Plank F. (ed.). Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 2003. Pp. 621–722.
- König 1995 — König E. The meaning of converb constructions. Converbs in cross-linguistic perspective. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1995. Pp. 57–95.

- Krasnova et al. 2017 — Krasnova N., Yefremova T., Riese T., Bradley J. *Reading Hill Mari Through Meadow Mari*. Vienna: University of Vienna, 2017.
- Nedjalkov 1995 — Nedjalkov V. P. Some typological parameters of converbs. *Converbs in cross-linguistic perspective*. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1995. Pp. 97–136.
- Riese et al. 2019 — Riese T., Bradley J., Schötschel M., Yefremova T. *Mari (марий йылме): An Essential Grammar for International Learners*. [Draft version] Vienna: University of Vienna, 2019. (Published online at grammar.mari-language.com. Accessed on 25.07.2021)

Лексикализация рефлексива в нахско-дагестанских языках: от местоимения к союзу/частице*

Айгуль Наилевна Закирова¹, Тимур Анатольевич Майсак²

^{1,2}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

²Институт языкознания РАН

¹aigul.n.zakirova@gmail.com, ²timur.maisak@gmail.com

Известно, что рефлексивные местоимения в нахско-дагестанских языках используются в нескольких функциях: собственно рефлексив, интенсификатор, логофор, анафор. В статье рассматриваются особые, прежде не засвидетельствованные употребления рефлексивных местоимений в двух нахско-дагестанских языках — рутульском и андийском. Для рутульского *již* это противительная функция ('но, однако'); андийское *zibgu* имеет противительные и рестриктивные употребления ('только', 'просто'). Два языка различаются по степени лексикализации местоимения: если в рутульском бывший рефлексив утратил согласование по роду и фактически превратился в неизменяемый союз, то в андийском местоимение сохраняет согласование. По нашему предположению, источником обеих функций стали употребления местоимений как интенсификаторов; при этом даже согласуемые местоимения в новых функциях уже, по-видимому, нельзя считать интенсификаторами.

Ключевые слова: рефлексивы, интенсификаторы, противительный союз, частица, лексикализация, нахско-дагестанские языки, рутульский язык, андийский язык.

---

* Мы благодарим наших консультантов по андийскому и рутульскому языкам, а также участников конференции «Малые языки в большой лингвистике» 2021 года и семинара Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ за обсуждение и комментарии.

Lexicalized reflexives in Nakh-Daghestanian: From pronouns to conjunctions/particles

Aigul Zakirova¹, Timur Maisak^{1,2}

¹National Research University Higher School of Economics,

²Institute of Linguistics RAS

¹aigul.n.zakirova@gmail.com, ²timur.maisak@gmail.com

Reflexive pronouns in Nakh-Daghestanian languages can fulfil a number of functions: besides reflexives proper, they serve as intensifiers, logophors and even anaphors. We look at still other uses of reflexives, which have not been reported earlier; our data come from two languages of the family. The Rutul pronoun *již* can have an adversative function ('but'); the Andi pronoun *zibgu* can have both adversative and restrictive uses ('only', 'just'). The degree of lexicalization in the two languages is different: while the former reflexive in Rutul has lost gender agreement and became a clause-initial conjunction, the Andi pronoun still displays gender agreement. We suggest that both functions in question have their origin in the use of intensifiers; however, it seems that synchronically even agreeing pronouns displaying the new functions cannot be treated as intensifiers.

Keywords: reflexives, intensifiers, adversative conjunctions, particles, lexicalization, Nakh-Daghestanian, Rutul, Andi.

1. Введение: рефлексивы в нахско-дагестанских языках

В языках нахско-дагестанской семьи рефлексивы 3-го лица представляют собой особые местоименные основы, обладающие падежным и числовым словоизменением; иногда рефлексивы изменяются также по роду (именному классу). Известная особенность нахско-дагестанских рефлексивов состоит в том, что они могут выступать далеко не только в собственно рефлексивных контекстах [Тестелец, Толдова 1998], но также широко используются как интенсификаторы [Лютикова 2002], логофоры (в конструкциях передачи речи), резюмptивы (в причастных относительных клаузах) и даже, хотя и в меньшем числе языков, как дискурсивные анафорические средства, как правило, обозначающие «фокус

эмпатии эпизода» (ср. описание цахурского *мицӀ* в грамматике [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999]). Тот факт, что функция рефлексива у соответствующих местоимений является не единственной, а, возможно, и не основной, отражается в утвердившейся в последние годы конвенции глоссировать соответствующие основы при помощи лексического ярлыка ‘сам’ (или соответственно ‘self’), а не грамматического ярлыка типа ‘REFL’ или ‘LOG’.

Далее мы, однако, обратимся не к тем хорошо известным функциям нахско-дагестанских «рефлексивов», которые были перечислены выше, а к особому пути развития, на котором местоимение превращается в союз с противительным (‘но’, ‘однако’) значением или в частицу с рестриктивным (‘только’, ‘просто’) значением. Насколько нам известно, подобные употребления местоимений типа ‘сам’ в языках семьи ранее не обсуждались. Нами они были обнаружены независимо в двух языках, относящихся к разным ветвям нахско-дагестанской семьи, — рутульском (лезгинские) и андийском (аваро-андийские), — однако мы не исключаем, что аналогичные употребления, ранее просто не привлекавшие внимания, могут быть найдены и в других языках.

Для дальнейшего изложения для нас будут важны функции нахско-дагестанских ‘сам’-местоимений как интенсификаторов. Вслед за работой [Лютикова 2002] мы будем использовать разделение на следующие пять типов употреблений: добавляющее, контрастивное, самостоятельное, неожиданное и дискурсивное (первые три из них относятся к адвербиальным, два последних — к приименным). Далее эти употребления сопровождаются толкованиями и иллюстрируются примерами, обсуждающимися в упомянутой выше работе:

- добавляющее: ‘X также участвует в ситуации Р с ролью i’, ср. (*Моя бабушка понимает в этих вещах.*) Она **сама** колдунья.
- контрастивное: ‘именно X участвует в Р с ролью i; никто другой не участвует в Р с ролью i’, ср. (*Нечего обвинять других.*) Ты **сам** во всем виноват.
- самостоятельное: ‘именно X участвует в Р с ролью i; никто другой не участвует в Р с ролью каузатора, каузируемого, помощника и т.п.’, ср. *Патимат сама испекла хлеб.*
- неожиданное: ‘X участвует в Р с ролью i’, ср. *Сам Ельцин приехал в Кванату.*
- дискурсивное: ‘X (снова) появляется в дискурсе’, ср. *Дома была только жена Ивана, а сам Иван уехал.*

В разделе 2 мы обсудим рутульский противительный союз *již*, который, по нашему мнению, восходит к местоимению ‘сам’. Раздел 3 посвящен андийскому *zibgu*, которое употребляется в двух функциях: противительной и рестриктивной. В заключении обсуждаются пути грамматикализации местоимения ‘сам’ в рутульском и андийском и подводятся итоги исследования.

2. Рутульский язык: от дискурсивного ‘сам’ к противительному ‘но’

В рутульском языке лезгинской группы нахско-дагестанской семьи местоимение ‘сам’ в форме абсолютива единственного числа представлено основой, имеющей префиксальный показатель рода, ср. *wiž* (мужской род, в глоссах 1), *riž* (женский род, в глоссах 2), *wiž* (средний род, в глоссах 3) и *již* (средний род, в глоссах 4). В косвенных падежах единственного числа различаются основы *ži-* (мужской и женский род) и *ži-* (неличные роды). Функции рутульского местоимения вполне ожидаемы на «общедагестанском» фоне это собственно рефлексив (1), логофор (2), интенсификатор (3), а также анафор, отсылающий к «фокусу эмпатии» (4). Приводимые ниже примеры относятся к мухадскому диалекту, который является также основой литературного рутульского языка.

- (1) *rasul-i-s wiž hagu-r-i.*
 Расул-OBL-DAT 1.сам 1.видеть.PFV-CVB-COP
 ‘Расул_i увидел себя_i,’ (или: ‘Расул_i увидел его_j.’) [Махмудова 2001: 173]

- (2) *q'a'sij-e-re ruxu-ra, wiž midi*
 старик-OBL-ERG 4.говорить.IPFV-PRS 1.сам здесь
aŋga-s-i.
 <1> оставаться-INF-COP
 ‘...и старик_q сказал, что он_i останется здесь.’ [Свод, т.2, текст 30]

- (3) *david-a žu bes ruxu-r-diš-me*
 Давид-ERG 1.сам.ERG PTCL говорить.IPFV-CVB-COP.NEG-Q
žu-di na'hni-ma: (...)
 1.сам-ATTR песни-OBL.PL-IN.EL
 ‘Ведь сам Давид говорит в Книге Псалмов ...’ [Лк. 20:42]

(4) *xeli riž r-aħa-ra, mi-nij-kla*
 потом 2.сам 2-убегать.IPFV-PRS этот-OBL.H-INTER.EL

wi-ruŋu-ra wiriv.

3-статья.IPFV-PRS солнце

(Сестра_i рассердилась на брата и ударила его половником.)
 ‘После этого она_i убежала и превратилась в Солнце.’ [Свод,
 т.4, текст 52]

Особый интерес представляет использование формы *již* (совпадающей с местоимением ‘сам’ абсолютива единственного числа, 4 рода) в функции противительного союза типа ‘но, однако’. Это употребление упоминается в описании [Махмудова 2001: 207], ср. один из приводимых в книге примеров (5).

(5) *anuc-a jiw-a ražekim liž i-wi-r-i,*
 Ануц-ERG семь-MULT раз жребий <3>вбрасывать.PFV-CVB-COP

již sada = ki iwi·b·q’i-r-diš.

однако однажды = ADD <3> выигрывать.PFV-CVB-COP.NEG

‘Ануц семь раз участвовала в жеребьевке, однако ни разу не выиграла.’ [Махмудова 2001: 197]

Встречается противительное *již* и в доступных текстовых источниках на рутульском языке — например, в сказках, опубликованных в многотомном «Своде памятников фольклора народов Дагестана», мы обнаружили 6 примеров такого рода, а в переводе Евангелия от Луки — 5 примеров. При этом все текстовые примеры иллюстрируют такой же контекст, как в (5): *již* выступает в начале финитной клаузы, которая находится с предыдущей в отношениях противопоставления.

(6) *již wa ruħi-naqun, таа kije-s-i.*
 однако ты.ERG 4.говорить.IPFV-COND опять 4.забрасывать-INF-COP

(Наставник, — ответил Симон, — мы всю ночь трудились не покладая рук и ничего не поймали.) ‘Но раз Ты велишь, я заброшу сети.’ [Лк. 5:5]

(7) *již za-s sada ki hu-w·gu-d diš*
 однако я-DAT однажды ADD <3> видеть.PFV-ATTR COP.NEG

žag^war-di siwa-jac.

белый-ATTR горный-бык

(Всю жизнь я охотился,) ‘но белого тура вижу впервые (букв. но я ни разу не видел белого тура).’ [Свод, т.4, текст 73]

Строго говоря, в работе С. М. Махмудовой не утверждается, что противительный союз *již* происходит именно из рефлексивного местоимения, однако тождество этих двух форм трудно признать случайностью. По нашему мнению, наиболее вероятный источник *již*, «лексикализованного» в качестве союза, — это дискурсивное употребление интенсификатора, связанное с возвращением имени выделенного участника в топикальную позицию [Лютикова 2002: 29–41; ср. также Янко 2001: 295–303]. В рутульских текстах встречаются подобные примеры с местоимением ‘сам’, отсылающим к соответствующему референту и согласующимся с ним по роду:

- (8) *migu^s-biš-e*   *mi-nij-di*   *χal-i-s*
сельчанин-OBL.HPL-ERG   этот-OBL.H-ATTR   дом-OBL-DAT
c'ij   *riχi^s-re*,
огонь   4.бить.IPFV-CVB
wiž   *jiq'-e*   *ž-iñ-r*   *salta-ra.*
1.сам убивать-IMP   NEG-1.делать.PFV-CVB   1.оставлять.IPFV-PRS
‘Аульчане [всё же] подожгли его дом, но самого оставили в живых.’ [Свод, т.3, текст 87]
- (9) *riž*   *r-iñ-r*   *duxar-da:*   *χulka-ra.*
2.сам 2-уходить.PFV-CVB   сын-APUD.EL   4.спрашивать.IPFV-PRS
(— Нет, он ничего не ест, — отвечает [за него] жена падишаха.) ‘а сама пошла спросить сына.’ [Свод, т.2, текст 56]

По всей видимости, на следующем этапе развития местоимение перестает отсылать к конкретному антецеденту (и наследовать его род), а также теряет падежное оформление, «застывая» в форме абсолютива единственного числа 4-го рода. В результате *již* выражает теперь лишь идею противопоставления и является своего рода начальным противительным союзом, а не местоимением.

Интересно, что лексикализация рефлексива произошла далеко не во всех рутульских диалектах: так, в кининском говоре (занимающем в диалектной классификации промежуточное положение) в противительных контекстах типа описанных выше используется только согласуемое местоимение. С аналогичной, хотя и не вполне тождественной, ситуацией мы встретимся далее в андийском языке.

3. Андийский язык: от дискурсивного ‘сам’ к противительному ‘но’ и рестриктивному ‘только’

В андийском языке (аваро-андийская группа нахско-дагестанской семьи), как и в рутульском, местоимение ‘сам’ имеет прямую и косвенную основу. В большинстве функций оно обязательно присоединяет эмфатическую частицу = *gu*. Форма абсолютива имеет суффиксальный показатель рода: *ziw* = *gu* (мужской род, в глоссах 1), *zij* = *gu* (женский род, в глоссах 2), *zib* = *gu* (род животных, в глоссах 3), *zib* = *gu* (средний род, в глоссах 4), *zir* = *gu* (средний род, в глоссах 5); во множественном числе абсолютива после показателя рода присоединяется показатель множественного числа -(V)l. В косвенных падежах единственного числа используются основы *en*(i)- (у референтов мужского рода) и *en*(i)- (у остальных референтов), к которым присоединяются падежные показатели.

Функции андийского *zibgu* совпадают с функциями аналогичного рутульского местоимения: оно может выступать как собственно рефлексив (10), логофор (11; это единственная функция, в которой местоимение выступает без частицы = *gu*), интенсификатор (12), в редких случаях — как анафор (13). В дальнейшем изложении рассматриваются данные двух диалектов: собственно андийского (по «Сказкам народов мира на андийском языке») и зиловского (по данным элицитации и корпусу текстов на зиловском диалекте).

- (10) *b-iχi-j hede-b befenu-gu som = lodu,*
4-брать-PRF этот-4 100-CARD рубль = SUBORD

en-f-χo = gu ifi-wa = lo w-u?onni-j.
сам-M.OBL-APUD.LAT = EMPH дома-1:DIR = ADD 1-уходить-PRF

{Лысый} ‘взял сто рублей и пошёл к себе домой’ (Зило, корпус).

- (11) *zi-w du-tu kumeki-tu hek^wa-f-qχi w-u?inni-ja.*
сам-1 ты.OBL-DAT помощь-DAT человек-M.OBL-INSTR 1-уходить-FUT
{Лис говорит:} ‘Я пойду искать человека тебе на помощь’ (Зило, корпус).

- (12) *hede-tu-ku rej-lo w-ug^wo-du zi-w = gu patf:ahi...*
этот-LOC-EL двор-SUP.LAT 1-приходить-PRF сам-1 = EMPH царь
‘Оттуда выходит сам король...’ {красавец, глаз не отвешь,— и не кто иной, как сам король Бакенбарды} (Анди, «Сказки»).

- (13) **zi-w = gu**   *w-oχor = lo*   *ti-du*   *w-utʃi-du*
 сам-1 = EMPH   1-старый = ADD   становится-PRF   1-умирать-INF

rihi b-igu-b-rihi (...)

время 4-приходить-PTCP.PFV-CVB.TEMP

{Жил один великий царь.} ‘Как состарился он и пришло время ему умирать,’ {позвал он своего единственного сына и наследника и сказал} (Анди, «Сказки»).

Кроме употреблений (10)–(13), распространенных в нахско-дагестанских языках, у андийского *zibgu* есть ещё два употребления. Одно из них, противительное (‘но, однако’), напоминает противительное употребление *již* в рутульском. Второе, рестриктивное, передает значение ‘только, просто’. Рассмотрим эти функции *zibgu* для собственно андийского и зилковского диалектов по отдельности.

3.1. Собственно андийский диалект

В «Сказках», которые написаны на собственно андийском диалекте, насчитывается 5 употреблений *zibgu*, которые не удается свести к типичным функциям рефлексивов; при этом в 4 случаях *zibgu* находится в начале клаузы и, по-видимому, модифицирует её целиком. Переводными эквивалентами *zibgu* во всех примерах оказываются русские *только* и *просто*, однако в (15) можно усмотреть и отношения противопоставления (‘но’).

- (14) **zi-b = gu**   *lenʃur-tti*   *tʃ'eχ^wa*   *hege-ʃu-r*   *migazu-tti*
 сам-4 = EMPH   мука-GEN   пыль   этот-М.ОBL-5(GEN)   борода-GEN

ittu = lo   *b-oχ:on-du*,   *hege-r*   *hats'a = vo*
 внутри = ADD   4-подниматься-PRF   этот-5   белый = QUOT

ih-i-du = du.

делать-PRF = QUOT

{Говорят, что он [мельник] не был уж очень старым —} ‘просто мучная пыль въелась в его бороду и посеребрила ее’ (Анди, «Сказки»).

- (15) *j-ilo-m*,   **zi-b = gu**   *homolovada-tʃu*   *soru-ku*
 2-уходить-IMP   сам-4 = EMPH   друг.PL.OBL-CONT   вместе-EL

tann-ja-tti-j   *maʃiqχil ih-o*.
 рваться-PTCP.IPFV-OBL-DAT   умение   делать-IMP

{Дедушка, бабушка, — говорит Машенька, — отпустите меня в лес с подружками!} ‘Иди, только смотри от подружек не отставай’ (Анди, «Сказки»).

Во всех пяти примерах из «Сказок» *zibgu* имеет форму с показателем среднего рода *-b*, однако по имеющимся примерам невозможно определить, согласуется ли *zibgu* в противительной функции по роду или же форма с показателем *-b* используется как дефолтная: дело в том, что во всех этих примерах в одной клаузе с *zibgu* имеется абсолютивный аргумент 4 рода (например, *tʰeχ^wa* ‘пыль’ в (14)). Кроме того, примеры «Сказок» не позволяют провести границу между рестриктивными и противительными прочтениями *zibgu*. Рассмотрим теперь данные зиловского диалекта.

3.2. Зиловский диалект: согласующееся *zibgu*

В зиловском диалекте есть два нетипичных для ‘сам’-местоимений употребления *zibgu*: противительное и рестриктивное. В обоих типах употреблений *zibgu* согласуется с абсолютивным аргументом клаузы.

Противительное прочтение иллюстрируется в примере (16), в котором противопоставляются пропозиции ‘отец был хороший’ и ‘отец был строгий’. Носители зиловского диалекта часто переводят такие употребления *zibgu* с помощью русского союза *однако*.

(16) *dada = lo*   *i-wa = lo...*   *ʃu-w*   *w-ɯwi*,
отец = ADD   куда-1:DIR = ADD   хороший-1   1-быть.AOR

zi-w = gu   *strogij*   *w-ɯwi*.
сам-1 = EMPH   строгий   1-быть.AOR

‘Отец никуда [не пускал]... был хороший, но строгий’ (Зило, корпус).

В разделе 2 мы предположили, что рутульское *již*, лексикализованное в функции союза ‘но’, происходит от интенсификатора в дискурсивном употреблении, а о лексикализации *již* свидетельствует его застывшая, неизменяемая форма. Примеры собственно андийского *zibgu* (14)–(15) не поддаются однозначной интерпретации: не удастся определить ни с каким именно значением *zibgu* мы имеем дело, ни имела ли в них место лексикализация. В зиловском диалекте соответствующая единица согласуется по роду; таким образом, с формальной точки зрения она не является «за-

стывшей». Однако обнаруживается, что зиловское *zibgu* не всегда можно трактовать как интенсификатор в дискурсивном употреблении. В то время как пример (16) в принципе позволяет считать, что *zibgu* отсылает к именной группе *dada* ‘отец’, упомянутой ранее в этом предложении, пример (17) не допускает такой трактовки. В нем именная группа *ts'a* ‘дождь’, с которой согласуется *zirgu*, не фигурирует в предтексте и в речевой ситуации:

- (17) *di-j q'oroq'oj b-ivi rej-ʔo w-uʔinn-u,*
 я-DAT нужно 4-останавливаться.AOR двор-LAT 1-уходить-INF
zi-r = gu ts'a r-eʔi.
 сам-5 = EMPH дождь 5-идти.AOR
 ‘Я хотел пойти на улицу, но пошёл дождь’ (Зило, элицитация).

Кроме противительного, в зиловском диалекте также есть рестриктивное употребление *zibgu*:

- (18) *dʒib-ul = gu ho <w> ok'o-j, zi-j = gu aʃʃati*
 весь-PL = EMPH садиться <1 > -PRF сам-2 = EMPH Айшат
ħalt'u-mado.
 работать-PROG
 ‘Все сидят, только Айшат работает’ (Зило, элицитация).

Можно предположить, что рестриктивное употребление *zibgu* происходит от таких употреблений интенсификатора *zibgu*, у которых в ассерции есть компонент ‘X и только X’, то есть из самостоятельного или контрастивного. В этом случае возникает вопрос, является ли рестриктивное *zibgu* манифестацией какого-то из этих употреблений, или же оно обладает свойствами, которые отличают его от таких интенсификаторов. Сравним свойства интенсификаторов и свойства рестриктивного *zibgu*.

Во-первых, самостоятельное и контрастивное употребления интенсификаторов содержат в своем толковании компонент ‘X и только X’ [Лютикова 2002: 22–49]. Иными словами, рестриктивная семантика этих употреблений заключается в исключении всех альтернатив, кроме X (complement exclusion reading). Однако рестриктивное *zibgu* ведет себя иначе: оно допускает не только исключающее, как в (18), но и скалярное (rank-order) прочтение. Так, *zibgu* в (19) вводит пресуппозицию, что солдаты на некоторой шкале находятся ниже генералов. При этом отнесение некоторых референтов в (19) к классу солдат не исключает того,

что они могут принадлежать и к другим классам при других основаниях классификации, например мужчин, учителей или лентяев, то есть мы не имеем дело с прочтением, исключающим альтернативы.

(19) *hege-w-ul*   *generaladu-l*   *su*,
этот-1-PL   генерал.PL-PL   COP.NEG

hege-w-ul   ***zi-w-ul = gu***   *saldato-l*.
этот-1-PL   сам-1-PL = EMPH   солдат.PL-PL

‘Они не генералы, они просто солдаты’ (Зило, элицитация).

Во-вторых, интенсификаторы — это единицы, прототипически ассоциированные с фокализованной именной группой [Siemund 2000: 14], но не с другими составляющими типа глагольной группы или клаузы. Однако рестриктивное *zibgu* может быть ассоциировано не с именной группой, а с другой составляющей, например с глагольной группой (20). В этом случае согласование *zibgu* контролируется абсолютным аргументом клаузы.

(20) *muḥammadi*   *w-aḥo-r-si*,
Магомед   1-драться-PROG-NEG

he-w   ***zi-w = gu***   *helli-r*.
этот-1   сам-1 = EMPH   бегать-PROG

‘Магомед не дерется, он просто бегаёт’ (Зило, элицитация).

Таким образом, *zibgu* в противительном и рестриктивном употреблении хотя и сохраняет согласование по роду и числу, некоторыми своими свойствами отличается от интенсификаторов, которые вероятно послужили источником их развития.

4. Заключение

В статье мы описали прежде не засвидетельствованные пути развития местоимений типа ‘сам’ в нахско-дагестанских языках. Мы предположили, что два описанных употребления, а именно противительное и рестриктивное, возникли из интенсификаторных употреблений таких местоимений. Кроме того, мы показали, что рутульское *již* и андийское *zibgu* в своих новых употреблениях имеют морфологические, синтаксические и семантические свойства, отличающие их от интенсификаторов, которые вероятнее всего были их источниками.

Пути развития противительного и рестриктивного употреблений, которые мы предложили в статье, параллельны: движение по ним может происходить независимо. Стоит, однако, отметить, что совмещение противительной и рестриктивной функций типологически не уникально: например, так ведут себя англ. *but*, нидерл. *maar*, наuatль *zap*, ивр. *ax*, *ela* [König 2002: 106–107]; ср. также рус.: *Иди, только (=но) от подружек не отставай*, англ. *Just tell the truth* 'Просто скажи правду'. Таким образом, можно представить себе и такой сценарий, что какое-то из двух рассмотренных употреблений произошло от второго.

Список условных сокращений

1–5 — роды; ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; APUD — локализация 'около ориентира'; ATTR — атрибутивная форма; CARD — количественное числительное; COND — условное наклонение; CONT — локализация 'в контакте с ориентиром'; COP — глагол-связка; CVB — деепричастие; CVB.TEMP — темпоральное деепричастие; DAT — датив; DIR — направительная форма; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; ERG — эргатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; Н — личный род; HPL — личный род, множественное число; IMP — императив; IN — инэссив; INF — инфинитив; INSTR — инструменталис; INTER — локализация 'в среде'; IPFV — имперфектив; LAT — латив; LOC — локатив; М — мужской род; MULT — показатель кратности; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PROG — прогрессив; PRS — презенс; PTCL — частица; PTCP — причастие; Q — вопросительная частица; QUOT — квотативный показатель; SUBORD — субординатор; SUP — локализация 'под ориентиром'.

Источники текстов

Дуниялла бахуннирсси халгъгиллЛол гъгъванаб мицЦиллассол мухал (Сказки народов мира на андийском языке) / Отв. ред. Магомедова П.А., пер. Алисултановой М.А. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010.

Лукадаады Шадды Хабар. (Евангелие от Луки на рутульском языке.) М.: ИПБ, 2004.

Свод памятников фольклора народов Дагестана. В 20 тт. Т. 1–4. М.: Наука, 2011–2013.

Литература

Лютикова 2002 — Лютикова Е.А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Махмудова 2001 — Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. М.: ИЯз РАН, 2001.

- Тестелец, Толдова 1998 — Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998. №. 3. С. 35–57.
- Янко 2001 — Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- König 2002 — König E. The meaning of focus particles: A comparative perspective. London and New York: Routledge, 2002.
- Siemund 2000 — Siemund P. Intensifiers — A comparison of English and German. London: Routledge, 2000.

‘Громко’, ‘тихо’ и их соседи: данные уральских языков Волго-Камского ареала*

Егор Владимирович Кашкин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
egorka1988@gmail.com

В статье рассматривается выражение семантики высокой и низкой громкости в уральских языках Волго-Камского ареала — горномарийском и удмуртском (на материале татышлинского говора). Проанализированы базовые модели организации этой семантической зоны. Обсуждаются аргументы за и против того, чтобы трактовать рассматриваемые примеры как случай ареального взаимодействия языков.

Ключевые слова: уральские языки, горномарийский язык, удмуртский язык, лексическая семантика, семантика громкости, ареальная лингвистика.

‘Loud’, ‘quiet’ and their neighbours: Evidence from the Uralic languages of the Volga-Kama area

Egor Kashkin
V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS
egorka1988@gmail.com

The article deals with the expressions of ‘quiet’ and ‘loud’ in two Uralic languages of the Volga-Kama area — Hill Mari and Udmurt (data from the Tatyshly subdialect). I analyze the basic patterns of how these semantic domains are organized, and also discuss arguments for and against considering the patterns observed as a contact-induced phenomenon.

Keywords: Uralic languages, Hill Mari, Udmurt, lexical semantics, semantics of loudness, areal linguistics.

---

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627.

1. Введение

В статье рассматриваются лексемы с семантикой наличия звука (‘громкий’/‘громко’) и отсутствия звука (‘тихий’/‘тихо’), в первую очередь в адвербиальных употреблениях. Мы обсудим разнородные модели полисемии, а также проанализируем некоторые из них в ареально-типологической перспективе.

Статья основана на материале восточных говоров горномарийского языка и татышлинского говора периферийно-южного диалекта удмуртского языка. Исследование горномарийского языка проводилось в 2016–2019 гг. в с. Кузнецово и окрестных деревнях Горномарийского района Республики Марий Эл (сайт проекта: <http://hillmari-exp.tilda.ws/>). Данные удмуртского языка собраны в 2019 г. в д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы Татышлинского района Республики Башкортостан (сайт проекта: <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>).

Для рассматриваемых идиомов характерны схожие модели устройства семантической зоны наличия и отсутствия звука. И горномарийский язык, и татышлинский говор удмуртского языка испытывают существенное контактное влияние алтайских языков (см. [Федотов 1990; Baidoullina 2003] и др.), что важно для дальнейшего изложения.

Работа опирается на фреймовый подход к лексической типологии, предполагающий изучение семантики лексем на основе анализа их сочетаемости (см. [Rakhilina, Reznikova 2016] и приводимые в указанной статье ссылки). В первую очередь данные собирались методом анкетирования носителей языка. Дополнительно привлекались словари и записанные в экспедициях тексты. Мы учитывали результаты доступных работ о поле высокой и низкой громкости, см. систематизацию полисемии русских лексем *тихий* и *тихо* в [Перспектив активнаго словаря 2010: 638–645], сопоставление русского и украинского материала в [Яворська 2013], а также сведения по еще одному финно-угорскому языку Поволжья — мокшанскому [Сапожникова, Максимова 2013; Кашкин и др. 2018: 811–812].

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 рассматриваются базовые модели устройства семантических областей высокой и низкой громкости. Раздел 3 посвящен более дробным семантическим противопоставлениям. В разделе 4 некоторые из выявленных моделей обсуждаются в ареально-типологической перспективе. В разделе 5 подводятся итоги.

2. Базовые модели

2.1. Высокая громкость и интенсификация

Семантика высокой громкости выражается в исследуемых идиомах интенсификаторами с широкой сочетаемостью. В горномарийском языке это наречие *kogon*¹ (1), образованное по регулярной модели от прилагательного *kogo* ‘большой’ (ср. *kogo kataka* ‘большая печка’, *kogo päsä* ‘большая работа’). Примерами его интенсификационных употреблений служат сочетания *kogon karšta* ‘сильно болит’, *kogon susu* ‘очень рад’, *kogon totlä* ‘очень вкусный’, *kogon jangälaš* ‘сильно уставать’, *kogon učastvijenät* ‘активно участвовали’ [дети в конкурсах], *kogon kogo* ‘очень большой’ и др. В [Саваткова 2008: 96] лексеме *kogon* приписана дефиниция ‘очень, слишком’.

(1) *ät'ä-m*   *kogo-n*   *sägär-äl-Ø*   *šändä-š:*
отец-POSS.1SG   большой-ADV   кричать-АТТ-CVB   сажать-AOR

“cilä-n vac-ta   kravat'-äškä!”

весь-ADV   лечиться-IMP.PL   кровать-ILL

‘Отец громко крикнул: «Все ложитесь в кровать!»’

В татышлинском удмуртском аналогично используется лексема *katä* (по-видимому, заимствованная из контактных тюркских идиомов, см. также далее). В [Байдуллина, ms.] она истолкована как ‘крепко, сильно’; ‘резко, грубо’; ‘громко, зычно’. В нашем материале она фиксируется как в контекстах громкости (*katä veras'ke* ‘громко говорит’, *katä ž'äkärte* ‘громко скрипит’), так и в других интенсификационных контекстах (*katä vis'e* ‘сильно болит/болеет’, *katä ž'aratis'ko* ‘сильно люблю’, *kuaz' katä zore* ‘идет сильный дождь, букв.: погода сильно дождит’).

Отметим, что «звуковая» интерпретация таких интенсификаторов наводится контекстом и не возникает в независимом употреблении, см. пример (2) из татышлинского удмуртского и (3) из горномарийского.

(2) *klas-än*   *kuara/*   **katä.*
класс-LOC   звук   сильно
‘В классе шумно.’

¹ Значение большого количества выражается, однако, не лексемой *kogon*, а лексемой *šukä* ‘много’, ср. *šukä škäl* ‘много коров’.

- (3) *ti-štä*   *šum-an* / *kogo / *kogo-n,   *kn'igä-m lād-aš*
 этот-IN   шум-PROP   большой   большой-ADV   книга-ACC   читать-INF

a-k   *li*.

NEG.NPST-3   становиться

‘Здесь шумно, нельзя книгу читать.’

2.2. Низкая громкость и скорость

Семантика низкой громкости в горномарийском языке выражается наречием *izīn*, образованным от прилагательного *izi* ‘маленький’² (4). Кроме того, используется наречие *olen*, выражающее значения ‘тихо’ и ‘медленно’ (4)–(5).

- (4) *ät'ä-žä*   *izi-n* /   *olen keles-en*:
 отец-POSS.3SG   маленький-ADV   тихо   говорить-PRET

“*vrač-âm šüdü-dä*.”

врач-ACC   звать-IMP.PL

‘Отец тихо сказал: «Вызовите врача».’

- (5) *keč-et*   *olen*   *ül-äk*   *val-a*.
 солнце-POSS.2SG   медленно   низ-ILL2   спускаться-NPST.3SG
 ‘Солнце медленно опускается вниз.’

Закрепление за одной и той же лексемой значений низкой громкости и низкой скорости отмечается и в татышлинском удмуртском для лексемы *kall'en* ‘тихо; медленно’³:

- (6) *ös*   *kall'en*   *ž'äkârt-e*.
 дверь   тихо   скрипеть-PRS.3SG
 ‘Дверь тихо скрипит.’

- (7) *mašina*   *kall'en*   *mân-e*.
 машина   медленно   идти-PRS.3SG
 ‘Машина медленно едет.’

² В интенсификационной функции при этом используется форма *iziš* с непродуктивным адвербиализатором, ср. *iziš karangân* ‘немного отошел’, *tumajâmâla iziš* ‘надо немного подумать’.

³ Горномарийская лексема *olen* и удмуртская *kall'en* связываются с одним и тем же источником заимствования — чувашским *хуллен / холлен* ‘медленный, медленно; тихий, тихонько, потихоньку’, см. [Федотов 1990: 266; Федотов 1996: 356; Wichmann 1987: 88].

Как и семантика высокой громкости, семантика низкой громкости в случае рассмотренных лексем также наводится контекстом, см. иллюстрацию из горномарийского языка:

- (8) *ti-štä*   *târ*   /   **izi(-n)*   /   *olen,
 этот-IN   тихий   маленький-ADV   тихо

kn'igä-m   *lâd-aš*   *jažo*.
 книга-ACC   читать-INF   хороший
 'Здесь тихо, книгу читать хорошо.'

2.3. Аналитические конструкции

В исследуемых идиомах используются конструкции с семантикой высокой или низкой громкости, построенные по модели '(с) большим/маленьким голосом (звуком)', см. в горномарийском *kogo juk don šajâšteš* 'говорит громко' и *izi juk don šajâšteš* 'говорит тихо', в татышлинском удмуртском, соответственно *ba'žâm k̄arajen veras'ke* и *pič'i k̄arajen veras'ke*. Комитативно-инструментальную функцию выполняют регулярные маркеры: послелог *dono/don* в горномарийском и инструментальный падеж (-*en*) в татышлинском удмуртском. Относительно татышлинских конструкций заметим, что они знакомы опрошенным носителям, но многими из них оцениваются как принадлежащие литературному языку и менее характерные для говора.

3. Семантические противопоставления

В этом разделе мы рассмотрим семантические оппозиции, выявленные в рассматриваемом поле, остановившись на лексемах со значением низкой громкости. Для лексем со значением высокой громкости этот вопрос не обсуждается, поскольку сводится к исчислению конкретных типов источника звука и звуковых ситуаций, что выходит за рамки текущего исследования (ср. примеры единиц со звуковой семантикой в [Рожанский 2002]).

3.1. Речевые и неречевые контексты.

Горномарийская лексема *olen* в части идиолектов не сочетается с глаголами, описывающими звуки неодушевленных предметов:

- (9) *amasa*   *izi-n*   /   *olen *jočârg-a*.
 дверь   маленький-ADV   тихо   скрипеть-NPST.3SG
 'Дверь тихо скрипит.'

- (10) *täpnäk-äštä izi-n / ?olen*
сумка-IN маленький-ADV тихо

oksa-vlä t'ongärt-alt-äl-ät.

деньги-PL звенеть-MED-ITER-NPST.3PL

‘В мешочке тихо звякают монеты.’

С глаголами, описывающими неречевые звуки человека (как ‘плакать’, ‘смеяться’), лексема *olen* в целом приемлема, но некоторые носители языка сомневаются в таком употреблении (11). В речевых контекстах эта лексема используется свободно (ср. (4) выше).

- (11) *ädäräs izi-n / ?olen mägär-ä.*
девочка маленький-ADV тихо плакать-NPST.3SG
‘Девочка тихо плачет.’

Противопоставление звуков различных типов (в частности, речевых и неречевых звуков, издаваемых человеком, а также звуков неодушевленных предметов) обсуждалось в литературе в связи с употреблением собственно глаголов звука, ср., например, [Рахилина и др. 2015] о типологии метафорических расширений глаголов, исходно обозначающих звуки животных. В данном случае это противопоставление значимо (по крайней мере в части идиолектов) для адвербиалов, характеризующих эти звуки, что представляет сюжет для дальнейших типологических исследований.

3.2. Тихий звук и отсутствие звука

В горномарийском языке лексически противопоставлены контексты низкой громкости звука и контексты отсутствия звука. За последними закреплены лексема *târ* ‘тихий, тихо’ и ее дериват *târân* ‘тихо’, см. *târ vadâ* ‘тихий вечер’, *târân šänzä!* ‘Тихо сиди!’, *jälâštâ târ* ‘На Волге штиль’. Эти лексемы не могут использоваться в сочетании с глаголами звучания (12) или для описания ситуаций, предполагающих малую, но не нулевую интенсивность (13), ср. приведенный выше пример о штиле.

- (12) *amasa izi-n / *târ-ân jočârg-a.*
дверь маленький-ADV тихий-ADV скрипеть-NPST.3SG
‘Дверь тихо скрипит.’

- (13) *sotâgečä-n izi / izi-n / olen /*
день-GEN маленький маленький-ADV тихо
*târ / *târ-ân mardež äfâl-en.
тихий тихий-ADV ветер дуть-PRET
‘Днем дул слабый ветер, никто не ожидал, что будет гроза.’

Тем самым, в данном случае контексты низкой интенсивности противопоставлены контекстам «нулевой» интенсивности. Эти данные интересны для типологии семантических каритивов (т. е. лексем, обозначающих отсутствие чего-либо), см. о них, в частности, [Толстая 2008: 50–98].

3.3. Тихое поведение человека

И в горномарийском, и в татышлинском удмуртском имеются специальные лексемы, описывающие узкий класс ситуаций, в первую очередь ситуацию тихого поведения человека (типа русского *Сидите тихо!*, предполагающего отсутствие различных действий, которые могли бы произвести шум). В горномарийском языке лексема *jāvāšt/jāvāštān* используется в контекстах тихого поведения (*nu-ka jāvāšt lidä!* ‘Ну-ка прекратите шуметь, букв.: будьте тихими!’) и тихой речи (*jāvāšt popā* ‘Тихо говори’). Лексема *šāp* применима к тихому поведению (*šāp šānzädä* ‘Сидите тихо’) и тихой обстановке (*tinä piš šāp* ‘На улице очень тихо’, *mardež šāp li* ‘Ветер стих’). В татышлинском удмуртском зафиксирована лексема *šāpāt/šāpārt*, также относящаяся к тихому поведению (*šāpārt ruke* ‘Он сидит тихо’) либо к тихой обстановке (*komnatajān šāpārt* ‘В комнате тихо’).

4. Громкость и интенсификация: ареальная черта?

В данном разделе мы рассмотрим аргументы за и против того, чтобы связывать модель обозначения высокой громкости более общим интенсификатором с ареальным взаимодействием языков. Под интенсификаторами мы понимаем единицы, описывающие высокую степень проявления каких-либо признаков. Мы обсудим распространение такой модели в Волго-Камском ареале (раздел 4.1), иные модели обозначения громких звуков в уральских языках (раздел 4.2), а также распространение модели с интенсификатором за пределами Волго-Камского ареала — как в уральских языках, так и в более широкой перспективе (раздел 4.3).

4.1. Семантика громкости как частный случай интенсификации: Волго-Камский ареал

Употребление интенсификатора с широкой сочетаемостью для указания на громкий звук фиксируется в ряде языков Волго-Камского ареала. Так, в литературном удмуртском языке используется лексема *зол*, см. *туж зол кеськыны* ‘очень громко крикнуть’, и следующие примеры интенсификационных контекстов:

зол аядми ‘сильный человек’, туж зол жадыны ‘сильно устать’, зол керттыны ‘туго завязать’, зол ужало ‘усердно работают’ [Удмуртско-русский словарь].

В еще одном уральском языке этого ареала — мокшанском — лексема *viškə* указывает на высокую громкость (*viškə rakama* ‘громкий смех’), а также встречается в некоторых контекстах интенсификации (*viškə nıməl* ‘быстрый заяц’, *viškə l'ej* ‘бурная река’, *viškə varma, lov, piž'ət* ‘сильный ветер, снег, дождь’, *viškə urta* ‘интенсивно развивающаяся болезнь’), см. подробнее [Кашкин и др. 2018: 811–812].

В татарском языке имеются лексемы *каты* и *көчле* (см. примеры в [Татарско-русский словарь 2007: 547, 638]), используемые в звуковых контекстах (*бик каты тавыш* ‘очень громкий голос’, *тавышы көчле яңгырый* ‘голос звучит громко’). Помимо этого, лексема *каты* передает значения ‘твердый’, ‘тугой’ (*каты алма* ‘твердое яблоко’, *каты пружина* ‘тугая пружина’) и указывает на высокую интенсивность различных признаков (*каты салкын* ‘сильный мороз’, *каты агым* ‘сильное течение’, *каты сугышлар* ‘упорные бои’, *каты авыру* ‘тяжелая болезнь’). В контекстах интенсификации используется и лексема *көчле*, см. *көчле куллар* ‘сильные руки’, *көчле шәхес* ‘сильная личность’, *көчле салкын* ‘крепкий мороз’, *көчле яктылык* ‘сильный (резкий) свет’, *көчле революция дулкыны* ‘бурная революционная волна’. Когнат татарского *каты* — лексема *хытă* — используется в чувашском языке и имеет, если судить по словарным данным, схожий набор употреблений, см. *хытă сасăна калаç* ‘говорить громким голосом’, *хытă çăкăр* ‘черствый, твердый хлеб’, *хытă пружина* ‘тугая пружина’, *çил хытă вĕрет* ‘дует сильный ветер’, *хытă çисе тултартăм* ‘я здорово наелся’, *хытă чуп* ‘быстро бежать’ [Чувашско-русский словарь 1985: 569].

4.2. Уральские языки других ареалов: семантика громкости и морфологическая деривация

В уральских языках других ареалов обнаруживается ряд примеров, когда семантика высокой громкости выражается дериватами существительного, означающего ‘звук’, ‘шум’, ‘голос’. В венгерском языке это единицы *hangos* ‘громкий’ и *hangosan* ‘громко’, ср. *hang* ‘звук, голос’ [Венгерско-русский словарь 1987: 286]. В коми языке это лексемы *гора* ‘громкий, громко’ и *гораа* ‘громко’, ср. *гор* ‘звук, голос’ [Словарь диалектов коми языка 2012: 337–338]. В хан-

тыйском (казымский диалект) единицы *sijəŋ* ‘громкий’ и *sijəŋa* ‘громко’ образованы от существительного *sij* ‘звук, шум’ [Соловар 2020: 506].

На первый взгляд, тем самым, стратегия с обозначением громкости более общим интенсификатором концентрируется в языках Волго-Камского ареала. Однако из такой закономерности обнаруживаются и исключения, которые мы обсудим далее.

4.3. Громкость и интенсификация за пределами Волго-Камского ареала

Внутри уральской семьи модель употребления одной и той же единицы в контекстах громкости и в других интенсификационных контекстах зафиксирована, в частности, в финском и эстонском (прибалтийско-финских) языках. В финском языке такую модель развивает прилагательное *kova* ‘твердый’ и производное наречие *kovaa*, см. *kova maaperä* ‘твердый грунт’, *kova sydän* ‘жестокое сердце’, *kova kuumuus* ‘сильная жара’, *kova kiru* ‘сильная боль’, *kova ääni* ‘громкий голос’, *laulaa kovaa* ‘громко петь’ [Финско-русский словарь 1977: 267–268]. Для эстонского языка в [EVS] отмечено аналогичное развитие прилагательного *kõva* ‘твердый’ и производного наречия *kõva(sti)*.

Примеры рассматриваемого типа зафиксированы и в некоторых самодийских языках. В ненецком такие свойства проявляет прилагательное *с̄та* и производное наречие *с̄тавна*, см. *с̄та ненэць* ‘сильный человек’, *с̄та мерця* ‘сильный ветер’, *с̄та тэцьда* ‘лютый мороз’, *с̄та му* ‘резкий, громкий звук’, *с̄тавна тоярць* ‘громко стучать, барабанить’ [Терещенко 1965: 537]. В энецком засвидетельствовано обозначение громкости лексемой *агаан*, описывающей и другие интенсивно проявляемые признаки, ср. *бу агаан налэуа* ‘Он сильно покраснел’, *бу агаан дядуда энчи* ‘Он слишком медлительный человек’, *агаан nera дерцр* ‘Не разговаривайте громко’ [Сорокина, Болина 2009: 43].

Более широкие типологические данные доступны в базе данных [CLICS]. Как следует из этой базы, значение ‘loud’ (‘громкий’) выражается той же лексемой, что и значение ‘mighty’/‘powerful’/‘strong’ (‘могущественный’/‘мощный’/‘сильный’) в 17 языках из включенных в выборку проекта. Распространены и объединения значения ‘громкий’ со значениями ‘big’ (‘большой’), ‘hard’ (‘твердый’) — в 14 языках для каждого случая. Во всех этих случаях высокая громкость обозначается лексемами, склонными развиваться и различные интенсификационные значения.

Тем самым, модель обозначения громкости интенсификатором с широкой сферой употребления воспроизводится в языках Волго-Камского ареала, и нельзя исключать, что в этом ареале она поддерживается языковыми контактами. В то же время, похожая модель зафиксирована и в некоторых других уральских языках и не уникальна типологически. Поэтому ее не следует сводить только к контактному влиянию, но и полностью исключить роль ареального фактора в ее поддержании также невозможно (ср. теоретическое обсуждение в [Thomason 2001: 91] о том, что развитие какой-либо языковой модели обусловлено совокупностью внутренних и внешних факторов).

5. Заключение

В статье были рассмотрены способы выражения значений ‘громкий’/‘громко’ и ‘тихий’/‘тихо’ в горномарийском языке (на материале восточных говоров) и в удмуртском языке (на материале татышлинского говора). Базовыми средствами выражения высокой громкости в исследованных идиомах являются интенсификаторы с широкой сочетаемостью. В контекстах низкой громкости наблюдается как параллельная модель (в горномарийском), так и использование лексем, которые могут описывать низкую громкость либо низкую скорость.

Помимо этого, имеются специализированные лексемы, описывающие полное отсутствие звука в противовес тихому звуку (в горномарийском), и лексемы, характеризующие тихое поведение человека наряду с узким классом других контекстов (в обоих исследованных идиомах). В горномарийском языке в некоторых идиолектах противопоставлены речевые и неречевые ситуации в контекстах тихого звука.

Модель обозначения высокой громкости интенсификатором с широкой сочетаемостью имеет параллели в языках Волго-Камского ареала, в то время как в ряде уральских языков других ареалов используются другие модели. В то же время, модель с интенсификатором фиксируется в других ареалах (и в части уральских языков, и в языках других семей), поэтому ее развитие не следует однозначно сводить к контактному влиянию.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; CVB — деепричастие; GEN — генитив; ILL — илла-

тив; ILL2 — второй (непродуктивный) иллатив; IN — инессив; INF — инфинитив; IMP — императив; ITER — итератив; LOC — локатив; MED — медиопассив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; PROP — проприетив; PRS — настоящее время.

Литература

- Байдуллина, ms — Байдуллина А.Т. Словарь татышлинского говора удмуртского языка. Неопубликованная рукопись.
- Венгерско-русский словарь 1987 — Венгерско-русский словарь / под общ. ред. Л. Гальди. М., Будапешт: Русский язык, Издательство Академии наук Венгрии, 1987.
- Кашкин и др. 2018 — Кашкин Е.В., Багрянская У.Ю., Бибаева М.А., Бикина Д.А., Бобрёноква А.А., Егорова А.Д., Закирова А.Н., Козлов А.А., Муравьёва А.М., Никифорова С.О., Новикова Е.С., Привизенцева М.Ю., Сидорова М.А., Шалганова Т.А. Признаковая лексика / Толдова С.Ю., Холодилова М.А. (отв. ред.), Татевосов С.Г., Кашкин Е.В., Козлов А.А., Козлов Л.С., Кухто А.В., Привизенцева М.Ю., Стенин И.А. (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 806–835.
- Словарь диалектов коми языка 2012 — Словарь диалектов коми языка. Т. 1 (А–О) / Безносикова Л.М. (отв. ред.). Сыктывкар: Кола, 2012.
- Проспект активного словаря 2010 — Проспект активного словаря русского языка / Апресян Ю.Д. (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 2010.
- Рахилина и др. 2015 — Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Орехов Б.В. И хрюкотали зелюки: предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике / Рахилина Е.В. (сост.), Резникова Т.И., Выренкова А.С., Орехов Б.В., Рыжова Д.А. (ред.). Глаголы звуков животных: типология метафор. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 9–33.
- Максимова, Сапожникова 2013 — Максимова А.О., Сапожникова М.А. Семантические поля «тихий», «громкий» в мокшанском языке. Экспедиционный отчет. Рукопись. М., 2013.
- Рожанский 2002 — Рожанский Ф.И. Редупликация в марийском языке / Кибрик А.Е. (ред.), Агранат Т.Б., Казакевич О.А. (ред.-сост.) Лингвистический беспредел. Сб. статей к 70-летию А.И. Кузнецовой. М.: Издательство МГУ, 2002. С. 75–94.
- Саваткова 2008 — Саваткова А.А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008.
- Соловар 2020 — Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020.
- Сорокина, Болина 2009 — Сорокина И.П., Болина Д.С. Энецкий словарь: с кратким грамматическим очерком. СПб: Наука, 2009.
- Татарско-русский словарь 2007 — Татарско-русский словарь. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007.

- Терещенко 1965 — Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Толстая 2008 — Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
- Удмуртско-русский словарь — Удмуртско-русский словарь. Электронный ресурс: <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary>. Дата обращения: 15.07.2021.
- Федотов 1990 — Федотов М.Р. Чувашскомарийские языковые взаимосвязи. Саранск: Издательство Саратовского университета (Саранский филиал), 1990.
- Федотов 1996 — Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1. А–Р. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
- Финско-русский словарь 1977 — Финско-русский словарь / Вахрос И., Щербаков А. (сост.). М.: Русский язык, 1977.
- Чувашско-русский словарь 1985 — Чувашско-русский словарь / Скворцов М.И. (ред.). М.: Русский язык, 1985.
- Яворська 2013 — Яворська Г.М. Українські прикметники на позначення сили звуку. Доклад, представлений на конференції «Лінгвістична типологія: методи й напрями досліджень», Каменец-Подольський, 5–7 апреля 2013 г.
- Baidoullina 2003 — Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu ülikool, 2003.
- CLICS — Database of Cross-Linguistic Colexifications. Online resource: <https://clics.clld.org/> Accessed on 15.07.2021.
- EVS — Eesti-vene sõnaraamat [Estonian-Russian dictionary]. Online resource: <https://eki.ee/dict/evs/>. Accessed on 15.07.2021.
- Rakhilina, Reznikova 2016 — Rakhilina E., Reznikova T. A frame-based methodology for lexical typology. The lexical typology of semantic shifts. Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2016. Pp. 95–129.
- Thomason 2001 — Thomason S. Language contact. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
- Wichmann 1987 — Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / Uotila T.E., Korhonen M. (bearb.). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987.

Атрибутив как лицензор предикативной структуры в хваршинской именной группе*

Екатерина Анатольевна Лютикова

МГУ имени М. В. Ломоносова / Гос. ИРЯ имени А. С. Пушкина
lyutikova2008@gmail.com

В статье обсуждается функциональная полисемия атрибутивного показателя в хваршинском языке. Выделяется три основных класса употреблений атрибутива: маркирование наречных и послеложных составляющих в приименной позиции, образование контрастивных приименных модификаторов и маркирование контрастивного фокуса на именной вершине. Предлагается единый анализ хваршинского атрибутива, опирающийся на предположение, что атрибутивная морфема является экспонентом функциональной вершины, образующей редуцированный релятивный оборот, в котором комплемент атрибутива выступает именным предикатом.

Ключевые слова: атрибутивизация, именная группа, контрастивность, редуцированный релятивный оборот, хваршинский язык.

Attributivizer as a licensor of predication in Khwarshi noun phrase

Ekaterina Lyutikova

Lomonosov Moscow State University / Pushkin State Russian Language Institute
lyutikova2008@gmail.com

The paper discusses the functional polysemy of the attributive affix in Khwarshi. Three major functions of the attributivizer can

---

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

be distinguished: marking adverbial and postpositional phrases in adnominal position, deriving contrastive adnominal modifiers and signalling contrastive focus on the nominal head. I argue for the uniform analysis of Khwarshi attributivizer based on the assumption that the attributive morpheme instantiates the functional head *Pred* projecting the reduced relative clause with the complement of the attributivizer as a non-verbal predicate.

Keywords: attributivization, noun phrase, contrastiveness, reduced relative clause, Khwarshi.

1. Атрибутив в системе приименных зависимых

Атрибутивные приименные модификаторы представлены в различных языковых группах внутри нахско-дагестанской языковой семьи. Так, О.Ю. Богуславская [1989] описывает использование особой морфологии для создания приименных зависимых в ряде лезгинских, цезских и андийских языков. При этом отмечается существенная вариативность между языками в отношении типов основ, к которым присоединяется морфема-атрибутивизатор. В цахурском и ругульском языках атрибутив оформляет все виды приименных зависимых, включая адъективы, указательные местоимения, числительные и причастия; более того, присоединяясь к косвенной основе существительного, атрибутив образует аналог генитивной конструкции. Напротив, в ахвахском языке дистрибуция атрибута ограничена косвеннопадежными формами существительного. В чамалинском и хваршинском (инхокваринский идиом) в орбиту атрибутивизации вовлекаются причастные формы: в чамалинском атрибутивная морфология идентична причастной, в инхокваринском хваршинском атрибутивная морфология используется как показатель причастия настоящего времени, образованного от конверба настоящего времени, и как показатель косвенного генитива.

В этой статье я остановлюсь на функционировании атрибутивной морфемы в хонохском идиоме хваршинского языка (далее — хваршинский язык), существенно отличающемся от инхокваринского в отношении исследуемой проблематики. Я предполагаю показать, что разнородные употребления, характерные для хваршинского атрибута, могут получать объяснение в рамках единого анализа хваршинского атрибута как лицензора предикативной структуры в приименном контексте.

Хваршинский язык представляет собой пример языка, в котором атрибутивная морфология, будучи регулярным средством создания приименных модификаторов из наречий, косвеннопадежных форм и послеложных групп, тем не менее охватывает не все виды приименных зависимых. Так, атрибутивные зависимые последовательно противопоставлены генитивным. Генитивы образуются от косвенной основы и обладают собственной морфологией, не совпадающей с атрибутивной (1a). Напротив, атрибутивная морфема присоединяется к наречиям (1b), послелогам (1c) и косвеннопадежным формам существительных (1d), где, в свою очередь, генитивная морфология неграмматична.

- (1) a. *obu-t'e-s* / **obu-t'e-sa* / *obu-sa sajro
отец-OBL-GEN1   отец-OBL-A   отец-A   лошадь
'лошадь отца'
- b. [_{ADVP} *ĩgo*]-*sa* / * [_{ADVP} *ĩgo*]-s *dibir*
там-A   там-GEN1   мулла
'тамошний мулла'
- c. [_{PP} *di-lo*   *žoho*]-*sa* / * [_{PP} *di-lo*   *žoho*]-s *kad*
я.OBL-GEN2   за-A   я.OBL-GEN2   за-GEN1   девочка
'девочка за мной'
- d. [_{PP} *ĩdu-mada-ha*]-*sa* / * [_{PP} *ĩdu-mada-ha*]-s *řadlu*
дома-двор-AD-A   дома-двор-AD-GEN   порядок
'порядок в хозяйстве (= дома-во дворе порядок)'

Кроме того, атрибутив используется для деривации причастий от некоторых конвербов: причастия будущего времени от футурального конверба на *-la* и презентного причастия от имперфективного конверба на *-ho/-he/-ha*; последний диахронически представляет собой форму адэссива.

- (2) a. *q'aj-a*   *c'alid-a*   *l-iq'a-la-sa*   *hadam*
писать-INF   читать-INF   IV-знать-FUT-A   люди
'грамотные (умеющие писать и читать) люди'
- cf. *l-iq'a-la*   *goŕe*
IV-знать-FUT   AUX.PRS
'узнаёт'
- b. *mařina-ba*   *n-iře-he-sa*   *huni*
машина-PL   NHPL-идти-CONV.IPF-A   дорога
'дорога, где проходили машины'

cf. *n-iχe-he* *gote*
 NHPL-идти-CNV.IPF AUX.PRS
 ‘идут’

Хваршинский атрибутив поддерживает регулярное противопоставление по категории косвенности, характерное для всех компонентов именной группы. Для прямой формы используется морфема *-sa* [A], для косвенной формы *-jžo* [AOBL]. Согласование атрибутива по косвенности обязательно во всех контекстах, кроме случаев его использования как деривационного показателя причастий (3a–b).

(3) a. *hed isi il-lo-ho-jžo / *il-lo-ho-sa žik^{mw}á*,
 тогда этот(1).OBL мы-GEN2-AD-AOBL мы-GEN2-AD-A мужчина.ERG

ał'ilzi-lo žik^{mw}á iła-na...
 Хварши-GEN2 мужчина.ERG сказать-CNV.PF

‘Тогда хваршинец, мужчина с нашего села, и говорит...’
 (Мне толокно, б)

b. *halt'uqan-i dibir-lo aq-va-žu m-ak'a-la-sa*
 слуга-ERG мулла-GEN2 дом-DIR-ABL III-идти-FUT-A

huni-ł'o qoq-ł'o ł'ala-jža gojta t'ero-s
 дорога-SUP пропасть-SUP наверху-TRNS быть.PST.PART мост-GEN1

ĩgo-idi-sa šulija-r-t'a q'ot-eba χeχitana leχ-na...
 там-сям-A крепкий-NHPL-PL доска-PL быстро вынимать-CNV.PF
 ‘Слуга быстро вынул там-сям (расположенные) крепкие доски моста, проложенного над пропастью на дороге, идущей от дома муллы...’ (Муллы и знахарь, 31)

2. Три функции хваршинского атрибутива

Основной функцией хваршинского атрибутива является оформление приименной репрезентации наречий, форм семантических падежей и послеложных групп. Такого рода употребления представляются центральными для категории и встречается во всех языках с атрибутивами.

Помимо этого, хваршинский атрибутив используется еще в двух функциях. Во-первых, это образование «рестриктивных» [Богуславская 1989], или «контрастивных» [Майсак 2018] форм неатрибутивных модификаторов, таких как прилагательные, причастия или генитивные зависимые. Использование атрибутива

как контрастивного маркера также не уникально и встречается в некоторых языках с атрибутивами, хотя и не во всех из них. Во-вторых, для хваршинского атрибутива отмечается «фокусная» [Тестелец 2019] функция: при присоединении к прямой или косвенной основе существительного атрибутив выступает как фокусный маркер. Подобные употребления, по-видимому, не засвидетельствованы в других дагестанских языках (см., однако, [Майсак 2018, Maisak 2019] о единичных примерах использования «контрастивных» маркеров рутульского и андийского языков с именными вершинами). Далее в этом разделе мы представим краткий обзор перечисленных функций хваршинского атрибутива.

В [Лютикова 2020] для хваршинского языка описываются ограничения на модификацию имен наречиями, косвеннопадежными формами существительных (кроме генитива) и послеложными группами. Соответственно, атрибутивизация представляет собой способ включения составляющих указанных категорий в приемный контекст, ср. (4).

(4) а. *ĩgo-*(sa) dibir*

там-(А) мулла
'тамошний мулла'

б. *heč'č'e-žoħo-*(sa) murad*

самый-сзади-(А) желание
'последнее желание'

в. *di-λ'o advol-*(sa) uža*

я.ОВЛ-SUP перед-(А) мальчик
'мальчик передо мной'

г. *ħuħ-ma-*(sa) λ'er*

лицо-IN-(А) цвет
'(хороший) цвет лица'

д. *leλ'e-sa os-posu*

в.руке-А деньги-имущество
'имеющиеся деньги и имущество'

Характерно, что косвеннопадежные формы, доступные в приемном контексте при атрибутивизации, ограничены семантически: указанная деривация возможна только для косвеннопадежных форм, интерпретируемых вне глагольного контекста —

не-аргументных локативов, адьюнктных (например, темпоральных) эргативов, бенефактивных дативов и т.п. В частности, приименной атрибутивизированный датив может интерпретироваться только как бенефактивный, но не экспериенциальный (5a–b). Аналогично, посессив в таком контексте имеет локативное значение, но не значение ненамеренного агенса или каузируемого (6a–b). Подобные ограничения отмечаются и в [Богуславская 1989] для других дагестанских языков с атрибутивом.

(5) a. <i>baɣaraj-i-l-sa kunta</i> невеста-OBL-DAT-A платье 'платье для невесты'	b. * <i>iša-t'e-l-(sa) pikru</i> мать-OBL-DAT-(A) мысль ожид.: 'мысль матери'
(6) a. <i>iša-t'-qo-sa ɣabar</i> мать-OBL-POSS-A речь 'слова, (обращенные) к матери'	b. * <i>iša-t'-qo-(sa) ħalt'i</i> мать-OBL-POSS-(A) работа ожид.: 'работа, которую мать заставили сделать'

Присоединяясь к неатрибутивным приименным зависимым — прилагательным, генитивам, причастиям (кроме причастий будущего и настоящего времени), порядковым числительным и указательным местоимениям — атрибутив имеет другую функцию: он создает контрастивный модификатор (7). Контрастивный модификатор мыслится как выделяющий некоторый класс объектов из более широкого класса благодаря контрасту по данной таксономической категории (красный, а не другого цвета; принадлежащий отцу, а не кому-то другому, и т.п.). Техника контрастивной атрибутивизации часто обслуживает бинарные оппозиции: старший/младший, правый/левый, матери/отца, и т.п.

- (7) *ut't'e-j vamasu / ut't'e-j-sa vamasu*
красный-V сундук(V) красный-V-A сундук(V)
'красный сундук' / 'КРАСНЫЙ (а не другого цвета) сундук'
- (8) a. {Там на крыше два сундука есть: один красный, один белый.}
j-as-na kand-i ut't'e-j-sa vamasu-n,
V-брать-CNV.PF девушка.ERG красный-V-A сундук-ADD
j-āk'a-na ĩdu-vol.
II-идти-CNV.PF в.доме-DIR
'Взяла девушка КРАСНЫЙ сундук и пошла домой'.
(Падчерица:17)

- b. {Вскоре отец умер, остались вдвоем братья.}

hadaquł iła-na ak'e-jžo es-ti
 однажды сказать-CNV.PF младший-AOBL брат-ERG

uq'u-jžo-qo-l...

I.старший-AOBL-POSS-LAT

‘Однажды сказал младший брат старшему...’ (Сыновья кузнеца:12)

С точки зрения иерархии модификаторов в отношении возможности образования контрастивных форм [Богуславская 1989] хваршинский язык занимает промежуточное положение: контрастивные формы образуются не только от прилагательных и причастий, как в чамалинском, но и от генитивных зависимых. Однако, в отличие от ахвахских, хваршинские атрибутивизированные модификаторы не могут выступать основой для образования контрастивных форм. Очевидно, такой запрет связан с совпадением атрибутивизатора и маркера контрастивности.

Наконец, обратимся к использованию атрибутива как фокусного показателя (примеры (9a–c)). «Фокусный» атрибутив располагается на именной вершине и согласуется с ней по косвенности: для фокусирования абсолютивов используется прямой атрибутив, для фокусирования косвеннопадежных именных групп — косвенный. При этом, как отмечает Я.Г. Тестелец, «...если выделяемая ИГ в косвенном падеже, *-йжо* помещается **перед** падежным окончанием, но **после** маркера косвенной основы» [Тестелец 2019].

- (9) a. *pat'imat-i uža-sa gojł'a.*

Патимат-ERG мальчик.ABS-A звать.AOR

‘Патимат позвала мальчика.’

- b. *pat'imat-i-jžo / es-t'e-jžo uža gojł'a.*

Патимат-OBL-AOBL сестра-OBL-AOBL мальчик звать.AOR

‘ПАТИМАТ / СЕСТРА позвала мальчика.’

- c. *es-ne-za-jžo-ł'o da razi gobč'i.*

брат-PL-OBL.PL-AOBL-SUP я доволен COP.NEG

‘БРАТЬЯМИ я недоволен.’

Я.Г. Тестелец [2019] считает «фокусный» атрибутив показателем контрастивного фокуса; действительно, контрастивность можно считать общим свойством контрастивных модификаторов

(10a) и «фокусных» атрибутивов (10b) — как показывают примеры, эти два класса употреблений скорее различаются сферой действия контрастивного оператора.

(10) a. *obu-t'-lo-jžo sajro-λ'o*
отец-OBL-GEN2-AOBL лошадь-SUP
'на лошади ОТЦА'

b. *obu-t'e-jžo-lo sajro-λ'o*
отец-OBL-AOBL-GEN2 лошадь-SUP
'на лошади ОТЦА'

Однако, на мой взгляд, «фокусный» атрибутив сам по себе не создает фокусной семантической структуры, хотя и совместим с фокусной интерпретацией. В пользу этой гипотезы говорит целый ряд свойств «фокусного» атрибутива: его совместимость с позицией контрастного топика (11), возможность комбинации «фокусного» атрибутива с другими фокусными показателями, а также множественных «фокусных» атрибутивов в пределах клаузы (12). Кроме того, предварительные результаты исследований показывают слабую чувствительность «фокусного» атрибутива к островным ограничениям, в то время как для истинных фокусных составляющих ограничения на передвижение критичны.

(11) *sajro t'ero-λ'o-l b-aqeł-na, ħalt'uqan-sa*
лошадь мост-SUP-LAT III-падать-CNV.PF слуга-A
qoq-ma-vol et^va-χ-na.
пропасть-IN-DIR I.лететь-CAUS-CNV.PF
'Лошадь на мост упала, а СЛУГУ в пропасть сбросила.'
(Мулла и знахарь:36)

(12) *obu-t'-i uža-jžo-l-ebč'a vaj-(sa) b-uj-ja.*
отец-OBL-ERG сын-AOBL-DAT-FOC дом-(A) III-делать-AOR
'Отец построил (именно) дом СЫНУ.'

3. Анализ

Я предлагаю единый анализ атрибутивной морфемы как экспонента функциональной вершины, вводящей предикативную структуру с субъектом-оператором и предикатом-комплементом: [_{PredP} Op [[XP] Pred]].

Набор фразовых категорий, допустимых в позиции предиката, и интерпретация многозначных падежных форм совпадает с на-

бором неглагольных сказуемых в предложениях со связкой. К ним относятся наречия, косвеннопадежные именные группы, послеложные группы, прилагательные, существительные в генитиве и существительные в абсолютиве (13).

- (13) a. *židu miqe b-eča-na.*
они далеко HPL-быть-CNV.PF
'Они были далеко.'
- b. *ži eča-ha eča-na ĭdu.*
он I.быть-CNV.PRS I.быть-CNV.PF в.доме
'Он сидел дома.' (Зольный, 6)
- c. *lať daru-za-lo baχ-za-ži goťe.*
масло лекарство-OBL.PL-GEN2 трава-OBL.PL-ABL COP.PRS
'Масло — из лекарственных трав.'
- d. *ži c'aq c'odora-w eča-na.*
он очень умный-I I.быть-CNV.PF
'Он был очень умён.'
- e. *b-aqo:χ-χa beľa betaqan-e-s b-ěča.*
III-ловить-CAUS-PST.PART дичь охотник-OBL-GEN1 III-быть <GNT>
'Пойманная дичь охотнику принадлежит.' (Ворон Моллы Насреддина, 17)
- f. *q^wana λibo-s j-eča-na da.*
два год-GEN1 II-быть-CNV.PF я
'Двухлетняя была я.' (Про маму, 17)
- g. *idu l-eča-na Qartaj-i-s huni.*
это IV-быть-CNV.PF Карт-OBL-GEN1 дорога
'Это была дорога Карт.' (Сыновья кузнеца, 20)

Для категорий, неспособных выступать в приименном контексте самостоятельно (наречия, послелогии и локативные падежные формы), PredP выступает в качестве оболочки, образующей модификатор (ModP, [Rubin 2002]). Категории же, допустимые в приименном контексте без атрибутивизации (прилагательные, причастия, генитивные зависимые), образуют две конструкции — с PredP и без нее (ср. (14)). Эффект контрастивности для более сложной конструкции (14b) возникает, возможно, вследствие нарушения максимы ясности («будь краток», [Grice 1975]).

- (14) a. [_{NP} [AdjP] NP]
 b. [_{NP} [_{PredP} Op [[AdjP] Pred]] NP]

Из сопоставления репрезентаций (14a–b) следует, что интерпретация атрибутивного модификатора должна быть ограничена тем набором интерпретаций, которые допустимы для данной XP в предикативной позиции и совместимы с достаточно высокой позицией модификатора в именной группе. Эти ожидания подтверждаются: так, например, генитив качества и количественный генитив, в отличие от других видов генитива, по-видимому, не допускают атрибутивной репрезентации (15).

- (15) a. *bercintî-s-(*sa)*   *kad*
 красота-GEN1-(A)   девочка
 ‘девушка (большой) красоты’ [Гращенков 2019]
- b. *têna kila*   *laŭ-o-s-(*sa)*
 пять килограмм   масло-OBL-GEN1-(A)
 ‘пять килограммов масла’
- c. *di-lo*   *es-t'e-s(sa)*   *kad*
 я.OBL-GEN2   брат-OBL-GEN1-(A)   девочка
 ‘дочь моего брата’

Наконец, если комплементом атрибутивной морфемы выступает беспадежная именная группа, возникает предикативная структура с идентифицирующей семантикой [_{PredP} Op [[NP] Pred]] [den Dikken 2006] — ‘тот, который является NP’; в отсутствие внешней именной вершины эта структура представляет собой безвершинный релятивный оборот, который, располагаясь в косвеннопадежном контексте, принимает соответствующие падежные показатели. Таким образом, и выбор формы атрибутива в зависимости от падежа именной группы, к которой он присоединяется, и расположение атрибутивной морфемы после показателя косвенной основы, но перед падежным показателем полностью предсказывается регулярными правилами хваршинского морфосинтаксиса — согласования по косвенности и выражения падежа на модификаторе в отсутствие выраженной именной вершины.

Материал других дагестанских языков с атрибутивами и/или контрастивными модификаторами поддерживает предложенный анализ. Во-первых, источниками атрибутивных морфем часто выступают усеченные формы или показатели причастий (например, в чамалинском используются морфемы *-Lab*, *-iš*, *k'ab*, совпадающие

с показателями футурального и презентных причастий, ср. (16) из работы О.Ю. Богуславской [1989]); в языках без атрибутивов или с ограниченной дистрибуцией атрибутивов их функции выполняют причастные клаузы со связкой, ср. пример (17) из багвалинского языка.

- (16) *ilu-d iXi-l-a-Lab ĩ diX.*
 мать-EGR овца.PL-OBL-DAT-PART.FUT вода приносить
 ‘Мать ту-что-для-овец воду принесла.’
 [Богуславская 1989: 175]

- (17) *reheri o-w w-eti baHara-šũ-b awal-a-ba eseba,*
 вечером этот-М М-идти жених-OBL.M-GEN.M дом-OBL-AFF рядом
o-šũ-la huns'-u-L'i ek'w-a-r Rež-i-L'i
 этот-OBL.M-LOC дверь-OBL-SUB COP.PART-NPL бревно-OBL.PL-SUB
w-aq'aš-a.
 М-прятаться-INF
 ‘Ночью он пошел поближе к дому жениха, чтобы спрятаться под бревнами, [бывшими] у него под дверью.’ [Кибрик (ред.) 2001, T5:13]

Во-вторых, причастия от связок и глаголов ‘быть’, ‘становиться’ отмечаются и как источники показателей контрастивных модификаторов. Например, Т.А. Майсак [2018, 2019] описывает использование в андийском языке контрастивных показателей *-vib* и *-k'ob*, представляющих собой усеченные формы причастий (*-vib < b-ivi-b* [N-становиться-PART]; *-k'ob < b-ik'o-b* [N-быть-PART]), см. (18). Характерно также, что, хотя для андийского языка появление контрастивного показателя между именной основой и показателем падежа не засвидетельствовано, имеются как примеры с расположением контрастивного показателя на абсолютиве в функции контрастивного топика (*mašenjka-vib* [Машенька-CONTR] ‘а Машенька...’, так и примеры с расположением контрастивного показателя перед показателем числа в той же функции (*kiKlwaǵal-ol-gyib-ул* [лентяй-PL-CONTR-PL] ‘а лентяи...’).

- (18) *hege-lu-w mič'i-vib-š-di imu-qi-łodi*
 этот-PL-GEN.M маленький = CONTR-OBL.M-ERG отец-APUD = REP
hit'on...
 говорить
 ‘Их младший снова сказал отцу...’ [Maisak 2019:13]

4. Выводы

В этой статье я предлагаю единый анализ для трех употреблений атрибутивной морфемы в хваршинском языке, опирающийся на предположение, что атрибутивная морфема является экспонентом предикативной структуры в именной группе — редуцированного относительного оборота, в котором комплемент атрибутива выступает предикатом.

В родственных языках регулярно отмечается деривационная связь атрибутивных показателей и показателей контрастивных модификаторов с редуцированными относительными клаузами с неглагольным сказуемым, что может служить косвенным подтверждением предложенного анализа. Тем не менее, следует подчеркнуть, что за «атрибутивность» и «контрастивность» могут отвечать разные формальные средства, как это происходит в ахвахском, где благодаря этому оказывается возможным присоединение контрастивной морфемы к атрибутивизированному модификатору. «Атрибутивная» и «контрастивная» морфемы имеют разные прототипы употреблений. Для «атрибутивной» функции характерно присоединение к наречным, косвеннопадежным и послеложным группам; для «контрастивной» функции — присоединение к группе прилагательного. При совпадении формальных средств выражения «контрастивности» и «атрибутивности» избегается использование соответствующей морфемы в контрастивной функции на атрибутивных модификаторах.

Спецификой хваршинского языка является использование «контрастивного» атрибутива в безвершинной относительной конструкции идентификации. Тем не менее очевидно, что подобный деривационный потенциал имеется и у других языков с контрастивными маркерами на основе причастных конструкций: как отмечает Т.А. Майсак, в отсутствие выраженной именной вершины в косвенных падежах «...комплекс “опорное слово + контрастивный показатель” принимает падежно-числовую морфологию, аналогичную морфологии прилагательных в позиции вершины» [Майсак 2018: 250].

Предложенный анализ — лишь первый шаг на пути объяснения связи между атрибутивами, показателями контрастивности и предикативностью. Многие вопросы еще предстоит решить. Одну из наиболее существенных проблем представляет собой интерпретация контрастивности: с каким типом значения — семантическим или прагматическим — мы имеем дело, и каким образом

это значение связано с предикативностью. Другая проблема — отсутствие конструкций, гипотетически лежащих в основе «фокусных» употреблений хваршинского атрибутива, с выраженной именной вершиной (напр., **eχun-sa žik^{ma}* [кузнец-А мужчина] ‘мужчина, который является кузнецом’, ‘кузнец-мужчина’). Следует подчеркнуть, что многие вопросы релевантны не только для хваршинского языка, но и для прочих нахско-дагестанских языков с другим распределением и другими источниками атрибутивных и контрастивных показателей. Данная проблематика представляется мне еще одной очевидной точкой приложения методик внутригенетической типологии [Kibrik 1998], сулящей новые открытия.

Список условных сокращений

I–VI — классы I–VI; A — атрибутив; ABL — аблатив; ABS — абсолютив; AD — адэссив; AFF — аффектив; AOBL — косвенный атрибутив; AOR — аорист; APUD — апудэссив; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; CNV — конверб; COP — связка; DAT — датив; DIR — директив; ERG — эргатив; FOC — фокус; FUT — футурум; GEN1 — прямой генитив; GEN2 — косвенный генитив; GNT — общее время; HPL — класс людей; IN — инэссив; INF — инфинитив; IPF — имперфектив; LAT — латив; M — мужской класс; NEG — отрицание; NHPL — класс вещей; OBL — косвенная основа; PART — причастие; PF — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — презенс; PST — прошедшее время; REP — репоратив; SUB — субэссив; SUP — суперэссив; TRNS — транслатив.

Литература

- Богуславская 1989 — Богуславская О.Ю. Структура именной группы: определятельнее конструкции в дагестанских языках. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ. 1989.
- Гращенков 2019 — Гращенков П.В. Хваршинская именная группа. Рукопись. Хонох, 2019.
- Кибрик (ред.) 2001 — Кибрик А.Е. (ред.). Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари. М., «Наследие». 2001.
- Лютикова 2020 — Лютикова Е.А. Еще раз о падежной морфологии дагестанских языков: свидетельства хваршинского атрибутива. Кс.П. Семёнова (ред.). Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020. М.: «Буки Веди». 2020. С. 112–121.
- Майсак 2018 — Майсак Т.А. Контрастивный показатель *-gɯib* (*-кIоб*) в андийском языке // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Материалы VI международной научной конференции памяти академика А.С. Чикобава (1898–1985). Махачкала: Алеф. 2018. С. 247–258.

- Тестелец Я.Г. 2019 — Тестелец Я.Г. Фокусные конструкции. Рукопись. Хонох, 2019.
- den Dikken, Marcel 2006 — den Dikken M. Relators and linkers: The syntax of predication, predicate inversion, and copulas. Cambridge, Mass: MIT Press. 2006.
- Grice 1975 — Grice P. Logic and conversation. Cole P., Morgan J. (eds.). Syntax and semantics. 3: Speech acts. New York: Academic Press. 1975. P. 41–58.
- Kibrik 1998 — Kibrik A.E. Does intragenetic typology make sense? // Winfried Boeder et al. (eds.) Sprache im Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert. Band 2. Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft. Gunter Narr Verlag. Tübingen. 1998. P. 61–68.
- Maisak 2019 — Maisak T. Contrastive/restrictive markers in Daghestanian: Towards intragenetic typology. 13th Conference of the Association for Linguistic Typology, Pavia, 4–6 September 2019.
- Rubin 2002 — Rubin E. The structure of modifiers. Manuscript. University of Utah. 2002.

2-в-1: две посессивные конструкции в одной парадигме севернохантыйских суффиксов*

Степан Кириллович Михайлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
stepanmihajlov@gmail.com

В настоящей статье выдвигается тезис, что в казымском севернохантыйском есть по крайней мере две посессивные конструкции, выражаемые одной и той же парадигмой суффиксов. Рассматриваемые аргументы включают допустимость эксплицитного выражения ИГ посессора, наличие требования уникальности референта посессивно-маркированной ИГ и доступность выражения контекстно-зависимых ассоциативных отношений (в противопоставление собственно посессивным отношениям, так или иначе связанным с идеей обладания и/или семантикой именной группы). Севернохантыйская система выделяется на типологическом фоне полной омонимией двух конструкций и контрастом по уникальности, однако мы предполагаем, что в родственных и соседствующих языках с частотным ассоциативно-посессивным маркированием представлены такие же системы.

Ключевые слова: примененная посессивная конструкция, севернохантыйский язык, неотчуждаемость, уникальность, дискурсивная посессивность, семантика.

---

* Автор выражает глубочайшую признательность своим севернохантыйским консультантам, а также С. Ю. Толдовой и А. А. Козлову за критические замечания к изложенным здесь идеям и чуткое руководство. Все недочёты настоящей статьи остаются на совести автора.

2-in-1: Two possessive constructions in one Northern Khanty paradigm of suffixes

Stepan Mikhailov

National Research University Higher School of Economics
stepanmihajlov@gmail.com

This paper argues that there are at least two adnominal possessive constructions in the Kazym dialect of Northern Khanty, both of which are exponed by the same set of suffixes. The arguments for this view include the (un)availability of explicit possessor mention, the presence of a uniqueness requirement, and the availability of context-dependent associative possessive interpretations as opposed to proper possessive ones, based in the notion of ownership and derived from the semantics of the given NP. The observed possessive system is typologically unusual, although we expect that similar systems can be shown to exist in neighboring and related languages with extended associative possessive marking.

Keywords: adnominal possessive construction, Northern Khanty, inalienability, uniqueness, extended possessives, semantics.

1. Введение

В семантике приименных посессивных конструкций можно различать по крайней мере два типа интерпретаций [Nikolaeva 1999: 82; Storto 2005; Karvovskaya 2018; и ссылки там же]. С одной стороны, есть прототипические **собственно посессивные** интерпретации, так или иначе связанные с идеей обладания и/или семантикой именной группы (ИГ) в составе этой конструкции: например, *мой отец* может обозначать человека, с которым говорящий связан соответствующими родственными отношениями. С другой стороны, этим конструкциям доступны сильно контекстно-зависимые **ассоциативные** интерпретации, которые не связаны напрямую ни с семантикой данной ИГ, ни с идеей обладания: например, в соответствующем контексте *моя собака* может значить ‘собака, которая на меня напала’.

В языках мира эти два типа отношений нередко выражаются разными конструкциями [Nichols 1988; Karvovskaya 2018]¹. Вслед за Леной Карвовской (2018) конструкции, выражающие отношения первого типа мы будем называть идиосинкратическими, а конструкции, которым доступны свободные интерпретации, — неидиосинкратическими.

С другой стороны, в приуральском диалекте севернохантыйского языка (<обско-угорские < финно-угорские), где нет формального противопоставления нескольких посессивных конструкций, ассоциативные интерпретации посессивной конструкции встречаются значительно чаще, чем в английском [Nikolaeva 1999: 82]: в трёх севернохантыйских текстах, проанализированных Ириной Николаевой, насчитывается 39% ассоциативных интерпретаций, тогда как в корпусном исследовании на материале английского языка насчитывается всего 16% ассоциативных интерпретаций [Taylor 1996: 346–347].

Настоящая работа рассматривает ассоциативные интерпретации посессивных суффиксов **казымского диалекта**² севернохантыйского языка и представляет ряд аргументов за то, чтобы считать, что ассоциативные интерпретации соответствуют отдельной неидиосинкратической конструкции, выражаемой той же парадигмой показателей, что и собственно посессивная идиосинкратическая конструкция.

В разделе 2 кратко представлена семантическая типология посессивных конструкций, основанная на понятии идиосинкратичности [Karvovskaya 2018]. Раздел 3 представляет источник и методологию сбора наших полевых данных, а также формальные аспекты севернохантыйской посессивной ИГ.

В разделе 4 рассматриваются аргументы за выделение по крайней мере двух посессивных конструкций в севернохантыйском языке. Первая конструкция допускает эксплицитное выражение ИГ посессора (§4.1), не требует уникальности референта данной ИГ (§4.2) и может обозначать исключительно отношения

---

¹ В частности, это противопоставление связано с обширной литературой по (не)отчуждаемости, подробнее см. [Karvovskaya 2018] и ссылки там же.

² Имеющиеся у нас данные свидетельствуют о существенных различиях в отношении дистрибуции какого-либо посессивного маркирования в приуральском и казымском диалектах. В частности, согласно Николаевой в приуральском диалекте ассоциативное посессивное маркирование не бывает обязательным, а в наших казымских данных это не так, см. раздел 4.2.

так или иначе связанные с идеей обладания или выводимые из семантики данной ИГ (§4.3). Вторая конструкция, наоборот, не допускает эксплицитного выражения посессора, требует уникальности референта ИГ и не ограничена в множестве доступных ей отношений.

В заключении (§5) резюмируются и помещаются в типологический и ареально-генетический контекст основные тезисы настоящей работы. Наблюдаемая в севернохантыйском система приименных посессивных конструкций по некоторым своим свойствам кажется типологической рарой, однако есть основания ожидать, что подобные системы также представлены в родственных и соседствующих языках.

2. (Не)идиосинкратичность в типологии приименных посессивных конструкций

В некоторых языках мира разные типы интерпретаций посессивных конструкций выражаются разными конструкциями, что иногда описывается как противопоставление по (не)отчуждаемости. (О проблематичности этого понятия и о типологии подобных конструкций см. хотя бы [Nichols 1988; Karvovskaya 2018: §1.2.2.2] и ссылки на обширную литературу по теме там же).

Лена Карвовская (2018) рассматривает семантику таких конструкций в языках мира и показывает, что идиосинкратические конструкции семантически ограничены стереотипными отношениями, выводимыми из семантики данной ИГ (ср. адыгейский пример (1a); отсюда и название этих конструкций), тогда как неидиосинкратические конструкции могут выражать любое отношение при наличии соответствующего контекста (1b).

(1) адыгейский (< абхазо-адыгские)

a. *s-šha*

1SG-голова

‘моя голова’

b. *s-jə-šha*

1SG-POSS-голова

‘моя голова’ (сказано зоологом про пёсью голову) ([Горбунова 2009: 153–154] цит. по [Karvovskaya 2018: 24])

При этом, хотя обычно идиосинкратические конструкции не являются продуктивными и могут сочетаться лишь с ограниченным классом имён (как в адыгейском), существуют и языки без

подобного ограничения на идиосинкратические конструкции, например, даакака (< восточновануатские < австронезийские; [von Prince 2016]).

В разделе 4.3 будет показано, что выделяемые нами в севернохантыйском собственно посессивная и ассоциативно-посессивная конструкции семантически противопоставлены именно по (не)идиосинкратичности.

3. Основная информация о казымском севернохантыйском языке

Настоящее исследование основано на данных элицитации, полученных с носителями казымского диалекта севернохантыйского языка, проживающих в селе Казым (ХМАО, Российская Федерация).

Данные получены в ходе совместных экспедиций Школы Лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в село Казым в 2018–2019 и 2021 гг. Часть данных также получена в работе с носителями по видеосвязи в 2020–2021 гг.

Базовые сведения по грамматике казымского диалекта севернохантыйского доступны в очерке [Каксин 2010]. Рассматриваемые здесь факты там, однако, не освещены.

3.1. Методология

В рамках элицитации нашим консультантам предлагалось перевести русскоязычный стимул в определённом контексте на севернохантыйский. В большинстве случаев также переводился контекст, представляемый со стимулом на русском, чтобы консультант с необходимостью учитывал его в своих суждениях. Затем в предложенный перевод вносились минимальные изменения в отношении интересующих нас параметров, и консультанту предлагалось оценить уместность нового варианта в том же контексте. Здесь и далее при представлении материала реакции вида «нет, лучше сказать [выражение отличное от предложенного]», «нет / это здесь не надо», «да, так можно сказать, это будет значить [значение отличное от исходного]» обозначаются знаком [#], что значит «выражение не обладает ожидаемым значением или неуместно». В некоторых случаях подобные семантические отличия были получены после дополнительного вопроса о том, как меняется значение с другим выражением.

3.2. Севернохантыйская приименная посессивная конструкция

Приименная посессивная конструкция минимально состоит из ИГ посессора и следующим за ней вершинным именем маркированным посессивным суффиксом (2), отражающим лицо-число посессора. При этом посессор может быть не выражен эксплицитно.

(2) *пӓҥ кӓт'-ен*
 ты кот-POSS.2SG
 'твой кот'

Парадигма показателей представлена в таблице 1 и включает суффиксы для сочетаний трёх лиц и трёх чисел, некоторые из которых совпадают.

Таблица 1. Система посессивных показателей севернохантыйского языка (казымский диалект, полевые данные)

	SG	DU	PL
1SG	- <i>эм/-эм</i> -POSS.1SG	- <i>ҥәл-ам</i> -DU-POSS.1SG	- <i>л-ам</i> -PL-POSS.1SG
2SG	- <i>ен</i> -POSS.2SG	- <i>ҥәл-ан</i> -DU-POSS.2SG	- <i>л-ан</i> -PL-POSS.2SG
3SG	- <i>әл/-әл</i> -POSS.3SG	- <i>ҥәл-ал/-ҥәл</i> -DU-POSS.3SG/-DU[POSS.3SG]	- <i>л-ал</i> -PL-POSS.3SG
1DU	- <i>эмән</i> -POSS.1DU	- <i>ҥәл-амән</i> -DU-POSS.1DU	- <i>л-амән</i> -PL-POSS.1DU
2DU	- <i>ән</i> -POSS.2NSG	- <i>ҥәл-ан</i> -DU-POSS.2NSG	- <i>л-ән</i> -PL-POSS.2NSG
3DU	- <i>ән</i> -POSS.3DU	- <i>ҥәл-ан</i> -DU-POSS.3DU	- <i>л-ән</i> -PL-POSS.3DU
1PL	- <i>ев</i> -POSS.1PL	- <i>ҥәл-ав</i> -DU-POSS.1PL	- <i>л-ав</i> -PL-POSS.1PL
2PL	- <i>ән</i> -POSS.2NSG	- <i>ҥәл-ан</i> -DU-POSS.2NSG	- <i>л-ән</i> -PL-POSS.2NSG
3PL	- <i>әл</i> -POSS.3PL	- <i>ҥәл-ал</i> -DU-POSS.3PL	- <i>л-ал</i> -PL-POSS.3PL

При местоимённом посессоре посессивное маркирование обязательно, а при посессоре, выраженном нарицательной ИГ, оно в некоторых случаях опускается. В интересах места мы будем рассматривать исключительно первый случай.

4. Собственно possessiv vs. ассоциативный possessiv

В этом разделе представлены аргументы за выделение по крайней мере двух стратегий possessivного маркирования, для краткости называемых здесь собственно possessiv и ассоциативный possessiv согласно типу выражаемого конструкцией отношения.

Помимо случаев, в которых носитель европейского языка ожидает possessivную конструкцию, в севернохантыйском possessivное маркирование возникает и в менее ожидаемых контекстах: когда референт данной ИГ может быть связан некоторым контекстно-заданным отношением с другим референтом. Так, в (3), хотя чашка принадлежит говорящему, она маркируется POSS.2SG, поскольку адресат находится рядом с чашкой и должна её передать. (Ср. неуместность *твою* в русском переводе.)

(3) *an-[#](en) mi-je.*

стакан-POSS.2SG дать-IMP.SG.SG

{У говорящего в гостях подруга. На столе одна чашка. Он говорит ей:} ‘Передай (досл. твою) чашку.’

Как будет показано далее, в подобных примерах наблюдается отличный от собственного possessiva ассоциативный possessiv.

4.1. Ассоциативный possessiv не допускает эксплицитного possessora

Принципиальное отличие ассоциативного possessiva состоит в том, что он не допускает эксплицитного выражения ИГ possessora.

Например, в (4) маркированная POSS.2SG ИГ не может включать местоимение *нӓӓ* ‘ты’, поскольку мяч, строго говоря, не принадлежит Васе, а связан с ним лишь пространственной близостью или физическим контактом.

(4) *waśa, ([#]нӓӓ) m'ačok-en tiw mij-e.*

Вася ты мяч-POSS.2SG сюда дать-IMP.SG.SG

{Ребёнок подобрал на улице какой-то грязный мяч. Ему говорят:} ‘Вася, отдай мяч.’

Комментарий консультанта к *нӓӓ*: «Если грязный мяч на улице нашёл, не подходит, это [подходит] если [(5)]».

С другой стороны, в (5), где речь идёт про игрушку, принадлежащую ребёнку, и, следовательно, используется собственно possessiv, ничто не препятствует эксплицитному выражению possessora.

(5) *waša, nǎŋ m'ačok-en kat-en.*

Вася ты мяч-POSS.2SG улица-LOC

‘Вася, твой мяч на улице.’

4.2. Собственно possessив не требует уникальности

Ассоциативный possessив обязателен с уникальными референтами при наличии соответствующего отношения (см. (3) выше, где опущение possessива недопустимо), а при наличии нескольких референтов, входящих в экстенционал данной ИГ, наоборот невозможен (6).

(6) *an-(#en) mi-ja.*

стакан-POSS.2SG дать-IMP[SG]³

{У говорящего в гостях подруга. На столе несколько чашек. Он говорит ей:} ‘Передай чашку.’

Собственно possessив же не требует уникальности. Например, в (7) две формально идентичные ИГ с possessивом могут отсылать к разным индивидам в рамках одного высказывания, тогда как требующие уникальности ИГ в подобных контекстах неуместны, ср. [Coppock, Beaver 2015].

(7) *nǎŋ welik-en tām λoλ’*,

ты велосипед-POSS.2SG этот стоять[NPST.3SG]

tata-šk pa nǎŋ welik-en λoλ’.

там-ATT ADD ты велосипед-POSS.2SG стоять[NPST.3SG]

{Ребёнок спрашивает: «Где мои велосипеды?» Ответ:} ‘Твой велосипед стоит здесь, там стоит ещё [один] твой велосипед.’

4.3. Собственно possessив не может выразить ассоциативные отношения

Как было отмечено выше, во всех примерах с ассоциативным possessивом добавление эксплицитного possessора неизбежно ведёт к смене интерпретации на собственно possessивную, ср. (4)–(5). Исходя из этого мы утверждаем, что собственно possessив семантически ограничен как идиосинкратическая стратегия по Карвовской (2018).

³ В первом приближении с possessивно-маркированными объектами предпочтительно наличие глагольного согласования по числу с объектом, а с немаркированными наоборот. Это учитывалось при элицитации. Действительное распределение согласования с объектом, однако, подчиняется более сложным правилам и не может быть рассмотрено в рамках настоящей работы.

Однако в отношении рассмотренных примеров представляется возможным следующее возражение. Русская конструкция с посессивным местоимением в целом может выражать ассоциативные отношения (*моя собака* как ‘напавшая на меня собака’, см. ниже), однако в примерах выше она неуместна, поскольку, видимо, не реализованы достаточные условия для доступности такой интерпретации: предполагаемое ассоциативное отношение недостаточно салиентно в данном контексте (ср. [Storto 2005]). Можно предположить, что в севернохантыйских примерах (3) и (4) ассоциативная интерпретация для вариантов с эксплицитным посессором невозможна по тем же причинам.

Это предположение, однако, неверно. В нижеследующих примерах специально задаётся контекст, повышающий салиентность какого-либо ассоциативного отношения, что делает допустимым соответствующее употребление русской конструкции⁴. В севернохантыйских переводах же собственно посессив с эксплицитным посессором по-прежнему недоступен, поскольку предполагаемое отношение не является собственно посессивным и не может быть выражено неидиосинкратической стратегией.

Так, в (8) допустим только вариант с относительным придаточным (ОП), при котором местоимение-посессор обозначает агенса действия, обозначенного ОП. Вариант без ОП с простой ИГ *нӓӓ ухеп* ‘твоя голова’ с необходимостью интерпретируется как отсылающий к части тела адресата. (Ср. (9), где простая ИГ без ОП также не допускает эксплицитного посессора.)

(8) *нӓӓ # (тəw-əт) ух-еп wewtam-a ji-s.*

ты нести-NFIN.PST голова-POSS.2SG плохой-DAT стать-PST[3SG]

{‘Каждый рыбак принёс по рыбьей голове для супа. Петя даёт говорящей рыбку голову, которую он принёс. Она отвечает:} Твоя (досл. принесённая тобой) голова испорчена. {Принеси другую.}’

(9) (*#нӓӓ*) *ух-еп wewtam!*

ты голова-POSS.2SG плохой

{‘Каждый рыбак принёс по рыбьей голове для супа. Петя даёт говорящей рыбку голову, которую он принёс. Она отвечает: Это что такое!} Голова-то гнилая! {Как мне её в суп класть!}’

---

⁴ По суждениям четырёх носителей русского языка, включая автора. Ещё двое носителей оценили контекст (8) как несколько странный, но (10) как приемлимый.

То же справедливо и в отношении (10). Опускание ОП в этом примере вызывает собственно посессивную интерпретацию ‘дом, в котором живёт Петя’, что противоречит правому контексту.

- (10) *лшw* [#](*алл-эм*) *χот-λ* *тэт* *χират-эп*.
 он нести-NFIN.PST дом-POSS.3SG самый узор-PROP
 {В газете был конкурс на самый красивый дом Белоярского района. Много интересных домов нашли.} {Мне кажется, победит Петя.} Его (досл. принесённый им) дом самый красивый. {[Кстати,] в этом доме живёт Мария Алексеевна.}

5. Заключение: ассоциативный посессив за пределами казымского севернохантыйского?

Настоящая статья имела целью доказать, что в казымском севернохантыйском есть по крайней мере две посессивные конструкции, причём обе маркируются одной и той же парадигмой суффиксов.

Первая конструкция — собственно посессив — допускает эксплицитное выражение ИГ посессора, не требует уникальности референта данной ИГ и может обозначать исключительно отношения, так или иначе выводимые из семантики ИГ.

Вторая конструкция — ассоциативный посессив — не допускает эксплицитного выражения посессора, требует уникальности референта ИГ и не ограничена в множестве доступных ей отношений.

Семантически подобное противопоставление в приименных посессивных конструкциях хорошо известно в типологической литературе ([Nichols 1988; Karvovskaya 2018] и многочисленные ссылки там же). Однако в нормальном случае, по-видимому, такие конструкции (i) имеют формально различное выражение и (ii) отличаются семантически прежде всего доступными им отношениями.

Если представленный в этой работе взгляд справедлив, севернохантыйская система, в которой обе конструкции маркируются одинаково, но только вторая требует уникальности референта ИГ, представляется типологической рарой.

С другой стороны, во многих уральских языках и их соседях встречаются такие же расширенные ассоциативные употребления посессивов (см. хотя бы [Кузнецова 2003; Nikolaeva 1999, 2003; Körtvély 2010; Siegl 2015; Serdobolskaya et al. 2019]), однако в известных нам работах не рассматривалась возможность отделения их от собственно посессивов на морфосинтаксических или референциальных основаниях.

Принципиальным аргументом для наших данных стала недоступность выражения эксплицитного посессора в случае ассоциативного посессива. Можно ожидать, что и в других языках, где наблюдаются подобные употребления посессивов, эта диагностика составит аналогичный аргумент за выделение двух посессивных конструкций в одной парадигме показателей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ATT — аттенуатив; ADD — аддитивная частица; DAT — дательный падеж; DU — двойственное число; IMP — императив; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессив; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Горбунова 2009 — Горбунова И.М. Посессивные конструкции. // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. Тестелец Я.Г. (отв. ред.). Москва: РГГУ, 2009. С. 146–165.
- Каксин 2010 — Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010.
- Кузнецова 2003 — Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск, 2003. С. 249–259.
- Coppock, Beaver 2015 — Coppock E., Beaver D. Definiteness and determinacy // *Linguistics and philosophy*. 2015. № 38(5). Pp. 377–435.
- Karvovskaya 2018 — Karvovskaya L. The typology and formal semantics of adnominal possession. LOT, Netherlands Graduate School, 2018.
- Körtvély 2010 — Körtvély E. On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession and semantic-pragmatic definiteness // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2010. № 32(33), Pp. 321–343.
- Nichols 1988 — Nichols J. On alienable and inalienable possession. // In honor of Mary Haas: From the Haas Festival Conference on Native American linguistics. New York: Mouton de Gruyter, 1988. Pp. 557–609.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. *Ostyak*. Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. // *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia: Collection of papers*. 2003. Pp. 130–145.
- Serdobolskaya et al. 2019 — Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt //

- Possession in Languages of Europe and North and Central Asia, Amsterdam (Studies in Language Companion Series 206). 2019. Pp. 291–311.
- Siegl 2015 — Siegl F. The Non-Possessive Use of PX2P in Nganasan and Dolgan — a reappraisal // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015. № 39. Pp. 67–100.
- Storto 2005 — Storto G. Possessives in context // *Possessives and beyond: Semantics and syntax* / Kim J.Y., Partee B.H., Lander Y.A. (eds.). 2005. Pp. 59–86.
- Taylor 1996 — Taylor J.R. *Possessives in English: An exploration in cognitive grammar*. Oxford University Press, 1996.
- von Prince 2016 — von Prince K. Alienability as control: The case of Daakaka // *Lingua*. 2016. № 182. Pp. 69–87.

Залог в обско-угорских языках: в поисках инструментов описания*

Никита Алексеевич Муравьев¹, Дарья Олеговна Жорник²

^{1,2}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

²Институт языкознания РАН

¹nikita.muraviev@gmail.com, ²daria.zhornik@yandex.ru

В статье рассматривается выбор залога в хантыйском и мансийском языках. Традиционная гипотеза о продвижении с помощью пассивной конструкции наиболее топикального участника в позицию подлежащего подтверждается лишь в части случаев, в то время как в остальных ситуациях играют роль другие факторы. Мы предлагаем модель, которая учитывает не только топикальность, но и другие параметры, вносящие вклад в выбор залога в этих языках.

Ключевые слова: уральские языки, обско-угорские языки, пассив, информационная структура, одушевленность, референциальный статус.

Voice in Ob-Ugric: In search of a descriptive framework

Nikita Muravyev¹, Daria Zhornik²

^{1,2}National Research University Higher School of Economics,

²Institute of Linguistics RAS

¹nikita.muraviev@gmail.com, ²daria.zhornik@yandex.ru

This article concerns the choice of voice in Ob-Ugric languages. It has been assumed that the main function of the passive voice is

---

* Исследование поддержано грантом РФФИ №19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири» (рук. Д. А. Рыжова).

the promotion of the most topical constituent to the subject position. However, a number of cases does not adhere to this rule. We present a model encompassing not only topicality but also other parameters contributing to the choice of voice in these languages.

Keywords: Uralic languages, Ob-Ugric languages, passive, information structure, animacy, referentiality.

1. Введение

Статья посвящена вопросу выбора залога в хантыйском и мансийском¹ языках (<обско-угорские < финно-угорские < уральские). Данные для исследования получены из корпусов текстов, а также в ходе дистанционного опроса носителей с. Казым Белоярского района ХМАО-Югры (казымский диалект хантыйского языка) и дд. Ушма и Тресколье Ивдельского района Свердловской области (верхнелозьвинский диалект мансийского языка).

В обоих языках имеется противопоставление активного и пассивного залога. Пассивный залог в хантыйском языке образуется с помощью присоединения показателя пассива *-a(j)/i(j)* после показателя времени, ср. [Каксин 2010: 112–114]. Мансийский пассив образуется с помощью присоединения показателя *-we* к основе глагола после деривационных, но до словоизменительных показателей [Ромбандеева 1973: 121]. Диахронически данные показатели восходят к разным источникам [Kulonen 1989], однако функции пассивных конструкций в обско-угорских языках значительно сблизились под взаимным контактным влиянием. В хантыйском языке агентивное дополнение при пассиве оформляется локативным падежом, а в мансийском — лативным. Как правило, механизм выбора залога в обско-угорских языках описывается в терминах информационной структуры [Скрибник 2004; Kulonen 1989; Nikolaeva 2001; Virtanen 2015; Ё. Kiss 2019], однако новые данные показывают, что, помимо этого, существуют и другие значимые факторы. Целью нашего исследования является уточнение перечня этих факторов и создание модели, более точно описывающей принципы выбора залога с учетом данных факторов.

---

¹ Здесь и далее под понятиями «мансийский» и «хантыйский» мы будем подразумевать северномансийский и севернохантыйский языки, соответственно.

Статья состоит из четырех разделов. В разделе 2 представлены типологические определения пассивного залога. В разделе 3 приводятся примеры из обско-угорских языков, противоречащие гипотезе о продвижении наиболее топикального участника. Раздел 4 представляет собой описание новой предлагаемой нами модели для описания залоговых преобразований, в то время как в разделе 5 эта модель применяется к рассмотренному обско-угорскому материалу. Раздел 6 подводит итоги исследования.

2. К определению пассивного залога

Сперва необходимо остановиться на основных подходах к определению пассива как явления в целом. Формально пациенсу при пассиве соответствует синтаксическая роль субъекта, а агенс отсутствует в клаузе либо занимает позицию косвенного объекта. Согласно одним работам, основной функцией пассива является повышение в синтаксическом статусе участника, не являющегося агенсом [Givón 1979]. Согласно другим, первичным при пассиве, напротив, является понижение в статусе агенса [Shibatani 1985: 830].

Особой чертой залога в обско-угорских языках является его тесное взаимодействие с информационной структурой высказывания [Nikolaeva 2001; É. Kiss 2019]. Данные работы исходят из понимания топика в терминах [Lambrecht 1994]. Из основных определений можно выделить трактовку [Кошкарева 2002: 35], согласно которой в качестве функции пассива указывается «поддержание тематической доминанты текстового фрагмента». Аналогичным образом в [É. Kiss 2019: 1] говорится о понижении нетопикального участника, сопровождаемом повышением топикального участника. В ряде других определений [Kulonen 1989: 71; Nikolaeva 2001: 25] акцент делается на несоответствие роли агенса и основного топика высказывания.

Однако, как будет показано далее, существует целый ряд явлений, которые не вписываются в приведенные определения. Остановимся подробнее на этих явлениях.

3. Обско-угорские данные

В основном, в позиции подлежащего при пассиве действительно оказывается наиболее топикальный участник. Обычно этот участник является протагонистом повествования и упоминается в предшествующем контексте, как ‘я’ в (1) и ‘невестка’ в (2).

(1) мансийский

kwāl-tt-uwe-s-um   *ruç*   *piy-na.*

встать-CAUS-PASS-PST-1SG   русский   сын-LAT

‘(Сегодня утром я рано встал.) Русский парень меня разбудил.’

[Сев. манс. корпус:² «Мой день», 2]

(2) хантыйский

wontəp   *ime-λ-ən*   *ǎnt*   *esəλ-λ-a.*

свекровь   женщина-POSS.3SG-LOC   NEG   пускать-CAUS-PASS

‘(Как только вечер наступает, невестка начинает выделять жилы.) Свекровь ей не разрешает.’ [Сев. хант. корпус:³ «Женщина, выделяющая жилы», 4]

Однако таким образом выглядит лишь часть примеров с пассивным залогом в обоих обско-угорских языках. Рассмотрим примеры, выбивающиеся из общего правила о топикальном подлежащем.

В примере (3) О-участник ‘свадьба’ не является топикальным, он находится в аддитивном фокусе. Тем не менее, это единственный выраженный участник, поэтому используется пассивный залог.

(3) мансийский

tuwəl   *os*   *pūri*   *wār-awe.*

потом   ADD   свадьба   делать-PASS[NPST.3SG]

‘(...рассказ про Вороний день... Еще в семье праздник делают, когда рождается ребенок.) Потом еще свадьбу делают.’ [Сев. манс. корпус: «Праздники», 47]

В примерах (4a–b) оба участника выражены, но выбор залоговой формы не соответствует ожиданиям. В (4a) А-участник ‘кто’ находится в фокусе, а О-участник ‘стол’ топикален, но вместо ожидаемого пассива используется актив. В (4b), напротив, А-участник ‘ветер’ топикален, а О-участник ‘Маша’ в фокусе, но вместо ожидаемого актива используется пассив. Общим для этих случаев

² Корпус текстов на мансийском языке общим объемом в 53332 словоупотребления разработан Д. О. Жорник, Е. Л. Клячко и В. С. Харитоновым в рамках проекта РФФИ №18-082-00833 «Динамика фонетических и грамматических систем обско-угорских языков» (2018–2020).

³ Корпус текстов на хантыйском языке общим объемом в 42174 словоупотребления разработан Е. В. Кашкиным в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012–2014).

является грамматический приоритет одушевленных участников над неодушевленными: и ‘кто’, и ‘Маша’ занимают позицию подлежащего.

(4) а. мансийский

ti pasan xot'ut jowt-as?
 этот стол кто купить-PST[3SG]
 ‘Кто купил этот стол?’

б. хантыйский

wot-an maša-jen il pāwət-s-a.
 ветер-LOC Маша-POSS.2SG вниз уронить-PST-PASS[3SG]
 ‘(Кого сбил ветер?) Ветер сбил Машу.’

Еще одна ситуация, в которой позицию подлежащего может занимать нетопикальный участник — пассивизация одноместных глаголов. Значительная часть таких глаголов в хантыйском и мансийском являются *passiva tantum*, то есть не имеют активных форм [Соловар 2010; Kulonen 1989]. Так, в примере (5) референт в позиции подлежащего ‘кто-то’ не является топикальным, но это не препятствует выбору пассивного залога:

(5) хантыйский

xijat maŋəntə-s-i.
 кто.INDEF задремать-PST-PASS[3SG]
 ‘Кто-то задремал.’

Таким образом, мы наблюдаем по крайней мере следующие типы ситуаций, выбивающихся из традиционных представлений о пассиве как средстве понижения агенса и продвижения в позицию подлежащего топикального не-агенса: безагенсные пассивы, контексты с разницей в одушевленности участников и одноместные глаголы.

4. К новой модели

Рассмотренные языковые факты говорят о том, что традиционная модель описания залога в терминах синтаксических позиций (субъект, прямой объект, косвенный объект), семантических (агенса, пациенс, тема, реципиент и др.) и морфосинтаксических ролей, ср. модель SAO [Comrie 1981, Dixon 1994, Dixon, Aikhenvald 2000] недостаточна для полной и адекватной картины функционирования обско-угорского залога. Помимо специфики обско-угорских данных, проблемы кроются и в самих инструментах

описания. Так, синтаксические позиции не вполне удобны в описании эргативных языков и языков с расщепленной стратегией кодирования [Croft 2001: 134–171]. Подходы к определению и исчислению семантических ролей весьма разнообразны, зависят от конкретных задач и несводимы к какому-то одному универсальному перечню [Dowty 1991: 553–9; Croft 2012: 175–187], а морфосинтаксическая модель SAO, хотя и удобна в идентификации базовых ролей в клаузе, является значительным упрощением, так как игнорирует частные различия в семантике участников.

Предлагаемая нами модель основана на декомпозиции участников на отдельные признаки, задаваемые семантическими и прагматическими параметрами, ср. похожий подход в [Reinhart 2000], а также подходы, основанные на аспектуальной декомпозиции событий [Rappaport Novav, Levin 1998; Langacker 2008; Croft 2012]. Мы исходим из того, что **салиентность** референта, или выделенность по определенному набору параметров влияет на его **синтаксический ранг**, а именно на кодируемость различными средствами (падеж, порядок слов, согласование). Так, наиболее высокоранговым участником (= субъектом) прототипически является топиальный и определенный участник с семантической ролью агенса, а агенсом, в свою очередь, традиционно считается одушевленный и наделенный волей участник. Соответственно, мы рассматриваем салиентность как сумму по меньшей мере следующих четырех параметров: одушевленности, волитивности, определенности и топиальности. Каждый параметр задается упрощенной шкалой из трех значений, из которых релевантными условно считаются первые два. В аннотации примеров им соответствуют прописные буквы для первых значений и строчные для вторых. Перечень обозначений по параметрам с расшифровками выглядит следующим образом:

Параметр	Иерархия	Нотация	Расшифровка
Одушевленность	человек > животное > неодушевленное	H > a > -	H — Human a — animate
Волитивность	намеренное действие > каузация > нет каузации	V > s > -	V — volitional s — source
Определенность	уникальный > референтный > нереферентный	U > r > -	U — Unique r — referential
Топикальность	топиальный > данный > новый	T > g > -	T — Topical g — given

Аннотация участников в предложении происходит в порядке их упоминания в предложении, для каждого участника без пробелов дается совокупность всех первых и вторых значений, участники разделяются запятыми. В качестве примера приведем предложение из русского языка в активном (а) и пассивном залоге (б).

- (а) [Что мальчик сделал?] *Он съел рыбу.* HVUT, ar
 (б) [Кем съедена рыба?] *Рыба съедена мальчиком.* aUT, HV

Основная гипотеза нашей модели состоит в том, что чем более салиентен участник, тем более высокий ранг он будет иметь, и это подтверждается примерами (а, б): позицию подлежащего, а вместе с ней номинатив и согласование глагола получает тот участник, которому соответствует большее число и большая величина символов в аннотации, а именно 'он' в (а) и 'рыба' в (б). В этой системе пассивный залог можно рассматривать как индикатор того, что наиболее салиентный участник лишен одного важного свойства: он не является инициатором события. Далее мы попробуем применить данную модель к обско-угорскому залогу, в том числе к примерам, приведенным в разделе 3.

5. Анализ обско-угорских данных

Рассмотрим базовые залоговые конструкции с точки зрения выявленных в разделе 4 параметров. В примере (6) волитивный участник 'я' по всем параметрам выше участника 'рыба', вследствие чего он получает наиболее высокий ранг, используется активный залог. В (7), наоборот, волитивный участник 'менкв' уступает по большинству параметров участнику 'ты', поэтому используется пассив.

(6) мансийский

am xīl puw-s-um.
 1SG рыба поймать-PST-1SG
 'Я поймал рыбу.' HVUT, ar

(7) мансийский

mēŋkw-ən juw = tē-we-n çisup-ta.
 менкв-LAT внутри = есть-PASS[NPST]-2SG Чистоп-LOC
 'Менкв (мифический персонаж) съест тебя на Чистопе (название горы).' aVrg, HUT

Рассмотрим подробнее Случаи из раздела 3. Нетопикальный участник ‘свадьба’ в (8)=(3) получает наиболее высокий ранг. При этом данный участник не принимает активного участия в событии (см. зачеркнутый символ *s* в скобках), поэтому используется пассив.

(8) мансийский

tuwəl os pūri wār-awe.

потом ADD свадьба делать-PASS[NPST.3SG]

‘(...рассказ про Вороний день... Еще в семье праздник делают, когда рождается ребенок) Потом еще свадьбу делают.’ [Сев. манс. корпус: «Праздники», 47]. **r(s)**

В примере (9)=(4a) участник ‘кто’ оказывается выше по сумме параметров, чем участник ‘стол’, вследствие чего ему присваивается наиболее высокий ранг, и используется активный залог.

(9) мансийский

tī pasan xot’ut jowt-əs?

этот стол кто купить-PST[3SG]

‘Кто купил этот стол?’ **UT, HVr**

Обратим внимание, что в хантыйском языке в подобных контекстах употребляется пассивный залог, как и ожидается с точки зрения традиционных описаний, т. е. референт ‘чашка’ получает наивысший ранг, несмотря на перевес по сумме параметров в сторону референта ‘кто’. Вероятное объяснение состоит в том, что вес параметра референциального статуса выше в хантыйском языке, чем в мансийском (‘чашка’ **U** > ‘кто’ **r**).

(10) хантыйский

tām an-en xuj-ən šukat-s-a?

этот чашка-POSS.2SG кто-LOC разбить-PST-PASS[3SG]

‘Кто разбил эту чашку?’ **UT, HVr**

В контекстах, где инициатор события неодушевленный, а второй участник одушевленный, пассивный залог обязателен в обоих языках вне зависимости от информационной структуры. Так, в примере (11)=(4b), а также в (12), участник ‘Маша’, который находится в фокусе, получает наивысший ранг, поскольку оказывается выше участника ‘ветер’ по сумме параметров, в том числе по одушевленности.

- (11) хантыйский
wot-ən maša-jen ił pǎwət-s-a.
 ветер-LOC Маша-POSS.2SG вниз уронить-PST-PASS[3SG]
 ‘(Кого сбил ветер?) Ветер сбил Машу.’ **srT, HUG**
- (12) мансийский
maša wōt-n jol=pat-t-uwe-s.
 Маша ветер-LAT вниз=упасть-TR-PASS-PST[3SG]
 ‘(Кого сбил ветер?) Ветер сбил Машу.’ **HUG, srT**

Наконец, кратко рассмотрим пассивизацию одноместных глаголов. В примерах (13) = (5) и (14) единственный участник, будучи нетопикальным, обладает низшим значением по параметру волитивности, то есть, не принимает активного участия в событии. Именно поэтому в случае глаголов *passiva tantum* используется исключительно пассивный залог.

- (13) хантыйский
xijat maǰəntə-s-ı.
 кто.INDEF задремать-PST-PASS[3SG]
 ‘Кто-то задремал.’ **Hr(s)**
- (14) мансийский
xot’ut pol’-awe.
 кто мерзнуть-PASS[NPST.3SG]
 ‘Кто-то замерз.’ **Hr(s)**

Рассмотренные примеры на пассивный залог в хантыйском и мансийском показывают, что, в целом, корреляция между салиентностью и синтаксическим рангом действительно есть, но при этом присутствуют и отклонения, обусловленные, по-видимому, разным весом отдельных параметров в двух языках. Так, к примеру, параметр определенности предположительно более значим для хантыйского, чем для мансийского, что блокирует в хантыйском присваивание наивысшего ранга салиентным, но неопределенным участникам. Подтверждается и анализ пассива как маркера неволитивности наиболее салиентного участника. Данный анализ позволяет включить в рассмотрение случаи, которые казались необъяснимыми в терминах информационной структуры.

6. Заключение

Мы рассмотрели случаи употребления пассива, которые выбираются из традиционного представления об обско-угорском залогe как об информационно-структурной категории. Основная проблема этого подхода состоит в том, что он не учитывает другие релевантные параметры: волитивность, одушевленность и определенность. Взамен мы предложили формальную модель, в которой статус участников определяется исходя из значений всех данных параметров, что позволило во многом разрешить выявленные нами проблемные случаи. В дальнейшем планируется, во-первых, усовершенствование нашей модели и ее адаптация для типологических исследований и, во-вторых, применение модели на корпусном материале.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CAUS — каузатив; INDEF — неопределенное местоимение; LAT — латив; LOC — локатив; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; POSS — посесивный показатель; PST — прошедшее время; SG — единственное число; TR — транзитивизатор.

Литература

- Каксин 2010 — Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. изд. 2-е, доп., 2010.
- Кошкарева 2002 — Кошкарева Н.Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск. 2002. № 12. С. 29–44.
- Ромбандеева 1973 — Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык: Фонетика и морфология. М., 1973.
- Скрибник 2004 — Скрибник Е.К. Категории мансийского глагола и актуальное членение предложения // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 445–458.
- Соловар 2010 — Соловар В.Н. Статальные элементарные простые предложения с пассивными формами глагольного сказуемого в казымском диалекте хантыйского языка. Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, № 2. С. 91–98.
- Comrie 1981 — Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology. Oxford: Blackwell, 1981.
- Croft 2001 — Croft W. Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective. Oxford University Press on Demand, 2001.

- Croft 2012 — Croft W. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: OUP, 2012.
- Dixon 1994 — Dixon R.M.W. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Dixon, Aikhenvald 2000 — Dixon R.M.W., Aikhenvald A. (eds.). *Changing Valency. Case studies in transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. No. 67. Pp. 547–619.
- É. Kiss 2019 — É. Kiss K. Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive. *Arbeitspapier*. 2019. No. 130. Pp. 163–174.
- Givón 1979 — Givón T. From discourse to syntax: grammar as a processing strategy. Givón T. (ed.). *Discourse and syntax*. Leiden: Brill, 1979. Pp. 81–112.
- Keenan 1985 — Keenan E.L. Passive in the world's languages. Shopen T. (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 1. Cambridge University Press, 1985. Pp. 243–281.
- Kulonen 1989 — Kulonen U.M. *The Passive in Ob-Ugrian*. Helsinki, Finno-Ugrian Society, 1989.
- Lambrecht 1994 — Lambrecht K. *Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents*. Cambridge: CUP, 1994.
- Langacker 2008 — Langacker R.W. *Cognitive Grammar: A basic introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39, No. 1. Pp. 1–50.
- Rappaport Hovav, Levin 1998 — Rappaport Hovav M, Levin B. Building verb meanings. Butt M., Geuder W. (eds.). *The projection of arguments: lexical and compositional factors*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1998. Pp. 97–134.
- Reinhart 2000 — Reinhart T. *The Theta System: Syntactic Realization of Verbal Concepts*. UIL-OTS Working Papers in Linguistics. 2000.
- Shibatani 1985 — Shibatani M. Passives and related constructions: A prototype analysis. *Language*. 1985. Vol. 61. Pp. 821–848.
- Virtanen 2015 — Virtanen S. *Transitivity in Eastern Mansi: An information structural approach*. University of Helsinki. PhD dissertation, 2015.

Дикая собака динго, или показатель *-d'ijA* в быстринском диалекте эвенского языка *

Александра Дмитриевна Ногина¹, Анна Евгеньевна Постникова²

^{1,2}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

¹sashanogina@gmail.com, ²apostnikova@hse.ru

В данной статье приведен анализ показателя *-d'ijA* в быстринском диалекте эвенского языка. Его особенность состоит в его многофункциональности: он употребляется в составе форм причастий будущего времени, финитного будущего, а также императива, оптатива и прохибитива, используется для выражения деонтической модальности. Кроме того, его парадигма неоднородна: для второго лица используется форма на *-ŋA*, для первого и третьего — на *-d'ijA*. Настоящее исследование призвано рассмотреть каждое из этих употреблений, так как описанию большинства из них в существующих грамматиках уделено очень мало внимания. Также в работе приводятся рассуждения о причинах возникновения подобной многофункциональности этого показателя.

Ключевые слова: эвенский язык, тунгусо-маньчжурские языки, императив, будущее время, диахрония, ареальная типология.

Wild dog dingo or marker *-d'ijA* in the Bystraja dialect of Even language

Alexandra Nogina¹, Anna Postnikova²

^{1,2}National Research University Higher School of Economics

¹sashanogina@gmail.com, ²apostnikova@hse.ru

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году. Авторы выражают благодарность А. И. Виняру за помощь и поддержку на всех этапах исследования, а также участникам и организаторам третьей научной конференции МЯБЛ и коллегам по экспедиции по документации эвенского языка за ценные замечания.

This paper provides an overview of marker *-d'ɨŋA* in the Bystraja dialect of Even language. Its peculiarity lies in its multifunctionality. It is used to mark future participles, finite future forms, imperative, optative and prohibitive. It can also express deontic modality. Moreover, its paradigm is heterogeneous, and *-d'ɨŋA* is used with first and third person only, while for second person suffix *-ŋA* is required. The purpose of the present study is to describe each of the aforementioned uses since very little attention has been given to them in existing grammatical descriptions of Even language. We will also provide some thoughts on possible reasons for such multifunctionality to exist.

Keywords: Even, Tungus-Manchu, imperative, future tense, diachrony, areal typology.

1. Введение

Эвенский язык относится к тунгусо-маньчжурской языковой семье; он распространен на территории Сибири и Дальнего Востока России. В настоящей работе рассматривается быстринский диалект, на котором говорят в Быстринском районе Камчатского края.

Существует несколько фундаментальных работ, посвященных описанию эвенского языка, а также исследования, рассматривающие отдельные диалекты и их особенности, однако быстринский диалект в этом плане оказался наименее освещенным. В настоящем исследовании мы опираемся на материалы других диалектов, а также на полевые данные, собранные нами в ходе трех экспедиций в села Эссо и Анавгай Камчатского края в 2019–2021 годах.

В существующих описаниях грамматики эвенского языка форма на *-d'ɨŋA*, о которой пойдет речь в статье, упоминается при различных обстоятельствах. Некоторые исследователи анализируют ее исключительно как форму причастия будущего времени [Цинциус 1947; Новикова 1980; Лебедев 1982; Malchukov 1995], другие описывают данный маркер и как показатель причастия, и как показатель финитного¹ будущего [Богораз 1931; Левин 1936; Лебедев 1978; Дуткин 1995; Кузьмина 2008]. При этом будущее время на *-d'ɨŋA* называется вторым и противопоставляется первому будущему на *-d'i*; второе будущее характеризуется как более отдаленное или более неопределенное по сравнению с первым.

---

¹ Т.е. встречающегося в изолированных контекстах в качестве вершины клаузы.

В монографии А. Л. Мальчукова о синтаксисе эвенского языка не говорится об использовании форм на *-d'ijA* в качестве финитного будущего, однако отмечается следующее: формы на *-d'ijA* входят в парадигму некатегорического императива, где используются для первого и третьего лиц, тогда как для второго лица употребляются формы на *-ŋA* [Мальчуков 2008: 114]. Аналогичная неоднородная парадигма императива предлагается и в более поздней работе [Шарина, Кузьмина 2018]. [Новикова 1980: 79] также описывает императивные употребления *-d'ijA* в ольском говоре эвенского языка, однако показатель *-ŋA* в ее работе не упоминается. При этом показатель *-ŋA* как способ выражения императивного значения также встречается в работах [Цинциус 1947; Лебедев 1982: 94; Бурькин 2002], однако авторы не объединяют этот показатель с суффиксом *-d'ijA*.

Настоящая работа посвящена описанию суффиксов *-d'ijA* и *-ŋA* в быстринском диалекте эвенского языка. В разделах 2 и 3 рассматривается многообразие употребления суффиксов *-ŋA* и *-d'ijA* соответственно. В разделе 4 мы пытаемся объяснить неоднородность парадигмы и особенности употребления исследуемых показателей на основании сравнительного анализа когнатов в языках тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской семьи и некоторых предположениях о диахронии суффиксов *-ŋA* и *-d'ijA*.

2. Употребление *-ŋA*

Как было отмечено в предыдущих исследованиях [Левин 1936, Мальчуков 2008], формы на *-ŋA* имеют императивную семантику. Они согласуются по лицу и числу с субъектом (парадигма лично-числовых согласовательных маркеров приведена в таблице 1).

Таблица 1. Лично-числовое согласование форм на *-ŋA*

2SG	<i>-nni</i>
2PL	<i>-šAn</i>

Изучаемый показатель встречается и в фактитивных (непосредственная каузация к выполнению действия (1)), и в пермиссивных (разрешение на выполнение действия (2)) контекстах. Встречаются и прохибитивные употребления (3): для выражения запрета действия используется отрицательная копула *edej* с показателем *-ŋA*; лексический глагол, как и в случае стандартного отрицания, принимает форму отрицательного конверба.

(1) *uind'a d'u-du bi-d-ŋe-nni e-niken*
 Уиндя дом-DAT быть-PROG-IMP.DIST-2SG NEG.AUX-SIM

awu-ŝki = da ør-rə.
 куда-DIR.ADV = ADD уходить-NEG.CVB

‘Уиндя, оставайся дома, не ходи никуда.’ [Pakendorf, Aralova 2009–2013]

(2) *аҥа-аҥа-nni okno-w аҥа-m-mi².*
 открывать-IMP.DIST-2SG окно-ACC открывать-DESID-COND.SS
 ‘Открой окно, если хочешь (открыть).’³

(3) *min-u tər er-de-le-n*
 я-ACC земля низ-SIDE-LOC-POSS.3SG

e-ŋe-nni ima-r.
 NEG.AUX-IMP.DIST-2SG хоронить-NEG.CVB

‘Не хорони меня под землей.’ [Pakendorf, Aralova 2009–2013]

Императив на *-ŋA* — не единственный способ выразить побуждение к действию. А. Л. Мальчуков говорит о наличии трех императивных парадигм: основного императива на *-li*, некатегорического императива на *-(dʲi)ŋA* и императивно-оптативной парадигмы с показателем *-dA* [Мальчуков 2008: 114]. В настоящей статье сравниваются только первые две парадигмы ввиду особой семантики на *-dA* (о разнице между оптативными и императивными употреблениями смотрите, например, [Гусев 2013: 245]).

В грамматиках описанные формы противопоставляются по-разному. Основным различием А. Л. Мальчуков называет временную соотнесенность [Мальчуков 2008: 122]. Формы на *-li* выступают в качестве императива немедленного действия, то есть могут употребляться только в тех контекстах, когда между речевым актом и действием, которое необходимо выполнить, отсутствует временной промежуток (4). Императив на *-ŋA* не имеет временных ограничений: он употребляется и как императив немедленного действия, и как дистантный императив (5). Как видно из примеров, эти утверждения в полной мере справедливы и для быстринского диалекта.

² Для записи данных эвенского языка используется упрощенная графика, принятая в ходе полевой работы. Графическая запись не является фонетической транскрипцией в строгом смысле, однако отражает часть фонетических особенностей быстринского говора.

³ Все примеры без ссылок, приведенные в статье, получены в ходе экспедиций путем элицитации с русского или эвенского стимула.

(4) *tik* / *timina / *dula-ški *bə-li*.
сейчас завтра передний-DIR.ADV отдавать-IMP
‘Сейчас отдай.’
*‘Завтра/Потом отдай.’

(5) *tik* / *timina* / *dula-ški* *min-teki*
сейчас завтра передний-DIR.ADV я-DIR

em-ŋe-nni.

приходить-IMP.DIST-2SG

‘Приходи ко мне сейчас/завтра/потом.’

Помимо временной соотнесенности выделяются и другие различия. В работах [Мальчуков 2008], [Шарина, Кузьмина 2018] *-li* называется категорическим императивом в противовес некатегорическому императиву на *-(d'i)ŋA*. [Бурыкин 2002] и [Шарина, Кузьмина 2018] также отмечают повышенную степень вежливости у последнего. Однако данные, собранные в экспедициях, показали, что в быстринском диалекте противопоставление по вежливости либо утрачено, либо отсутствовало изначально. Исследуемую форму действительно можно назвать менее категорической, однако это свойство прямым образом следует из его темпоральных характеристик. [Гусев 2013: 56] отмечает, что формы императива будущего времени часто являются менее категоричными (т.к. выполнение действия отсрочено) и, следовательно, могут восприниматься как более вежливые. Так как императив на *-li* является императивом немедленного действия, единственным способом непосредственно каузировать выполнение действия в будущем выступает императив на *-ŋA*. Отсутствие строгих временных ограничений на выполнение действия делает данную форму менее категоричной и (в других диалектах) более вежливой.

3. Употребление *-d'ija*

Форма на *-d'ija* описывается многими исследователями как причастие будущего времени. Но в действительности причастное употребление в современном быстринском эвенском практически не сохранилось. Подобные конструкции очень сложно получить путём элицитации с русского стимула, и даже с эвенского стимула большинство носителей не узнаёт данную форму и запрещает предложения с ней. Сами предложения при этом перестраиваются в две финитные клаузы (6).

(6) *bi kœ-re-m bej-u noŋ-ma-n*
 я смотреть-NFUT-1SG человек-ACC он-ACC-POSS.3SG

em-u-d'i-n.

приходить-AD-FUT-3SG

‘Я вижу человека, он их привезет.’

Стимул: ‘Я вижу человека, который их привезёт.’

Когда причастные употребления все же встречаются (7)–(8), в них используется не собственно показатель *-d'iŋA*, а его алломорф *-dŋA*. Подобный алломорфизм отмечался ранее в грамматических описаниях эвенского [Цинциус 1947; Лебедев 1978; Лебедев 1982], однако предполагалось использование в роли причастий как форм на *-d'iŋA*, так и форм на *-dŋA*. При этом условия употребления той или иной формы в литературе не описаны.

На данный момент неясно, является ли засвидетельствование в причастном употреблении исключительно форм на *-dŋA* случайностью, обусловленной малым количеством данных, или же в быстринском диалекте произошло обособление причастных форм от финитных с изменением фонетического звучания.

(7) *ulit-li ora-m timina neŋ-č'i-dŋa-wu.*
 кормить-IMP олень-ACC завтра бежать-RES-PTC.FUT-ACC

‘Покорми оленя, который завтра побежит.’

(8) *noŋə-n it-ti-n kuŋa-w amnakə-t*
 он-POSS.3SG видеть-PST-3SG ребенок-ACC быстрый-INST

baku-dŋa-w.

родить-PTC.FUT-ACC

‘Он увидел ребенка, который скоро родится.’

Другое употребление форм на *-d'iŋA*, упоминающееся в существующих описаниях эвенского — это употребление в качестве финитного будущего времени. Согласование с субъектом по лицу и числу обязательно (таблица 2). При этом после показателя *-d'iŋA* перед согласовательными маркерами сохраняется десемантизированный омертвелый аккузатив *-w* [Мальчуков 2008: 121]. При глоссировании мы относим его к согласовательным показателям, отделяя точкой, однако это решение носит исключительно технический характер.

Таблица 2. Лично-числовое согласование форм на *-d'ija*

1SG	<i>-wu</i> ⁴
1PL.EXC	<i>-wu.r</i>
1PL.INC ⁵	<i>-wu.n</i>
3SG	<i>-wA.n</i>
3PL	<i>-wu.tAn</i>

В соответствии с грамматиками, будущее на *-d'ija* должно противопоставляться по дистантности с первым будущим временем на *-d'i* и маркировать отдаленные события. Первое будущее же должно употребляться только с событиями, находящимися в непосредственной близости. Тем не менее, в быстринском диалекте подобное противопоставление не наблюдается, так как оба времени могут использоваться с событиями как отдаленными (9)–(10), так и ближайшими (11)–(12).

(9) *noja-n bə-d'ije-we.n knizhka-w d'ula-ški.*
он-POSS.3SG давать-PTC.FUT⁶-3SG книжка-ACC передний-DIR.ADV
'Он отдаст мне книжку в следующем году.'

(10) *d'ula-ški em-d'i-nni.*
передний-DIR.ADV приходить-FUT-2SG
'Придешь в следующем году.'

(11) *bi tik ər-d'ije-wu gorod-duk.*
я сейчас уходить-PTC.FUT-1SG город-ABL
'Я сейчас уеду из города.'

(12) *tik em-d'i-r oro-l.*
сейчас приходить-FUT-3PL олень-PL
'Сейчас придут олени.'

Как и причастие будущего времени, финитное будущее на *-d'ija* встречается крайне редко. Наиболее же частым примером использования форм на *-d'ija* является оптативное употребление, выра-

⁴ Показатель сливается с омертвелым аккузативом *-w*. Таким образом, формы первого лица выглядят как *bu-d'ija-wu* (отдать-FUT.PTC-1SG) 'я отдам'.

⁵ В быстринском диалекте утрачивается противопоставление по инклюзивности. Поэтому в последующих примерах часто лично-числовые показатели на глаголе не совпадают с субъектом по этому параметру.

⁶ См. объяснение подобного глоссирования в финитных формах в конце раздела.

жающее желание говорящего (13). В данном случае форма на *-d'ija* сближается по семантике с формой на *-dA*, образующей отдельную оптативно-императивную парадигму [Мальчуков 2008: 117] (в таких контекстах они полностью взаимозаменяемы, (14)).

- (13) *mut oro-m epkə-d'ija-wu.r.*
 мы.ЕХС олень-АСС ловить-ПТС.ФУТ-1ПЛ.ЕХС
 'Давай мы поймаем оленя.'

- (14) *noʒan ər-d'ija-wə.n / ər-da-n.*
 он уходить-ПТС.ФУТ-3СГ уходить-PURP-3СГ
 'Пусть он пойдет.'

Помимо оптатива, формы на *-d'ija* используются для выражения значений из области деонтической модальности. В данном случае употребляется сложная конструкция, состоящая из лексического глагола с показателем *-d'ija* и копулы *bidej* (15).

- (15) *noʒa-n timina ər-d'ije-we.n bi-d'i-n.*
 он-ПОСС.3СГ завтра уходить-ПТС.ФУТ-3СГ быть-ФУТ-3СГ
 'Он завтра должен уехать.'

Если в примере (15) копула маркирована показателем будущего времени, соответствуя времени события, о котором идет речь, то в предложении (16) она принимает форму прошедшего времени. Более того, лично-числовой показатель на копуле не соответствует лицу субъекта действия. Значение у подобной конструкции — необходимость совершения действия в прошлом. Схожая конструкция обнаруживается в удэгейском языке (17), где выделяется отдельное наклонение долженствования (*necessitative mood*), также выражаемое аналитически: лексическим глаголом с показателем *-d'ija* и копулой *bidej*, причем копула всегда маркирована лично-числовым показателем третьего лица [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 224]. Отличием этой конструкции от эвенской является отсутствие в удэгейском согласования на форме с *-d'ija*.

- (16) *mut oro-m epkə-d'ija-wu.r bi-ši-n.*
 мы.ЕХС олень-АСС ловить-ПТС.ФУТ-1ПЛ.ЕХС быть-PST-3СГ
 'Мы должны были поймать оленя.'

- (17) удэгейский
si gele-u-d'eje bi-si-ni.
 ты звать-PAS-ПТС.ФУТ быть-PST-3СГ
 'Ты должен был (по)звать.' [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 224]

Кроме того, в эвенском, как и в других тунгусских языках, для выражения семантики долженствования используется специальное причастие на *-нна*. Как и в случае с оптативом, две формы оказываются взаимозаменяемы (ср. (16) и (18)). В отличие от показателя *-d'ijA*, *-нна* является широко употребимым, узнается и используется всеми носителями и в контекстах с долженствованием порождается в первую очередь.

- (18) *bi epkə-nna-un bi-ši-n oro-m.*
 мы.INC ловить-PTC.DEV-POSS.1PL.EXC быть-PST-3SG олень-ACC
 ‘Мы должны были поймать оленя.’

Наконец, аналогично формам на *-ηA*, *-d'ijA* может использоваться для образования прохибитивной конструкции, состоящей из отрицательной копулы *edej* с показателем *-d'ijA* и лексическо-го глагола в форме отрицательного конверба:

- (19) *noŋa-r-tan e-d'ijə-wu.tən uni-r ora-m.*
 он-PL-POSS.3PL NEG.AUX-PTC.FUT-3PL покупать-NEG.CVB олень-ACC
 ‘Пусть они не будут покупать оленя.’

- (20) *bi e-d'ijə-wi ər-rə.*
 я NEG.AUX-PTC.FUT-1SG уходить-NEG.CVB
 ‘Пусть я не уйду.’

Таким образом, для форм на *-d'ijA* оказывается не слишком характерным простое темпоральное употребление без модальной окраски. И причастие будущего времени, и финитное будущее, описанные в грамматиках, используются довольно редко, тогда как основные примеры употреблений показателя *-d'ijA* связаны с модальными формами — оптативом, прохибитивом и деонтической модальностью.

Вне зависимости от количества употреблений и соответствия грамматическим описаниям, этот показатель остается крайне многофункциональным. Мы не можем делать точных утверждений по поводу возникновения подобной многофункциональности, однако предполагаем, что она связана с таким процессом, как инсубординация (*insubordination*) — синтаксической реинтерпретацией бывшей зависимой клаузы в качестве финитной⁷.

⁷ В определении Н. Эванса, “the conventionalized main-clause use of what, on prima facie grounds, appear to be formally subordinate clauses” [Evans 2007: 367].

Явление инсубординации засвидетельствовано во всех языках тунгусо-маньчжурской семьи [Malchukov 2013: 189]. Известно, например, что в эвенском языке финитное прошедшее время произошло в результате инсубординации из причастия небудущего времени на *-ri* [Malchukov 2013: 186], тогда как в эвенкийском — из причастия прошедшего времени на *-ča* [Nedjalkov 1997: 238]. Мы предполагаем, что аналогичным образом финитные употребления форм на *-d'ijA* образовались из причастных⁸. Кроме того, по-видимому, причастие будущего времени на *-d'ijA* изначально обладало некоторой модальной окраской, а не только темпоральным значением, из-за чего возникли модальные употребления финитных форм.

4. Показатель *-(d'i)ŋA* в других тунгусо-маньчжурских

Предположительно когнатные формы встречаются практически во всех языках тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской семьи. В близкородственных эвенскому северных тунгусских языках⁹, а именно в эвенкийском и негидальском, имеется показатель *-daŋA* (смотрите [Nedjalkov 1997: 243, 269] и [Цинциус 1982: 34, 37] соответственно). Формы с данным показателем употребляются и в качестве финитного дистантного будущего, и в качестве причастия будущего времени. Показатель *-daŋA* с аналогичными функциями наблюдается и в языках центрально-восточной ветви: удэгейском [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 216, 227] и орокском [Аврорин, Болдырев 2001: 310, 313].

Формы *-daŋA* и *-d'ijA* отсутствуют в языках центрально-восточной ветви, включающей нанайский, орокский и ульчский. Тем не менее, во всех этих языках обнаружены парадигмы, включающие в себя показатель *-ŋA*. В нанайском представлено желательное наклонение, выражаемое суффиксом *-ŋA* [Аврорин 1961: 119]. Императив первого лица множественного числа в орокском обра-

⁸ Отсюда глоссирование показателя *-d'ijA* как PTC.FUT (причастие будущего времени) даже в финитных клаузах.

⁹ Мы опираемся на классификацию тунгусо-маньчжурских языков, предложенную в работе [Whaley, Oskolskaya 2020]. Тем не менее, из-за сближения исследуемых когнатных показателей в северных и центрально-восточных ветвях представляется целесообразным рассмотреть более ранние классификации, например, [Суник, Орест 1959]. Мы оставляем этот вопрос для дальнейших исследований.

зуется путем присоединения суффикса *-ηA* и лично-числового показателя [Петрова 1967: 110–111]. Наконец, в ульчском отмечено будущее время на *-ηA* с оттенком побуждения совершить действие [Суник 1985: 45], однако, как отмечает Н. М. Стойнова, оно практически вышло из употребления [Стойнова 2019: 3]. Все эти показатели в той или иной мере обладают императивной или оптативной семантикой.

Наличие форм, когнатных эвенскому показателю *-d'ijA* в северных и центрально-восточных тунгусских, а также форм, когнатных эвенскому показателю *-ηA* в центрально-западных, ставит под сомнение нашу предыдущую идею о том, что формы второго лица на *-ηA* произошли в результате грамматикализации показателя будущего времени *-d'ijA* в императив и сопутствующей эрозии. Вероятнее всего, две формы, когнатные *-ηA* и *-d'ijA* соответственно, сосуществовали еще в пратунгусском и в дальнейшем были заимствованы неравномерно. Языки центрально-западной подгруппы сохранили только показатель *-ηA*; показатели, когнатные современному эвенскому *-d'ijA* получили распространение в центрально-восточных и северных подгруппах. Из рассматриваемых нами языков только эвенский сохранил обе формы. Вопрос о том, были ли связаны между собой показатели *-ηA* и *-d'ijA* и, если да, то каким образом, мы оставляем на будущее.

Объяснение лакунам в обеих парадигмах мы также предлагаем искать в диахронии. По всей видимости, *-ηA* сохранился только во втором лице, так как это наиболее типичные для императивных форм контексты. В работе [Гусев 2013: 224, 242] утверждается, что для императивных парадигм в целом свойственна неоднородность; при этом неоднородность парадигм подчиняется определенным правилам. На основании [van der Auwera et al. 2003] постулируется императивная иерархия (21). Как правило, средства выражения императивных значений занимают непрерывный отрезок значений на этой иерархии.

(21) 2Sg < 2Pl < 1Pl < 3-е лицо < 1Sg

Показатель *-ηA* охватывает первые два значения на иерархии (21). Согласно работе [Гусев 2013: 242], такая неоднородная парадигма характерна более чем для трети всех императивных парадигм, что делает ее наиболее частотной в языках мира. Факт утраты форм 1 и 3 лица на *-ηA* в быстринском диалекте в результате

грамматикализации подтверждается наличием полной парадигмы с показателем *-ηА* в некоторых западных говорах эвенского [Мальчуков 2008: 122]. Значение показателя *-ηА* в этих говорах смещается с исключительно императивного в сторону модализованного будущего, что объясняет, почему в этих говорах сохранились полные парадигмы.

На данный момент невозможно однозначно сказать, почему в эвенском отсутствуют формы второго лица на *-d'ijA*. Предположительно, формы на *-ηА* вытеснили *-d'ijA* во втором лице. Формы на *-d'ijA* употребляются преимущественно в модализованных контекстах — либо в оптативных, либо в деонтических (см. раздел 3). В обоих контекстах во втором лице наблюдается сильная импликация каузации адресата к выполнению действия, что сближает формы на *-ηА* и на *-d'ijA* во втором лице, делая их практически синонимичными. При таком раскладе сохранение только одной из двух форм представляется закономерным. В работах [Добрушина 2001] и [Гусев 2005: 250] говорится о том, что парадигмы, в которых место второго лица занимает императив, а третьего — оптатив, наблюдаются во многих языках мира. Основным отличием оптатива от императива исследователи называют отсутствие контроля над ситуацией; при этом, если повеление направлено на адресата, степень контроля повышается. Тем не менее, для подтверждения этой теории требуется измерить частотность словоформ на материале текстов различного времени создания, что не представляется возможным ввиду отсутствия таких текстов.

5. Заключение

В статье рассмотрены особенности употребления показателей *-ηА* и *-d'ijA* в быстринском диалекте эвенского языка, а также представлено возможное объяснение лакунам в парадигмах этих форм. Сфера употребления этих форм гораздо сложнее, чем описанная в предыдущих исследованиях, однако в современном быстринском эвенском формы на *-d'ijA* практически полностью вышли из употребления. Ряд вопросов о происхождении суффиксов *-ηА* и *-d'ijA* в эвенском и когнатных показателях в других тунгусо-маньчжурских так и остался неосвещенным, однако их изучению препятствует низкая употребляемость форм на *-d'ijA* и отсутствие диахронических языковых данных.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; AD — адверсатив-пассив; ADD — аддитив; ADV — адвербаллизатор; COND — условный конверб; DAT — датив; DEB — дебитатив; DESID — дезидератив; DIR — директив; EXC — исключительное (1 лицо мн. числа); FUT — будущее время; IMP — императив; IMP.DIST — дистантный императив; INC — включительное (1 лицо мн. числа); INST — инструменталис; LOC — локатив; NEG.CVB — отрицательный конверб; NEG.AUX — отрицательная копула; NFUT — небудущее время; PAS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессив; PROG — прогрессив; PST — прошедшее время; PTC — причастие; PURP — целевой конверб; RES — результатив; SG — единственное число; SIM — конверб одновременного действия; SIDE — именная деривация со значением 'сторона'; SS — односубъектные ситуации.

Литература

- Аврорин 1961 — Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1961.
- Аврорин, Болдырев 2001 — Аврорин В.А., Болдырев Б.В. Грамматика орочского языка. Новосибирск: СО РАН, 2001.
- Богораз 1931 — Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1931.
- Бурькин 2002 — Бурькин А.А. Эвенский язык в таблицах. Учебное пособие для эвенских школ, педагогических колледжей, вузов. СПб.: Дрофа, 2002.
- Гусев 2005 — Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2005.
- Гусев 2013 — Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Добрушина 2001 — Добрушина Н.Р. Проблема контролируемости побудительной ситуации в типологическом аспекте. Труды Международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. I: Теоретические проблемы. Аксаково, 2001. С. 77–83.
- Дуткин 1995 — Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995.
- Кузьмина 2008 — Кузьмина Р.П. Ламунхинский говор эвенского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
- Лебедев 1978 — Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978.
- Лебедев 1982 — Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982.
- Левин 1936 — Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936.
- Мальчуков 2008 — Мальчуков А.Л. Синтаксис эвенского языка. Структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.

- Новикова 1980 — Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор: глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Л.: Наука, 1980.
- Петрова 1967 — Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.
- Стойнова 2019 — Стойнова Н.М. Не верь глазам своим! Система императива в улчском языке: полевые данные vs. данные описаний (раздаточный материал). СПб: ИЛИ РАН, 2019.
- Суник, Орест 1959 — Суник О.П., Орест П. Тунгусо-маньчжурские языки. Младописьменные языки народов СССР. Бокарев Е.А., Дешериев Ю.Д. (ред.). М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1959.
- Суник 1985 — Суник О.П. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- Цинциус 1947 — Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1947.
- Цинциус 1982 — Цинциус В.И. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
- Шарина, Кузьмина 2018 — Шарина С.И., Кузьмина Р.П. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука: Издательство СО РАН, 2018.
- Evans 2007 — Evans N. Insubordination and its uses. Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Irina Nikolaeva (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 366–431.
- Malchukov 1995 — Malchukov A. Even. München: Lincom Europa, 1995.
- Malchukov 2013 — Malchukov A. Verbalization and insubordination in Siberian languages. Shared grammaticalization with special focus on the transeurasian languages. Robbeets M., Cuyckens H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 177–208.
- Nedjalkov 1997 — Nedjalkov I. Evenki. London / New York: Routledge, 1997.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva I., Tolskaya M. A grammar of Udihe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Pakendorf, Aralova 2009–2013 — Pakendorf B., Aralova N. DOBES archive. Even. Bystraja district. Conversations. 2009–2013.
- van der Auwera et al. 2003 — van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. A Semantic Map for Imperative-Hortatives. Contrastive Analysis in Language. Willems D., Defrancq B., Coleman T., Noël D. (eds.). Palgrave Macmillan, London, 2003.
- Whaley, Oskolskaya 2020 — Whaley L.J., Oskolskaya S. The classification of the Tungusic languages. The Oxford Guide to the Transeurasian Languages. First edition. Robbeets M., Saveljev A (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 306–320.

Кодирование аргументов двухместных предикатов в казымском диалекте хантыйского языка*

Дарья Александровна Рыжова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
daria.ryzhova@mail.ru

В статье представлен обзор стратегий кодирования аргументов двухместных предикатов в казымском диалекте хантыйского языка на типологическом фоне. Данные элицитированы по анкете [Сай и др. 2018] и дополнены материалами из корпуса и словаря. Выявлено несколько моделей кодирования аргументов: переходная, дативная-1 (первый участник маркирован дативом), дативная-2 (второй участник маркирован дативом), локативная, послеложная с разными послелогоми. Моделей, при которых оба участника маркировались бы косвенными средствами, не обнаружено. В работе показано, что каждая модель характерна для семантически однородной группы предикатов. Уровень переходности в исследуемом идиоме достаточно высок, а кроме того, действует механизм транзитивизации, переводящий по крайней мере некоторые непереходные конструкции в переходные.

Ключевые слова: казымский диалект хантыйского языка, двухместные предикаты, аргументная структура, модель управления, переходность, субъектно-объектное согласование, падежи, послелогои.

Bivalent predicates' argument encoding in Kazym Khanty

Daria Ryzhova

National Research University Higher School of Economics
daria.ryzhova@mail.ru

---

* Автор выражает глубокую благодарность Н. А. Муравьеву за помощь в работе с материалом. Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири».

The article provides an overview of strategies for two-place predicates' argument encoding in the Kazym dialect of the Khanty language on a typological background. The data were collected in the field based on the questionnaire [Say et al. 2018] and supplemented by corpus and dictionary surveys. Several models of arguments encoding have been identified: transitive, dative-1 (the first argument is marked with dative), dative-2 (the second argument is marked with dative), locative, postpositional with different postpositions. No patterns were found in which both participants would be marked by oblique means. The paper shows that each model corresponds to a semantically homogeneous group of predicates. The level of transitivity in the idiom under study is quite high, and, additionally, there is a transitivization mechanism that transforms at least some intransitive constructions into transitive ones.

Keywords: Kazym Khanty, bivalent predicates, argument structure, argument encoding, transitivity, subject and object agreement, cases, postpositions.

1. Введение

Статья посвящена стратегиям кодирования актантов при двухместных предикатах в казымском диалекте хантыйского языка. Эта тема уже получила достаточно широкое освещение в хантыйском языкознании. Валентностные классы глаголов и структурные модели формирования простого предложения в этом же диалекте описаны в докторской диссертации [Соловар 2011]. В грамматиках и отдельных статьях рассматриваются функции грамматических средств маркирования участников: падежей и послелогов, см. [Каксин 2007, Nikolaeva 1999, Лельхова 2012] и мн. др. Немало работ посвящено глагольной индексации объекта в обско-угорских языках, см., например, [Nikolaeva et al. 1993, Кошарева 2002, Virtanen 2012].

Мы предлагаем рассмотреть сюжет оформления актантов двухместных предикатов в новом ракурсе, а именно, не только с внутриязыковой (внутриареальной/внутригенетической), но и с типологической точки зрения. В качестве отправной точки мы берем набор предикатных значений, про которые известно, что они допускают разные стратегии кодирования двух основных участников в языках мира, и рассматриваем, какие средства оформления этих участников характерны для казымского диалекта хантыйского языка. Тем самым, мы отталкиваемся не от набора грамма-

тических средств с целью описать их функции, как это было сделано в предыдущих работах, а, напротив, движемся от функции к форме. Это позволяет нам, во-первых, сопоставить данные хантыйского языка с более широким типологическим фоном, а во-вторых, сформировать широкую базу для комплексных исследований целого ряда феноменов: залоговых преобразований, актантных дериваций, особенностей субъектно-объектного глагольного согласования. Все эти явления непосредственно связаны с исходной глагольной диатезой, однако структурные и семантические особенности этой связи еще не получили исчерпывающего описания — отчасти из-за отсутствия сплошного исследования исходных диатез.

Предикатные значения, на которые мы опираемся, — это анкета, разработанная в рамках проекта *BivalTyp* [Сай (ред.) 2018] и состоящая из 130 предложений — предикатных значений, помещенных в диагностический контекст. Проект *BivalTyp* посвящен типологии (не)переходности. Переходная модель — наиболее естественный способ оформления участников при двухместном предикате. Однако оказывается, что ни в одном языке эта модель не является единственной: при некоторых двухместных предикатах один или оба участника оформляются косвенными средствами. Кроме того, в типологической перспективе становится видно, что выбор стратегии в рамках одного языка не случаен. Среди ситуаций, предполагающих двух основных участников, выделяются такие, которые оформляются переходно почти всегда (например, ‘сломать’), а для других, наоборот, характерны косвенные средства (например, ‘драться’ или ‘отстать’). В свою очередь, среди тех, что предпочитают косвенное оформление, выделяются кластеры значений, стремящихся объединяться в рамках одной стратегии [Сай 2018].

Ниже мы рассмотрим, как эту анкету заполняет материал казымского диалекта хантыйского языка, сопоставим наши данные с общим типологическим фоном и сформулируем возможные направления для дальнейших исследований.

2. Данные и методы

Для заполнения анкеты [Сай и др. 2018] мы использовали материалы казымского подкорпуса Корпуса текстов на хантыйском языке [КХТ], сентенциальные примеры из словаря [Соловар 2014] и диссертации [Соловар 2011], а также переводы всех стимульных предложений одним носителем, жителем с. Казым, полученные в ходе нескольких сессий дистанционной полевой работы через Skype.

Не для всех пунктов анкеты в казымском диалекте хантыйского языка нашелся подходящий предикат. В одном случае (предикат ‘болеть-2’) у соответствующего предиката был выявлен запрет на поверхностное выражение второго участника, см. (1). Несколько стимульных предложений оказалось невозможно перевести с помощью двухместного предиката: для выражения соответствующих значений используются другие, неглагольные конструкции, см. (2). Для некоторых предикатных значений из анкеты в казымском диалекте хантыйского языка нет лексических средств (‘влиять’, ‘зависеть’, ‘лстить’, ‘отличаться’ и нек. др.). Кроме того, базовым и единственным средством выражения некоторых значений оказалась пассивная конструкция, ср. пример (3) для предиката ‘проиграть’, активный аналог которого соответствует другому пункту анкеты — ‘побеждать’. Наконец, для небольшого числа значений нам не удалось получить надежных данных.

После исключения всех неподходящих и спорных случаев в нашем распоряжении остается 100 предикатных значений, которым поставлены в соответствие глаголы и морфосинтаксические модели оформления их двух основных аргументов. Все дальнейшее изложение будет посвящено этой части нашей базы.

(1) *waša-j-en*   *mōšət-əl.*

Вася-EP-POSS.2SG   болеть-NPST[3SG]

‘Вася болеет (*гриппом).’¹

(2) *waša-j-en*   *ōχ-əl*   *kāši.*

Вася-EP-POSS.2SG   голова-POSS.3SG   больной

‘У Васи болит голова (букв. Васина голова больная).’

(3) *pet'a-j-en*   *waša-j-en-ən*   *nōχ*   *pit-s-a.*

Петя-EP-POSS.2SG   Вася-EP-POSS.2SG-LOC   вверх   падать-PST-PASS[3SG]

‘(Петя играл с Васей в шахматы). Петя проиграл Васе (букв. Петя побежден Васей).’

3. Морфологические средства кодирования актантов

В казымском диалекте хантыйского языка для кодирования аргументов двухместных предикатов используются падежные марке-

¹ Примеры, при которых не указан источник, элицированы автором. Для их записи используется финно-угорская транскрипция [Honti 1986; Кошкарёва, Соловар 2007]. В примерах из других источников сохраняется авторский формат записи и авторское глоссирование.

ры, послелого и — при особых условиях, см. [Nikolaeva et al. 1993, Кошкарева 2002] — глагольное согласование. В падежной системе выделяется четыре грамлемы: номинатив, аккузатив, датив и локатив (причем номинатив и аккузатив различаются только у местоимений, см. таблицу 1), а послелого представляют собой открытый класс, который пополняется за счет грамматикализации существительных с пространственной семантикой. Полнозначное имя или местоимение при послелого никак не маркируется, см. (4).

(4) *pet'a-j-en*   *χot ewəλt*   *kim*   *εt-əs*.
 Петя-EP-POSS.2SG дом от наружу выйти-PST[3SG]
 'Петя вышел из дома.'

Таблица 1. Падежная система в казымском диалекте хантыйского языка по [Кошкарева 2002, Каксин 2007].

	Существительные	Личные местоимения
Номинатив	-∅	-∅
Аккузатив	-∅	-at -ti
Датив	-a	-POSS -POSS-a
Локатив	-n/ən/-an	—

Мы рассмотрим падежные и послеложные модели в разделе 4, а глагольной индексации с ее особыми функциями посвятим отдельную секцию (раздел 5).

4. Падежные и послеложные модели

Самая распространенная модель кодирования участников при двухместных предикатах в казымском диалекте хантыйского языка — переходная (53% всех контекстов), см. (5). Поскольку номинатив и аккузатив морфологически различаются только у местоимений, в конструкциях с полнозначными именными группами роли участников маркируются, в первую очередь, порядком слов (стандартный порядок слов в хантыйском — SOV). Кроме того, в маркировании ролей аргументов участвует глагольное согласование: глагол всегда согласуется с субъектом и в особых ситуациях — с субъектом и объектом (подробнее об см. ниже, в разделе 5).

- (5) *pet'a-j-en kew wǒškə-s.*
 Петя-EP-POSS.2SG камень бросить-PST[3SG]
 'Петя бросил камень.'

Помимо переходной модели, возможны также несколько непереходных: дативная-1, при которой косвенным падежом маркирован первый участник² (3% случаев, пример (6)), дативная-2 с косвенным маркированием второго участника (16%, пример (7)), локативная (второй участник маркирован локативом, 6%, см. (8)), послеложная (первый участник в номинативе, второй входит в состав послеложной группы, 22% случаев, см. (9), а также (4) выше). Моделей, при которых оба участника маркировались бы косвенными средствами, в казымском хантыйском не обнаружены.

- (6) *pet'a-j-en-a χot kǎλ.*
 Петя-EP-POSS.2SG-DAT дом видно.NPST[3SG]
 'Петя видит дом (букв. Пете виден дом).'

- (7) *pet'a-j-en χət-a λǒη-əs.*
 Петя-EP-POSS.2SG дом-DAT войти-PST[3SG]
 'Петя вошел в дом.'

- (8) *pet'a-j-en pa pɛlak-ən λoɸ-ən jɔwəl.*
 Петя-EP-POSS.2SG другой сторона-LOC весло-LOC махать.NPST[3SG]
 'Петя на другом берегу машет веслом.'

- (9) *pet'a-j-en aj pǎlattə-λ pǎta*
 Петя-EP-POSS.2SG маленький высота-POSS.3SG из-за
wɸlə wɛɸ-əl.
 незнакомый делать-NPST[3SG]
 '(Петя самый маленький по росту в своем классе). Петя стесняется (букв. «незнакомое делает») своего роста.'

В казымском диалекте хантыйского языка, в отличие от ряда других уральских идиомов (например, венгерского), редуцирован-

---

² Из двух аргументов двухместного предиката один считается первым, а другой — вторым. Это разделение проведено главным образом на основе семантических свойств участников по [Dowty 1991] уже на уровне типологической анкеты, мы используем его в готовом виде и никак не обсуждаем.

ная падежная система. Н. Б. Кошкарева в [Кошкарева 2002] связывает это с ориентацией категории падежа в хантыйском в большей степени на прагматические, а не семантические противопоставления. Наш материал показывает, что функции падежей в казымском диалекте хантыйского языка все же не сводятся к чисто прагматическим: каждая модель оформления ядерных аргументов двухместных предикатов охватывает более или менее однородный с семантической точки зрения круг ситуаций.

Так, дательный падеж, который называют также дательно-направительным, маркирует, прежде всего, участников с ролью конечной точки ('войти в дом', 'погрузиться в воду', 'стрелять в цель', 'прилечь к столу' и др.) и адресата речи ('говорить Маше', 'отвечать учителю'), а также бенефицианта ('помочь маме') и стимула эмоциональных и ментальных состояний ('верить Васе', 'обрадоваться письму'). В нескольких случаях показатель датива маркирует не стимул, а, напротив, первого участника в роли экспериенцера ('Васе виден дом', 'Васе нужны деньги', 'Васе недостает 10 рублей'). Локативный падеж маркирует участников с ролью места ('сахар растворился в молоке'), а также инструмента ('играть на музыкальном инструменте', 'порезаться бритвой', 'махать веслом'), средства ('наполниться водой'), стимула физического состояния ('руки пахнут молоком'). Этим же падежом маркируется агент в пассивной конструкции, см. (3).

В послеложных конструкциях также выделяется несколько семантически однородных групп. Как уже было сказано выше, послелогии представляют собой регулярно пополняемый за счет грамматикализационных процессов класс. Большинство из них выражают пространственные и временные отношения (см., например, список послелогов в [Каксин 2007: 87–88]), но есть и ряд единиц, находящихся на более высоких ступенях грамматикализации и маркирующих ядерные актаны (см., например, (10), где послелог *ewəlt* 'от' вводит аргумент с ролью стимула). В таблице 2 приведены все послелогии, участвующие в оформлении аргументов предикатов из анкеты, вместе со списком предикатов и семантических ролей аргументов, которые вводят послелогии.

- (10) *pet'a-j-en*   *atp-əł*   *ewəlt*   *pəł*.
 Петя-EP-POSS.2SG   собака-POSS.3SG   от   бояться.NPST[3SG]
 '(Пете нужно выйти из дома, но во дворе лает собака). Петя боится собаки.'

Таблица 2. Послелого и предикаты, в кодировании аргументов которых они участвуют

Послелог	Количество предикатов	Предикаты	Семантические роли
<i>pīla</i> 'с'	7	встретиться, драться, ссориться, дружить, познакомиться, разговаривать, соглашаться	контрагент
<i>ewəłt</i> 'от'	5	выйти (из), слезть (с), избегать (букв. бегать от), отстать, бояться	начальная точка, стимул
<i>pēla</i> 'к, в сторону'	4	смотреть, завидовать, сердиться, обижаться	стимул
<i>pāta</i> 'из-за'	2	огорчаться, стесняться	стимул
<i>əłəp</i> 'про'	2	думать (= мечтать)	содержание
<i>takla</i> 'без'	1	скучать	стимул
<i>jīrijən</i> 'за, после'	1	следовать	ориентир

5. Глагольная индексация

Особую роль в маркировании участников двухместных предикатов в казымском диалекте хантыйского языка играет глагольное согласование с субъектом по лицу и числу и объектом по числу. Глагол всегда согласуется с субъектом клаузы, а согласование с объектом (так называемое субъектно-объектное согласование) контролируется не только семантико-синтаксическими, но и прагматическими параметрами. Так, субъектно-объектное согласование характерно для переходных конструкций, но не является для таких конструкций обязательным.

Основная роль субъектно-объектного согласования заключается, по-видимому, в дополнительном маркировании коммуникативных рангов участников. Согласно [Nikolaeva 2001], оно используется в тех случаях, когда объект не находится в фокусе высказывания, а является вторичным топилом, т.е. имеет достаточно высокий коммуникативный статус, но все же не более высокий, чем субъект, являющийся, соответственно, первичным топилом. Примеры (11)–(12) представляют собой минимальную пару:

в (11) объект находится в фокусе, и согласования с ним не происходит, а в (12) он является вторичным топиком и вызывает согласование на глаголе.

- (11) *pet'a-j-en*   *maša-j-əλ*   *sām-əη-a*
 Петя-EP-POSS.2SG   Маша-EP-POSS.3SG   сердце-ATTR-DAT

tāj-əλ.

иметь-NPST[3SG]

‘{Кого любит Петя, Катю?} Петя любит Машу.’

- (12) *pet'a-j-en*   *maša-j-əλ*   *sām-əη-a*
 Петя-EP-POSS.2SG   Маша-EP-POSS.3SG   сердце-ATTR-DAT

tāj-λ-əλλe.

иметь-NPST-3SG.SO

‘{Как Петя относится к Маше?} Петя Машу любит.’

Для нашего сюжета особенно интересно то, что прагматическая природа субъектно-объектного согласования сближает его с залоговыми преобразованиями («пермутативами», в терминологии [Мельчук 1998]). Известны и хорошо описаны обско-угорские регулярные альтернации в диатезах дитранзитивных глаголов, см. [Кошкарева 2002, Virtanen 2012] и др., где третий участник (адресат или конечная точка перемещения) может быть повышен в ранге, и это повышение всегда сопровождается понижением второго участника и появлением маркеров субъектно-объектного согласования на глаголе, ср. (13) и (14).

- (13) *aś-eλ*   *kinška*   *ew-eλ-a*   ***mā-s.***
 отец-POSS.3SG   книга   дочь-POSS.3SG-DAT   дать-PST[3SG]
 ‘{Что произошло?} Отец дал книгу дочери.’
 [Кошкарева 2002: 38]

- (14) *aś-eλ*   *ew-eλ*   *kinškaj-n*   ***mā-s-λe.***
 отец-POSS.3SG   дочь-POSS.3SG   книга-LOC   дать-PST-3SG.SO
 ‘{Что дал отец дочери?} Отец дал дочери книгу.’
 [Кошкарева 2002: 39]

Наш материал показывает, что такое возможно, по-видимому, и для двухместных предикатов, ср. (15a–b). В этом случае нет перераспределения рангов участников, а есть только повышение второго, без изменения статуса первого («неполный пермутатив», или «транзитиватив», по [Мельчук 1998]). Это становится причи-

ной вариативности между переходными и непереходными моделями кодирования участников при одном и том же предикатном значении. Мы отметили такую вариативность для ряда предикатов ('помочь', 'дотронуться'), но системный ее анализ требует дополнительного исследования. При подсчете процентного соотношения переходных и непереходных моделей такие случаи относились к непереходным.

- (15) а. *pet'a-j-en*   *maša-j-en-a*   *ńot-as*.
 Петя-EP-POSS.2SG   Маша-EP-POSS.2SG-DAT   помочь-PST[3SG]
 'Петя помог Маше.' {a = b}
- б. *pet'a-j-en*   *maša-j-əλ*   *ńot-s-əλλe*.
 Петя-EP-POSS.2SG   Маша-EP-POSS.3SG   помочь-PST-3SG.SO

6. Выводы и перспективы

Данные казымского диалекта хантыйского языка в целом укладываются в общую типологию кодирования актантов двухместных предикатов. Непереходное маркирование наблюдается в типологически ожидаемых случаях, причем объединения предикатных значений в рамках одной модели тоже соответствуют типологически регулярным, ср. кластеризацию прототипически непереходных предикатов на основе данных 78 языков в [Сай 2018: 568].

Доля переходных предикатов в хантыйском — по сравнению с другими уральскими языками — довольно высокая: 53%. Согласно данным исследования [Shagal, Say 2018], куда вошли материалы стандартного финского, ингерманландского финского, венгерского, эстонского, эрзянского, мокшанского, горномарийского, коми-зырянского, коми-пермяцкого, удмуртского и лесного энецкого, более высокий уровень переходности (56%) зафиксирован только в лесном энецком. Из всех языков, вошедших в выборку, лесной энецкий ближе всего к нашему идиому ареально. Интересно, однако, что при довольно близком общем уровне транзитивности переходность конкретных предикатов не всегда совпадает. Так, например, переходные в лесном энецком 'думать', 'бояться' непереходны в казымском диалекте хантыйского, и наоборот, 'победить', 'иметь' переходны в хантыйском, но непереходны в лесном энецком (подробнее о материале лесного энецкого см. [Овсянникова 2018]).

Вдобавок к общей довольно высокой доле переходных предикатов, многие предикаты допускают вариативность между пере-

ходными и непреходными (прежде всего, дативными с маркированием на втором участнике) моделями. Для многих языков характерна ситуация, когда один и тот же глагол характеризуется разными моделями управления, в зависимости от того, какие значения он выражает (ср. русск. *Молния ударила в дерево vs. Вася ударил Петю*). Такая вариативность обусловлена семантическими причинами и является скорее «штучным» явлением. В нашем же случае причины вариативности прагматические, что делает ее значительно более регулярной: фактически мы имеем дело с залоговым преобразованием, маркирующим повышение статуса второго участника без понижения первого. Однако степень регулярности такого преобразования еще только предстоит исследовать.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ATTR — атрибутивизатор; DAT — датив; EP — эпентеза; LOC — локатив; NPST — непростое время; PASS — пассив; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SO — субъектно-объектное согласование.

Источники

- KXT — Корпус текстов на хантыйском языке, собранный Е.В. Кашкиным в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012-2014 гг.).
- Соловар 2014 — Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «Формат», 2014.
- BivalTyp — Say, Sergey (Ed.). BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. <https://www.bivaltyp.info>, 2020. (Accessed on 30 July 2021).

Литература

- Каксин 2007 — Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.
- Кошкарева 2002 — Кошкарева Н.Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения (на материале казымского диалекта) // Языки коренных народов России. 2002. № 12. С. 29–44.
- Кошкарева, Соловар 2007 — Кошкарева Н.Б., Соловар В.Н. Увты муй ўвты: курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск: «Гео», 2007.
- Лельхова 2012 — Лельхова Ф.М. Глагольно-именные словосочетания хантыйского языка с зависимым именем в падежной форме // Вестник угроведения. 2012. №1 (8). С. 59–62.

- Мельчук 1998 — Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том II. Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998.
- Овсянникова 2018 — Овсянникова М.А. Кодирование участников при двухместных предикатах в лесном энецком языке // Урало-алтайские исследования. 2018. № 1 (28). С. 50–69.
- Сай 2018 — Сай С.С. Маркирование актантов двухместных предикатов: предварительные итоги типологического исследования // Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках / Сай С. С. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 557–618.
- Сай и др. 2018 — Сай С.С., Герасимов Д.В., Дмитренко С.Ю., Заика Н.М., Храковский В.С. Валентностные классы двухместных предикатов: типологическая анкета и инструкция исследователю // Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках / Сай С.С. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 25–46.
- Сай (ред.) 2018 — Сай С.С. (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018.
- Соловар 2011 — Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке: на материале казымского диалекта. Дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук. Йошкар-Ола: 2011.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. Iss. 67. Pp. 547–619.
- Honti 1986 — Honti L. Chrestomathia ostiatica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure // Linguistics. 2001. Iss. 39.1. Pp. 1–49.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. Ostyak. Languages of the World/Materials, 305. Muenchen: LINCOM EUROPA, 1999.
- Nikolaeva et al. 1993 — Nikolaeva I., Kovgan E., Koškarëva N. Communicative roles in Ostyak syntax // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1993. Iss. 51. Pp. 125–167.
- Shagal, Say 2018 — Shagal K., Say S. Bivalent verb classes in Uralic languages. Paper presented at the XLV Annual Conference of Linguistics (Kielitieteen päivät). University of Helsinki. May 7–9, 2018.
- Virtanen 2012 — Virtanen S. Variation in three-participant constructions in Eastern Mansi // Linguistica Uralica. 2012. Iss. 48.2. P. 120–130.

Изменения аргументной структуры в вымирающем языке: полевые данные ульчского языка*

Наталья Марковна Стойнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН /

Институт языкознания РАН

stoynova@yandex.ru

Статья посвящена вариативности моделей управления глагола в речи последних носителей ульчского языка (тунгусо-маньчжурские). Все современные носители свободно владеют русским языком и используют его более активно, чем ульчский. В статье рассмотрен вопрос о том, происходит ли в их ульчской речи копирование русских моделей управления. Данные элицитации и сопоставительный материал текстов от разных поколений носителей показывают, что такое синтаксическое копирование действительно имеет место, но в значительно меньшей степени, чем можно было бы ожидать, и часть случаев, которые на первый взгляд кажутся заимствованием русской модели, на самом деле стоит объяснять иначе.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык, русский язык, языковые контакты, языковой сдвиг, заимствование модели, аргументная структура.

Change in argument encoding in an endangered language: Field-data of Ulcha

Natalia Stoynova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS / Institute of Linguistics RAS

stoynova@yandex.ru

This paper deals with variation in argument encoding in Ulcha (Tungusic) attested across its last speakers. All modern speakers also speak Russian, moreover they use Russian more actively than

---

* Исследование поддержано грантом РФФ № 17-18-01649.

Ulcha. In this study, I checked whether they copy Russian valency patterns in their Ulcha speech. Elicited data and comparative data from texts created by different generations of Ulcha speakers show that this type of pattern borrowing does occur. However, it is much less widespread than one might expect, and some patterns that at first glance might be considered as copied from Russian, actually turn out to have other motivations.

Keywords: Tungusic languages, Ulcha, Russian, language contact, language shift, pattern borrowing, argument encoding.

1. Введение

Ульчский язык относится к южной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, близкий родственник нанайского языка, распространен в Ульчском районе Хабаровского края. Язык находится под угрозой исчезновения. По данным Переписи-2010, на нем говорит 154 человека, 6% от этнической группы. Все немногочисленные носители — старшего поколения, все владеют русским языком, который используется активнее, чем ульчский (см. [Герасимова 2002]; [Сумбатова, Гусев 2016]).

В работе будет рассмотрена вариативность в глагольном управлении, наблюдаемая в речи современных двуязычных носителей. Можно предположить, что она связана с влиянием русского языка. Так, в (1a) глагол ‘бояться’ управляет инструменталисом, а в (1b) — аккузативом. Модель управления в (1b) могла возникнуть по аналогии с русским.

- (1) a. *Šagža ura ŋamaul-ži ŋālā-č-i-ni.*
 белый мука теплый-INS пугаться-ITER-PRS-3SG
 ‘Белая мука **тепла** (букв. теплым/от теплого) боится.’
 (petrova_txt)
- b. *Suli amba-n sāgžam-bə ŋālā-č-i-ni.*
 лиса черт-3SG красный-ACC пугаться-ITER-PRS-3SG
 ‘Лиса — злой дух боится **красного**.’ (sunik_agv_txt)

Экспансия русских моделей управления в тунгусо-маньчжурских языках отмечалась для эвенкийского [Grenoble 2000], эвенского [Malchukov 2003], нанайского языков [Shagal 2013].

Модели управления глаголов — та область, где заимствование морфосинтаксического образца (pattern borrowing по [Sakel 2007]) легко заметно и кажется не требующим доказательств. В целом,

однако, в отличие от материальных заимствований, заимствование образца достаточно сложно отличить от результатов естественного развития языка, см., например, дискуссию в [Thomason 2009; Poplack, Levey 2012; Poplack 2021].

В ситуации языкового сдвига или неполного усвоения языка возникает дополнительная сложность: то, что похоже на заимствование образца, может быть результатом процесса регуляризации, упрощения системы, см. о разграничении этих процессов на материале вариативности моделей управления во французском языке Онтарио под влиянием доминирующего английского в [Mougeon et al. 2005].

Отдельный вопрос — наблюдая копирование русской модели управления, имеем ли мы дело с устойчивым изменением в языковой системе (собственно заимствованием) или с фактом о конкретном носителе и/или конкретной коммуникативной ситуации — «динамической интерференцией» в терминах [Paradis 1993]; [Grosjean 1989; 2001], или «межъязыковым праймингом» по [Loebell, Bock 2003].

В контексте вышесказанного я постараюсь ответить на следующие вопросы. Есть ли копирование русских моделей управления в современном ульчском языке или за наблюдаемой вариативностью стоит что-то иное? Если есть, то насколько оно устойчивое, можно ли считать эти модели управления частью ульчской грамматики? Насколько ульчская система кодирования аргументов и, шире, грамматика современных носителей в целом подвержена влиянию русской?

Вариативность моделей управления будет рассмотрена на материале двух типов — элицитированных данных от нескольких носителей разного возраста, раздел 2, и данных текстов разного времени, раздел 3. Раздел 4 содержит обобщения и выводы.

2. Данные элицитации

В работе использованы данные по двух- и трехместным предикатам. По двухместным предикатам была собрана типологическая анкета С. С. Сая [Say 2020], www.bivalentyp.info — 108 контекстов. Анкета по трехвалентным предикатам основана на типологической анкете [Comrie et al. 2010] — 62 предложения (в некоторых предикаты повторяются). Анкеты собраны от нескольких носителей самого старшего (1930-е г.р.) и самого младшего поколения (1950-е г.р.), см. таблицу 1.

Таблица 1. Данные элицитации: носители

носитель	г.р.	анкета по двухвалентным предикатам	анкета по трехвалентным предикатам
gip	1934	нет	да
tsd	1937	да	да
lpd	1939	фрагментарно	нет
nak	1956	фрагментарно	нет
ipr	1957	да	да

Носителю предлагалось перевести предложение с русского языка. Записывались все предложенные варианты, оценивать альтернативные предложенным варианты перевода носителя не просили.

Вариативность, обнаруженная при элицитации, иллюстрируется в (2).

- (2) а. *əktə*   *piktə*   *ičə-wən-čī-ni*   *nūčikə*   *kaskə-wə*
женщина   ребенок   видеть-CAUS-PST-3SG   маленький   кошка-ACC
xusə   *piktə-wə* / *piktə-du*.
мужчина   ребенок-ACC   ребенок-DAT (elicit., gip) — аккузатив ~ датив
‘Девочка показала **мальчику** своего котенка.’ (3_val: 25)
{a = b = c}
- б. *əktə*   *piktə*   *mən*   *kaskə*   *piktə-wə-n*
женщина   ребенок   сам   кошка   ребенок-ACC-3SG
xusə   *piktə-du*   *ičə-wən-čī-n*.
мужчина   ребенок-DAT   видеть-CAUS-PST-3SG — (elicit., ipr) — датив
- в. *əktə*   *piktə*   *xusə*   *piktə-ti*
женщина   ребенок   мужчина   ребенок-LAT
ičə-wən-čī-ni   *kaskə*   *piktə-wə-ni*.
видеть-CAUS-PST-3SG   кошка   ребенок-ACC-3SG (elicit., tsd) — латив

Носитель gip предлагает два варианта кодирования одушевленного участника ситуации ‘показывать’ (букв. видеть-CAUS ‘заставлять видеть’). Первый вариант — с аккузативом. Аккузативом стандартно маркируется участник-каузируемый при глаголах с каузативным суффиксом, поэтому такой вариант есть основания считать исконным. Второй вариант — с дативом, как в русском языке. Этот же вариант, в качестве единственного, предлагает более молодой носитель ipr. Носитель tsd предлагает еще один вариант — с лативом (букв. ‘показывать к кому’): это вариативность, явно не связанная с русским влиянием.

В таблице 2 показано количество предикатов, для которых за-
свидетельствована вариативность, предположительно возникаю-
щая под влиянием русского языка (как в (2a) и (2b)).

Таблица 2. Данные эликации: предикаты с вариативностью

	двухвалентные		трехвалентные	
вариативность	10	9,26%	28	40,32%
без вариативности	69	63,89%	29	51,61%
NA	29	26,85%	5	8,06%
всего	108	100,00%	62	100,00%

* в столбец «вариативность» попали в т.ч. контексты, для которых несколь-
ко вариантов было предложено одним и тем же носителем (как в 2a)

** в столбце «вариативность» учтена только такая вариативность, при кото-
рой один из вариантов идентичен или похож на русский (как в (2b), но
не как в (2c))

*** NA — данные получены только от одного носителя или разные носители
использовали разные глаголы

В выборке двухвалентных предикатов интересующей нас ва-
риативности неожиданно мало. В выборке трехвалентных предик-
атов — больше, но разница связана, видимо, только с тем, что
для трехвалентных глаголов больше позиций для вариативности,
и с тем, что контексты в этой анкете были более однотипны (в
т.ч. с повторяющимися предикатами).

В таблицах 3 и 4 показано, какие носители склонны выбирать
модель управления, характерную для русского языка, а какие нет.

Таблица 3. Двухвалентные предикаты с вариативностью: сравнение носителей

код_г.р.	tsd_1937	lpd_1939	nak_1956	ipr_1957
русская модель	4	1	1	6
тунгусская модель	5	3	5	2
NA	0	5	3	1

Таблица 4. Трехвалентные предикаты с вариативностью: сравнение носителей

код_г.р.	gip_1934	tsd_1937	ipr_1957
русская модель	12	1	16
тунгусская модель	12	17	4
NA	1	7	5

* NA — от носителя не собран этот контекст, или носитель использовал
другой глагол

Для сравнения носителей данных недостаточно, однако некоторые наблюдения сделать можно. Данные по трехвалентным предикатам более последовательны: у самого молодого носителя больше всего употреблений с русской моделью, у двух старших носителей — меньше. Данные по двухвалентным предикатам, собранные от большего числа носителей (но с меньшим количеством глаголов), дают более сложную картину: наиболее склонен к употреблению русской модели тот же молодой носитель *ipr*, но его ровесница *pak*, наоборот, устойчиво употребляет тунгусскую, по-разному ведут себя и носители одного поколения *lpd* и *tsd*.

3. Данные текстов

В исследовании использованы тексты из четырех коллекций: опубликованные тексты из [Петрова 1936]; [Суник 1985], архивные записи Л. И. Сем, записи Е. Ю. Калининой и др. и наши собственные записи. Из текстов была извлечены все употребления 23 глаголов с вариативностью модели управления (3090 употр.). Глаголы были отобраны на основе данных анкет (см. выше) и полевых наблюдений, для анализа были взяты только те примеры, в которых выражены интересующие нас аргументы, — всего 752 употребления.

Примеры принадлежат 47 носителям с 1880 по 1957 г.р. Я условно разделила их на две группы — «старших» и «младших» — по 1920 г.р. Носители до 1920 г.р., если и знали русский, то освоили его уже в относительно взрослом возрасте как второй язык. В их речи копирования русской модели не ожидается. Носители начиная с 1920 г.р. имели возможность столкнуться с русским языком уже в детстве и слышали его все больше на протяжении жизни, для них можно ожидать копирование русской модели.

Следовательно, если модель управления, похожая на русскую, находится только в текстах от младших носителей, то перед нами действительно структурное влияние русского языка. Если же она с равной частотой обнаруживается и в ранних, и в поздних текстах, то совпадение случайно и вариативность была исходно присуща ульчской системе. Ниже я рассмотрю глаголы с участником — адресатом речи, а по остальным дам общие подсчеты.

При глаголах речи *wəp-* ‘говорить’, *aldač-* ‘рассказывать’, *paŋsi-* ‘спрашивать’, *gəla-* ‘просить’, а также некоторых других семантически близких глаголах адресат может выражаться формой латива (‘говорить к кому’), (3а), (4а). При этом фиксируется и модель управления, похожая на русскую, — датив для ‘говорить’, ‘рассказывать’ (3б), аккузатив для ‘просить’ и ‘спрашивать’ (4б).

- (3) a. *ǃǃ min-ti aldač-i-xa-n...*
 мать я-LAT рассказывать-PST-3SG
 ‘Мать **мне** рассказывала...’ (oax_txt)
- b. *Ti-wa = gdə mun-du aldač-i-n...*
 этот-ACC = PTCL мы-DAT рассказывать-PRS-3SG
 ‘**Нам** это рассказывает...’ (nk_kalinina_txt)
- (4) a. *Tapi ǃǃ-ti paŋsa-xam...*
 потом мать-LAT спрашивать-PST.1SG
 ‘Потом я **мать** спросила...’ (oax_txt)
- b. *Mum-bə paŋs-i-t = guni pāldun...*
 мы-ACC спрашивать-PRS-3PL = ведь иногда
 ‘**Нас**, конечно, иногда спрашивают...’ (spd_txt)

Для глаголов типа ‘говорить’ датив на месте латива действительно появляется только у младших носителей и, видимо, под русским влиянием. Но интересно, что и в их речи он очень редок, т.е. ульчская модель устойчива. Так, заимствованный глагол *zwoni-* ‘звонить’ ни разу (из 15 употр.) не встретился с русской дативной моделью управления.

Глаголы ‘просить’ и ‘спрашивать’ ведут себя по-разному. Для ‘просить’ «русская» аккузативная модель встретила только у младших носителей, причем чаще лативной. А для ‘спрашивать’ она встречается, наряду с лативной, и у старших носителей, и ее процент не меняется. Таким образом, для ‘просить’ можно предполагать контактное влияние, а для ‘спрашивать’, видимо, нет.

Количественные данные по этим и по всем другим глаголам, вошедшим в выборку, показаны в таблице 5. Там же перечислены сами глаголы и их модели управления.

Данных по каждому глаголу немного, но по ним видно, что:

- глаголы ведут себя по-разному, не для всех есть основания подозревать русское влияние: те, для которых это так, помечены серым; те, для которых картина неясна, — светло-серым; те, для которых «русская» модель управления равно свойственна старшим и младшим носителям, не закрашены;
- для тех глаголов, для которых русское влияние более очевидно, оно, тем не менее, невелико: отчетливого перехода на русскую модель не происходит;
- данные текстов подтверждают данные элицитации: из элицированных глаголов употреблений с «русской моделью» не нашлось только для ‘показывать’.

Таблица 5. Текстовые данные по отдельным классам глаголов

класс глагола	модели упр-я (TUNG~RUS)	глаголы	стар- шие: TUNG	стар- шие: RUS	млад- шие: TUNG	млад- шие: RUS	стар- шие: % RUS	млад- шие: % RUS
говорить: кому	LAT~DAT	<i>wəl</i> - 'говорить', <i>aldaci</i> - 'расска- зывать', <i>zwopi</i> - 'звонить', <i>texogap</i> - 'кланяться'	37	0	97	3	0,00%	3,00%
спрашивать: кого	LAT~ACC	<i>paŋsi</i> -	8	2	23	7	20,00%	23,33%
просить: кого	LAT~ACC	<i>gələ</i> -	13	0	1	5	0,00%	83,33%
помогать: кому	ACC~DAT	<i>balaci</i> -	5	0	19	4	0,00%	17,39%
кормить, поить: чем	ACC~INS	<i>ʒərc-wəl</i> - 'кормить', <i>imi-wəl</i> - 'поить'	3	0	8	2	0,00%	20,00%
показывать: кому	ACC/LAT~DAT	<i>ičə-wəl</i> -	1	0	8	0	0,00%	0,00%
помещение в пространстве: куда	DAT/0~LAT	<i>nə</i> - 'класть', <i>loqo</i> - 'вешать', <i>xīlu</i> - 'сыпать, лить', <i>tə</i> -, <i>ū</i> -, <i>də</i> - (+ CAUS) 'садиться', <i>il</i> - (+ CAUS) 'вставать'	25	12	111	81	32,43%	42,19%
бояться: чего	INS~ACC	<i>lǝlə</i> -(<i>či</i>)-	13	0	22	6	0,00%	21,43%
смотреть: на что	ACC~LAT	<i>ičə</i> -(<i>ʒə</i>)-	22	22	26	49	50,00%	65,33%
рожать: кого	DEST/ACC~ACC	<i>riktə</i> - <i>baqa</i> - 'ребенка получать'	3	7	1	51	70,00%	98,08%
жениться: на ком	DEST/ACC~ACC	<i>asi</i> -/ <i>adiži</i> - <i>baqa</i> -, <i>gələ</i> -, <i>paŋsi</i> -, <i>gaʒo</i> -, <i>ʒəra</i> - 'жену/мужа полу- чать, просить, спрашивать, при- водить, брать...'	3	0	35	4	0,00%	10,26%
родить(ся): от кого	LOC~INS	<i>riktə</i> - <i>baqa</i> - 'родить ребенка', <i>balʒi</i> - 'родиться'	4	2	2	5	33,33%	71,43%

Таблица 6 суммирует данные по всем глаголам — тем, для которых изначально предполагалось русское влияние, и отдельно только тем, для которых оно по данным текстов кажется правдоподобным. В обоих случаях разница между старшими и младшими носителями по доле «русской» модели управления значима. В обоих случаях суммарная доля употреблений по русской модели меньше половины.

Таблица 6. Русская vs. тунгусская модель управления у старших и младших носителей

	все: TUNG	все: RUS	% RUS	точный двуст. критерий Фишера	подвы- борка: TUNG	подвы- борка: RUS	% RUS	точный двуст. критерий Фишера
1880– 1920	137	45	24,73%	p = 0,0009	71	7	8,97%	p < 0,0001
1920– 1959	353	217	38,07%		140	69	33,01%	

Данные по отдельным носителям (для полной выборки) показаны на рисунке 1.

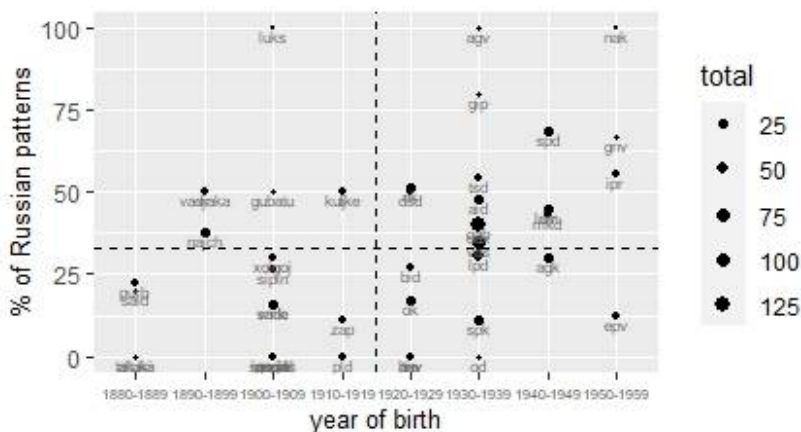

Рисунок 1. Распределение «русской» модели управления по носителям

- * каждая точка соответствует носителю, размер точки показывает количество употреблений от данного носителя
- ** вертикальная линия — условная граница между старшими и младшими носителями, горизонтальная — средний процент русской модели управления

Данные по отдельным носителям более хаотичны, но в целом укладываются в приведенную в таблице 6 тенденцию.

4. Заключение

Рассмотренные данные позволяют дать следующие, предварительные, ответы на вопросы, поставленные в работе.

1) В ульчском языке есть случаи, которые с уверенностью можно отнести к копированию русской модели управления.

2) Однако не каждая модель управления, похожая на русскую, при более детальном анализе оказывается результатом контактного влияния.

3) Нет заметных различий между данными элицитации и текстов. Копирование моделей управления в элицитированных данных можно было бы объяснить «межъязыковым праймингом» при переводе с русского на ульчский. Тот факт, что практически все «русские» модели управления, обнаруженные при элицитации, встречаются и в текстах, говорит о достаточной «надежности» элицитированных данных: если прайминг и есть, то не очень сильный. Обнаруженное при элицитации копирование русской модели можно считать фактом языковой системы — в той степени, в какой можно говорить о стабильной системе в условиях языкового сдвига и очень небольшого количества носителей.

4) Влияние русской системы на ульчскую значительно меньше, чем можно было бы ожидать. Дело, видимо, в том, что контакт с русским языком в данном случае хотя и очень интенсивный, но строго асимметричный и очень непродолжительный. Можно сказать, что русский язык сменяет ульчский, практически не успев повлиять на его систему.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CONNEG — конегатив; DAT — датив; DEST — дестинатив; EMPH — эмфаза; FUT — будущее время; INS — инструменталис; ITER — итератив; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

Герасимова 2002 — Герасимова А.Н. Нанайский и ульчский языки в России: сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки Коренных народов Сибири. 2002. № 12. С. 246–257.

- Петрова 1936 — Петрова Т.И. Ульчский диалект нанайского языка. М.–Л.: Гос. уч.-пед. изд, 1936.
- Сумбатова, Гусев 2016 — Сумбатова Н.Р., Гусев В.Ю. Ульчский язык // Михальченко В.Ю. (гл. ред.). Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 513–515.
- Суник 1985 — Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- Comrie et al. 2010 — Comrie B., Haspelmath M., Malchukov A. Questionnaire on ditransitive constructions // Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 65–73.
- Grenoble 2000 — Grenoble L.A. Morphosyntactic change: the impact of Russian on Evenki // Gilbers D., Nerbonne J., Schaeken J. (Eds.) Languages in contact. (Studies in Slavic and General Linguistics, 28.) Amsterdam–Atlanta, GA: Rodopi, 2000. Pp. 105–120.
- Grosjean 1989 — Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person // Brain and Language. 1989. № 36. Pp. 3–15.
- Grosjean 2001 — Grosjean F. The bilingual's language modes // Nicol J. (ed.). One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing. Cambridge, MA: Blackwell, 2001. Pp. 1–22.
- Loebell, Bock 2003 — Loebell H., Bock K. Structural priming across languages // Linguistics. 2003. № 41. Pp. 791–824.
- Malchukov 2003 — Malchukov A.L. Russian interference in Tungusic languages in an areal-typological perspective // Ureland P.S. (ed.). Studies in Eurolinguistics. Vol. 1 Convergence and divergence of European languages. Berlin: Logos Verlag, 2003. Pp. 235–251.
- Mougeon et al. 2005 — Mougeon R., Nadasdi T., Rehner K. Contact-induced linguistic innovations on the continuum of language use: The case of French in Ontario // Bilingualism: Language and Cognition. 2005. № 8. Vol. 2. Pp. 99–115.
- Paradis 1993 — Paradis M. Linguistic, psycholinguistic, and neurolinguistic aspects of “interference” in bilingual speakers: The activation threshold hypothesis // International Journal of Psycholinguistics. 1993. № 9. Vol. 2. Pp. 133–145.
- Poplack 2021 — Poplack Sh. A variationist perspective on language contact // Adamou E., Matras Y. (eds.). The Routledge Handbook of Language Contact. London–New York: Routledge, 2021. Pp. 46–62.
- Poplack, Levey 2010 — Poplack Sh., Levey S. Contact-induced grammatical change: A cautionary tale // Auer P., Schmidt J.E. (eds.). Language and space: An international handbook of linguistic variation. Volume 1: Theories and Methods. Berlin–New York: Mouton De Gruyter, 2010. Pp. 391–419.
- Sakel 2007 — Sakel J. Types of loan: Matter and pattern // Matras Y., Sakel J. (eds.). Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. Pp. 15–30.

- Say 2020 — Say S. (ed.) *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. (Available online at <https://www.bivaltyp.info>, Accessed on 21 January 2021.)
- Shagal 2013 — Shagal K. Nanai argument structure: Russian influence // *ESUKA — JEFUL*. 2013. № 4–2. Pp. 117–130.
- Thomason 2009 — Thomason S.G. Why universals versus contact-induced change // Filppula M., Klemola J., Paulasto H. (eds.). *Vernacular Universals and Language Contacts: Evidence from Varieties of English and Beyond*. London: Routledge, 2009. Pp. 349–364.

Русские числительные в осетинской речи: структурные и семантические особенности*

Ирина Андреевна Хомченкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН /

МГУ имени М. В. Ломоносова

irina.khomchenkova@yandex.ru

В речи носителей осетинского языка встречаются осетинские и русские числительные. Корпусный анализ показал, что на выбор русского языка влияет тип контекста (более формальные контексты: образование, дата...) и арифметическое значение (> 10). Тип числительного не влияет напрямую на частотность, а определяет тип составляющей. Конструкции с количественными числительными менее конгруэнтны в русском и осетинском, чем конструкции с порядковыми числительными, поэтому для количественных числительных доступна только опция острова включенного языка (русские слова в соответствии с правилами русского языка), а для порядковых числительных предпочтительны смешанные составляющие (русские слова в морфосинтаксической рамке осетинского) в терминах К. Майерс-Скоттон.

Ключевые слова: числительные, переключение кодов, рамочная модель матричного языка, осетинский язык, русский язык.

Russian numerals in Ossetic speech: Structural and semantic features

Irina Khomchenkova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS /

Lomonosov Moscow State University

irina.khomchenkova@yandex.ru

---

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Both Ossetic and Russian numerals are used in Ossetic speech. The corpus analysis showed that the choice of Russian is influenced by the context (more formal contexts: education, date...) and arithmetical value (>10). The numeral type does not directly affect the frequency; it determines the constituent type. Constructions with cardinals are less congruent in Russian and Ossetic than constructions with ordinals, therefore, for cardinals only the embedded island option is available (Russian words in accordance with Russian morphosyntactic rules), and for ordinals mixed constituents are preferable (Russian words in the Ossetic morphosyntactic frame) in terms of Myers-Scotton (1993).

Keywords: numerals, code-switching, Matrix Language Frame Model, Ossetic, Russian.

1. Введение

В данной работе представлен анализ употребления числительных, которые встречаются как на осетинском, так и на русском, в современных устных текстах на осетинском языке (< иранские < индо-европейские). Так, в (1) значения ‘пятый’ и ‘седьмой’ переданы русскими словами, а ‘второй’ — осетинским.

(1) *Æмæ гыццыл-æй стыр-æй цууылдæр пятый кълас-ы*
и маленький-ABL большой-ABL все пятый.R класс-GEN

онг дзы уыд-ис æмæ пятый-т-æм
до 3SG.ENCL.IN быть-PST.INTR.3SG и пятый.R-PL-ALL

ба-цыд-ыст-æм æмæ уæд дыккаг хатт седьмой-т-ы
PV-идти-PST.INTR-1PL и тогда второй раз седьмой.R-PL-IN

фæстæм.

обратно

‘И маленькие, и большие все до пятого класса здесь учились и в пятый пошли и второй раз пошли в седьмой класс.’ [«Автобиография Марии Батиевой», 2.2]

Материалом для исследования послужил корпус осетинского (иронского) языка, который был собран коллективом осетинской экспедиции под рук. А. П. Выдрина в 2007–2013 гг. в с. Даргавс (<https://www.ossetic-studies.org/ru/texts/iron>), и на текущий момент насчитывает около 60000 словоупотреблений (20 текстов, в основном нарративы). Жители с. Даргавс владеют осетинским и русским; однако, несмотря на влияние русского языка, степень

сохранности осетинского языка. Хорошая сохранность языка в селах отмечалась также в [Валиева 2012: 117]: «в городах во всех сферах речевой деятельности преобладает русский язык, в то время как в сельской местности — осетинский».

Осетинско-русский билингвизм широко распространен как минимум сто лет. О взаимодействии осетинского и русского языков и о социолингвистической ситуации для осетинского см. [Камболов 2007] и [Валиева 2012]. Информации о многоязычии до 1917 года не так много; ожидается, что в 19 веке наблюдался билингвизм с кабардинским, карачаево-балкарским и/или нахскими языками (Северная Осетия) [Belyaev 2019: 469].

В работах предшественников вопрос сосуществования русских и осетинских числительных в речи осетин либо не был затронут вовсе, либо не описывался подробно. Так, в [Гуриев 1962] приведено подробное описание влияния русского языка на развитие осетинской лексики, а именно большое количество лексических заимствований из русского: «Осетинский язык из русского заимствовал слова *университет, бригада, парламент, патефон* и т.д. в советскую эпоху, так как только теперь явилась потребность в выражении тех понятий, которые обозначают эти слова» [Гуриев 1962: 7]. Работа [Дзодзикова, Кульчиева 2016], наоборот, посвящена русским словам, которые имеют аналоги в осетинском. Авторы обсуждают примеры использования русских существительных, прилагательных, числительных, глаголов, частиц и междометий, которые употребляются вместо соответствующих осетинских слов.

Согласно [Дзодзикова, Кульчиева 2016: 119], русские числительные «служат обозначением значительных исторических дат» и используются для «названия денежных единиц и обозначений времени». Д. Эршлер отмечает, что в разговорной речи русские числительные используются при арифметическом значении более десяти [Ershler 2020]. Мы проверим эти утверждения на наших корпусных данных.

Работа структурирована следующим образом. В части 2 приводится описание конструкций с количественными и порядковыми числительными в русском и осетинском языках. Часть 3 посвящена структурным типам конструкций с русскими числительными. В части 4 обсуждаются факторы, которые могут влиять на выбор русских числительных в речи. Наконец, в заключительной части подводятся итоги.

2. Конструкции с числительными в русском и осетинском

Структура конструкций с **количественными** числительными в русском языке обсуждалась, например, в [Мельчук 1985; Babby 1987; Corbett 1993; Pesetsky 2013; Ionin, Matushansky 2018]. Числительные *два*, *три* и *четыре* требуют специальную форму существительного в субъектной позиции (*три коты идут*) и в позиции прямого дополнения у неодушевленных существительных (*Вася срубил три дерева*), которая совпадает с генитивной¹. Числительные более пяти в этих же позициях требуют генитивной формы множественного числа, ср. *Пять котов идут*, *Вася срубил пять деревьев*. В прочих позициях (и у одушевленных существительных в позиции прямого дополнения) и числительное, и существительное имеют падежное маркирование, соответствующее глагольному управлению, ср. *Катя погладила трех/пять котов*, *Катя дала трем/пяти котам молока*.

В осетинском языке, согласно [Абаев 1959: 32], числительное сочетается с генитивной формой существительного: *дъууа бон-ы* (два день-GEN) 'два дня', *дас бон-ы* (десять день-GEN) 'десять дней'. Однако если структура предложения требует падежное маркирование на группе с числительным, то существительное маркируется нужным падежом, а числительное остается немаркированным: *дас бон-агн* (десять день-DAT) 'десяти дням', *дас бон-ма* (десять день-ALL) 'к десяти дням', *дас бон-авл* (десять день-AVL) 'от десяти дней' и др. Несмотря на кажущееся на первый взгляд сходство с «генитивным» маркированием существительного и в русском, и в осетинском языке, правила приписывания этого «генитива» отличаются. Более того, согласно [Belyaev 2017], в осетинском языке эта «генитивная» форма существительного при числительном на самом деле никак не связана с родительным падежом, а является нумеративным показателем, который лицензируется не только числительными, но и рядом модификаторов и мог происходить из древнеиранского двойственного числа.

Порядковые числительные в русском языке являются именными модификаторами и согласуются по падежу, роду и числу с существительным, ср. *третья кошка / третьих кошек*. В осетинском языке они также являются именными модификаторами, но не согласуются с существительным (как и прочие именные модификаторы) [Абаев 1959: 30, 31], см. (2).

¹ Некоторые исследователи считают ее особой «паукальной» формой, ср. [Зализняк 2002; Ionin, Matushansky 2018].

(2) *Лæппу цуæндæс-æм кълас-ы ахуыр кæн-ы,*
 мальчик одиннадцать-ORD класс-IN учеба делать-PRS.3SG

чызг дыккаг курс-йы экономически-йы.
 девочка второй курс-IN экономический-IN

‘Сын учится в одиннадцатом классе, дочь на втором курсе экономического.’ [«Рассказ о жизни», 2.13]

Таким образом, порядковые числительные в русском и осетинском имеют похожую синтаксическую дистрибуцию, являясь именными модификаторами. Структура конструкций с количественными числительными, в свою очередь, отличается в двух рассматриваемых языках. Таким образом, мы можем ожидать разные способы встраивания русских порядковых и количественных числительных в осетинскую речь. В следующей части мы обсудим возможные конфигурации числительного и существительного в зависимости от типа числительного.

3. Структурные типы конструкций с русскими числительными

Всего в корпусе встретилось 18 русских числительных и 99 осетинских числительных, из которых 40 порядковых числительных и 68 количественных. Как видно из таблицы 1, русских порядковых числительных значительно больше, чем количественных (двусторонний точный тест Фишера, p -value < 0.0001).

Таблица 1. Тип числительного и язык

	Русский	Осетинский	% русских числительных
Порядковое	17	23	42,5%
Количественное	1	67	1,5%

Единственная в корпусе группа с количественным числительным встроилась в предложение в соответствии с грамматикой русского языка: *пятьдесят лет*, а не, например, *пятьдесят год* (3).

(3) *Æз пятьдесят лет уæлæ фыййау-мæ хъомгæс куы*
 я пятьдесят.R лет.R вон_наверху пастух-ALL пастух ведь
фæ-цыд-тæн.

PV-идти-PST.INTR.1SG

‘Я ведь пятьдесят лет там, наверху работала пастухом.’ [«Дома и дети 2», 20.5]

Встраивание групп с порядковыми числительными в осетинскую речь соответствует следующим трем типам конструкций:

- русское числительное + русское существительное + осетинский аффикс (4) — 4 случая;
- русское числительное + осетинское существительное (5) — 8 случаев;
- русское числительное + осетинский аффикс (6), см. также (1) — 5 случаев.

(4) *Кæд афтæ уæд первый этаж-ы ба-лхæн-æм.*
 если так тогда первый.R этаж.R-IN PV-купить-PRS.1PL
 ‘Ну если так, тогда на первом этаже мы купим.’ [«Дома и дети», 4.6]

(5) *Æмæ скъола ра-йдыд-т-а сорок четвертый*
 и школа PV-начинать/ся-TR-PST.TR.3SG сорок.R четвертый.R
аз-ы, цу мин фараст сæдæ цыппур цыппæр-æм аз-ы.
 год-IN один тысяча девять сто сорок четыре-ORD год-IN
 {После войны школы же не было, } ‘и школа началась в 44 го-
 ду, в 1944 году.’ [«Рассказ о жизни», 1.1]

(6) *Æмæ пятый-т-æм ба-цыд-ыстæм.*
 и пятый.R-PL-ALL PV-идти-PST.INTR.1PL
 ‘И [мы] в пятый [класс] пошли.’ [«Автобиография Марии Батиевой», 2.2]

Обсудим эти примеры с помощью «рамочной» модели матричного языка (см., например, [Myers-Scotton 1993]), которая основана на противопоставлении более активированного матричного языка и включенного языка (в нашем случае осетинского и русского языков). Матричный язык задает морфосинтаксическую рамку для фрагментов с включенным языком, накладывая ограничения на значимые морфемы (единицы открытого класса: существительные, глаголы и т. д.) и служебные морфемы (единицы закрытого класса: окончания, артикли и т. д.).

Существует три типа составляющих: острова матричного языка, острова включенного языка и смешанные. Пример с количественным числительным (3) представляет собой остров включенного языка (в котором значимые и служебные морфемы включенного языка используются в соответствии с правилами включенного языка), а пример с порядковым числительным (5) — смешанная составляющая (в которой используются значимые и служебные

морфемы из матричного языка, а также служебные морфемы из включенного языка, но в соответствии с грамматическими правилами матричного языка).

В [Khomchenkova, Pleshak 2021] отмечалось, что русских порядковых числительных значительно больше, чем русских количественных числительных в мокшанской и горномарийской речи, и русские количественные числительные могут встречаться только в островах включенного языка, в то время как русские порядковые числительные — и в островах включенного языка, и в смешанных составляющих. Этот эффект также достигается за счет того, что структура конструкций с количественными числительными в русском и финно-угорских языках неконгруэнтна, в то время как порядковые числительные представляют собой адеквативы в этих языках и структурно похожи.

Мы предполагаем, что структурные ограничения, накладываемые типом числительного, ортогональны частотности. Тип числительного определяет, как именно русский фрагмент может встроиться в осетинское предложение: как остров включенного языка (см. пример с кванторным словом (7)) или как смешанная составляющая (см. пример с прилагательным (8)).

(7) [**Всю жизнь**] *йæ = мад*   *æмæ йæ = фыд*
 POSS.3SG = мать   и   POSS.3SG = отец

наæ   *цæр-дзысты* <НРЗБ>
 NEG   жить-FUT.3PL

‘Всю жизнь его мать и его отец не будут жить...’ [«Дома и дети 2», 39.1]

(8) *Дыууæ*   *палас-ы,*   *детски*   *кроватькæ,*
 два   палас-GEN   детский.R   кроватька.R

уйй   *рай-хæлд-т-он*   *æмæ = йæ*
 3SG   PV-развязывать-TR-PST.TR.1SG   и = 3SG.ENCL.GEN

шифоньер-ы   *сæр*   *с-æвард-т-он.*
 шифоньер.R-GEN   на   PV-класть-TR-PST.TR.1SG

(И еще у него что осталось.) ‘Два паласа, детская кроватька, я его развязала и положила на шифоньер.’ [«Дома и дети 2», 34.9]

В следующем разделе мы рассмотрим, какие факторы могут влиять на частотность русских числительных (если предполагать, что тип числительного не влияет на частотность, а лишь определяет способ встраивания русского фрагмента в осетинскую речь).

4. Факторы, которые могут влиять на выбор языка

Описывая факторы, которые могут влиять на выбор языка в группах с числительными, мы, во-первых, ориентируемся на работу [Matras 2007], в которой автор кратко обсуждает заимствование числительных в языках мира и утверждает, что вероятность использования заимствованных числительных может зависеть от арифметического значения (например, числительные более 10 будут чаще встречаться в заимствованном формате) и контекста (более формальные контексты: даты, адреса, денежные транзакции и т.д. vs менее формальные контексты). Также отмечается, что для порядковых и количественных числительных зависимость от арифметического значения может быть разной.

Использование русских числительных в речи на финно-угорских языках также зависит от арифметического значения и/или контекста. См., например, [Максимов 2017: 12–13; Janurik 2017: 117; Sarhima 1999: 234; Pyöli 1996: 295; Пинеда 2009: 31–34].

Как мы упоминали во введении, Д. Эршлер отмечал, что в осетинской речи числительные более десяти чаще используются на русском [Ershler 2020]. На всем массиве числительных эта тенденция соблюдается (двусторонний точный тест Фишера, $p\text{-value} = 0.0174$), см. таблицу 2а. Однако, если рассмотреть только порядковые числительные, то влияние арифметического значения не сохраняется ($p\text{-value} = 1$), см. таблицу 2б.

Таблица 2а. Арифметическое значение и язык

	Русский	Осетинский	% рус.
десять и меньше	12	82	12,8%
более десяти	6	9	40%

Таблица 2б. Арифметическое значение и язык
(для порядковых числительных)

	Русский	Осетинский	% рус.
десять и меньше	12	17	41,4%
более десяти	5	6	45,5%

В работе [Дзодзикова, Кульчиева 2016: 119] отмечалось, что русские числительные «служат обозначением значительных исторических дат», а также используются для «названия денежных единиц и обозначений времени». В нашем корпусе русские порядковые числительные встречаются в следующих контекстах:

образование, год, месяц, ‘этаж’ и ‘сорт’, см. примеры (6), (5), (9), (4) и (10) соответственно. Количественное числительное встретилось в контексте временного промежутка (3). Распределение по контекстам подробно представлено в таблице 3а, а также кратко в таблице 3б (двусторонний точный тест Фишера, $p\text{-value} = 0,00001$).

- (9) *æвзæр бон с-код-т-а* **двадцаты** *ссæдз-æм*
 плохой день PV-делать-TR-PST.TR.3SG двадцатый.R двадцать-ORD

сентябр-ы.

сентябрь-IN

‘Плохой день выпал на 20 сентября.’ [«Ледник», 1.1]

- (10) *уый дæр первый сорт-ыл нымад уыд-ис.*
 3SG PTCL первый.R сорт.R-SUPER счет быть-PST.INTR.3SG
 (Мясо на турбазу сдавали, и) ‘его тоже за первый сорт считали.’ [«Охота на туров», 1.7]

Таблица 3а. Тип контекста, тип числительного и язык

Тип контекста	edu		year	month	time period	other	
Тип числительного	ord	card	ord	ord	card	ord	card
Русский	7		4	1	1	5	
Осетинский	4	3	4	2	9	13	56

Сокращения: edu — образование; year — год; month — месяц; time period — временной промежуток; other — прочие контексты; ord — порядковые числительные; card — количественные числительные.

Таблица 3б. Тип контекста и язык

	Русский	Осетинский	% рус.
Менее формальный	6	78	7,1%
Более формальный	12	13	48%

Таким образом, именно контекст (и в меньшей степени арифметическое значение) служит **триггером** для использования русских числительных. Тип числительного влияет на **тип составляющей** и, предположительно, не влияет на частотность. То, что порядковые числительные значительно чаще употребляются на русском, можно объяснить тем, что их сфера употребления уже и подходящих триггеров для русского, соответственно, больше.

5. Выводы

Мы провели корпусный анализ русских и осетинских числительных в осетинской речи. Мы показали, что на выбор языка влияет семантический тип **контекста** (edu, year, month > other) и **арифметическое значение** (более 10 > менее 10). Мы предполагаем, что именно эти факторы служат триггером для использования русских числительных.

В зависимости от **типа числительного** (количественное или порядковое) используется смешанная составляющая (русские слова вставляются в морфосинтаксическую рамку осетинского) или остров включенного языка (русские слова в соответствии с правилами русского языка, а не осетинского) в терминах рамочной модели матричного языка К. Майерс-Скоттон. Конструкции с количественными числительными менее **конгруэнтны** в русском и осетинском, чем конструкции с порядковыми числительными, которые похожи на прилагательные, поэтому для количественных числительных доступна только опция острова включенного языка, а для порядковых числительных — обе опции.

Несмотря на то, что порядковые числительные значительно чаще употребляются на русском, чем количественные, мы считаем, что тип числительного напрямую не влияет на частотность. Сфера употребления количественных числительных шире, соответственно, они чаще употребляются на осетинском, поскольку подходящих триггеров для русского меньше.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; ALL — аллатив; ENCL — энклитика; FUT — будущее время; GEN — генитив; IN — инессив; INTR — показатель непереходности; NEG — отрицание; ORD — порядковое числительное; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PV — преверб; R — русский; SG — единственное число; SUPER — местный внешний падеж (суперэссив-суперлатив); TR — показатель переходности.

Литература

- Абаев 1959 — Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959.
- Валиева 2012 — Валиева З.И. Особенности функционирования русско-осетинского двуязычия в Республике Северная Осетия – Алания // Вестник ТГПУ. 2012. № 5 (120). С. 116–119.

- Гуриев 1962 — Гуриев Т.А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1962.
- Дзодзикова, Кульчиева 2016 — Дзодзикова З.Б., Кульчиева М.Б. Русские лексические заимствования в устной разговорной речи осетинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57). С. 118–120.
- Камболов 2007 — Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007.
- Максимов 2017 — Максимов С.А. Числительные в пермских языках: прошлое и настоящее // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 11 (3). С. 7–13.
- Мельчук 1985 — Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Vienna: Institut für Slawistik der Universität Wien, 1985.
- Пинеда 2009 — Пинеда Д. К проблеме «парадокса наблюдателя» и переключение кодов // Полярный вестник. 2007. № 10. С. 40–52.
- Babby 1987 — Babby L.H., Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian // *Natural Language & Linguistic Theory*. 1987. Vol. 5. No. 1. Pp. 91–138.
- Belyaev 2019 — Belyaev O. Contact influences on Ossetic // *The Oxford Handbook of language contact* / Grant A. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2019. Pp. 467–493.
- Belyaev 2017 — Belyaev O.I. The numerative in Ossetic // *Talk at the Seventh International Conference on Iranian Linguistics (ICIL 7)*, Институт стран Азии и Африки МГУ, Россия, 28–30 августа 2017.
- Corbett 1993 — Corbett G.G. The head of Russian numeral expressions. // *Heads in grammatical theory* / Corbett G.G., Fraser N.M., McGlashan S. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 11–35.
- Ershler 2020 — Ershler D. Iron Ossetic // *The Handbook of the Languages of the Caucasus* / Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2020. [<https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780190690694.001.0001/oxfordhb-9780190690694-e-17>].
- Janurik 2017 — Janurik B. Erzya–Russian bilingual discourse: A structural analysis of intrasentential code-switching patterns. PhD dis. University of Szeged, 2017.
- Khomchenkova, Pleshak 2021 — Khomchenkova I., Pleshak P. Russian numerals in Moksha and Hill Mari // *Linguistica Uralica*. 2021. Vol. 57 (4). Pp. 277–302.
- Matras 2007 — Matras Y. The borrowability of structural categories // *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / Matras Y., Sakel J. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2007. Pp. 31–73.
- Myers-Scotton 1993 — Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

- Pesetsky 2013 — Pesetsky D. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, Mass: MIT Press, 2013.
- Pyöli 1996 — Pyöli R. Venäläistyvä aunuksenkarjala: kielenulkoiset ja sisäiset indikaattorit kielenvaihtotilanteessa. Doct. dis. Joensuun yliopisto, 1996.
- Sarhimaa 1999 — Sarhimaa A. Syntactic transfer, contact-induced change, and the evolution of mixed codes: Focus on Karelian–Russian language alternation. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999.
- Zeijlstra 2004 — Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord. Ph.D. dis. Utrecht university, 2004.

Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 3
Minor languages in general linguistics. Issue 3

Сборник научных статей

Редактор
Кс. П. Семёнова

Оригинал-макет и художественное оформление переплёта
Кс. П. Семёнова

Подписано в печать 13.12.2021. Формат 60 × 84/16
Гарнитура Charis SIL
Тираж 50 экз. Заказ № Н-7399

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117246, г. Москва, проезд Научный,
д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com